

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 5 класса
общеобразовательных учреждений

Ханты-Мансийск
2015

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс
М23

Рецензент:

Динисламова С. С. – кандидат филологических наук

М23 Мансийская литература : хрестоматия для учащихся 5 класса общеобразовательных учреждений / Авт.-сост. Л. Н. Панченко ; под ред. Е. В. Косинцевой ; Деп. образования и молодёжной политики ХМАО-Югры., Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-9907303-1-1

В хрестоматии представлены народный фольклор и произведения мансийских поэтов и прозаиков, рекомендованные для изучения в 5 классе общеобразовательной школы. Главная цель хрестоматии – обогатить читательский опыт учеников, расширить круг их чтения. Предназначена для работ на уроках мансийской литературы и для самостоятельного чтения учащимися.

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907303-1-1

© Панченко Л. Н., автор-составитель, 2015
© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», 2015
© Оформление. ООО «Югорский формат», 2015

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сказка о медведе и бурундуке

Живут на свете медведь и бурундук. Один из них обитает в одном уголке тайги, второй – в другом.

Бурундук живёт-поживает, ничего не боится, по разным деревьям лазает, то тут, то там появляется.

Так, носясь однажды по лесу и прыгая с дерева на дерево, видит: кто-то там по земле передвигается.

Бурундук поспешил туда. Приблизился, смотрит: медведь! Подошли они друг к другу, и началась у них беседа, нет ей ни конца, ни края. Долго ли говорили, коротко ли, вдруг заспорили.

Один из них говорит:

– Я первый увижу появление солнца над горизонтом!

А другой отвечает:

– Нет, я увижу первым!

Где уж такому маленькому зверьку, как бурундук, победить в споре! Медведь большой, и ума у него немало!

Долго ли спорили, коротко ли, наконец, решили так: «Сядем и будем ждать, кто из нас раньше увидит восход солнца».

Бурундук огляделся кругом и говорит:

– Я сяду лицом к той высокой горе.

Медведь отвечает:

– А я сяду лицом к тому широкому полю.

Сели, упёрлись друг в друга спинами.

Долго ли сидели, коротко ли, ничего не видно.

И вот наступил рассвет. Раскрыли они глаза пошире, ждут: кто же из них раньше другого увидит восход солнца.

Так посиживая, бурундук вдруг закричал:

– Какая радость! Я вижу солнце!

Медведь вытаращил глаза, смотрит на поле: нет никакого солнца. Обернулся назад: бурундук такой радостный, прыгает, пляшет, изгибается, кривляется.

Медведь говорит:

– Где ты видишь солнце?

А бурундук, прыгая, танцуя, показывает на гору и говорит:

– Гляди туда, туда! Золотой луч солнца блестит вон там, на той горе!

Посмотрел медведь наверх: и правда, солнце появилось, его лучи осветили вершину горы. А бурундук ещё больше стал прыгать и скакать перед самым его носом.

Медведю это надоело, даже в глазах зарябило. Протянул он лапу, схватил бурундука за живот.

Тот рванулся изо всех сил. Однако целым уйти не удалось, когти медведя полоснули его по спине. Спасаю он от смерти и побежал. Увидел яму, бросился туда. Успокоился, слизал кровь, лечится.

Раны вскоре зажили, но на шкурке когти медведя оставили следы: вдоль всей спины тянутся пять тёмных полосок.

Раньше мех у бурундука был песочного цвета, а теперь он полосатый.

С тех пор, как бурундук испытал страх смерти, всего начал бояться. Где что ни увидит, где что ни услышит, сразу прячется в яме между корней, сидит там и дрожит. Такой стал трусливый. Так он и до сих пор живёт.

Деревня охотника

Живёт в лесу охотник с женой и ведёт своё хозяйство. Он часто ходит в тайгу на охоту, но ничего не добывает.

Однажды он идёт по лесу, внимательно всматриваясь вокруг. И вдруг он увидел плавающую на озере птицу, которая не могла улететь. Оказалось, что у неё сломано крыло. Охотник решил взять её домой и вылечить. Ведь потом она будет ему помогать. Два года продержал охотник птицу, лечил её. Но она не поправлялась. Зато птица оказалась прожорливой и много ела. Надо было добывать много пищи. После долгих раздумий охотник решил убить её.

Посадил птицу на жердь и, отойдя на несколько шагов назад, направил на неё ружьё. Птица вдруг по-человечески заплакала, потекли у нее слёзы ручьем. Охотнику стало жалко птицу, и он её вновь занес домой. Охотник по-прежнему ходит в лес на промысел, но ничего не добывает. А птица стала потихоньку поправляться, взлетать.

Раз охотник предложил озёрной птице: «Сходи в лес на охоту». А птица ему отвечает: «Я ещё больная, не поправилась полностью, поэтому плохо летаю. Не веришь. Вот камень, я его сломаю».

Птица высоко взлетела и скрылась в вышине. Вдруг с невероятным шумом и грохотом показалась с высоты. Ударилась крылом о камень. И снова сломала себе грудь.

Охотнику пуще прежнего стало жалко несчастную птицу. Снова он начал лечить и кормить птицу. Долго ли, коротко ли кормил и лечил её. И всё же вылечил птицу.

Однажды она говорит хозяину: «Хочешь в город съездить – садись на меня. Теперь я поправилась. Куда хочешь, туда и свожу».

Птица ожила, окрепла, стала помогать охотнику. Добывает она ему оленя, лося, лису, волка. Всё, что надо охотнику, она достанет, добудет.

Теперь охотник с женой и озёрной птицей живут и поживают и горя не знают.

Эква-Пыгрись пускает стрелы

Мальчик по имени Эква-Пыгрись живёт с бабушкой. Долго ли жили, коротко ли, однажды он говорит:

– Бабушка, сделай мне лук и стрелу, я буду играть ими на улице.

Бабушка отвечает:

– Хорошо, сделаю тебе лук и стрелу, только не ходи в тот тёмный еловый лес. Кто ходил туда, их нет в живых!

Эква-Пыгрись говорит:

– Ладно, не пойду.

Вот сделала ему бабушка лук и стрелу. Он вышел на улицу и играет: пускает стрелу то в одну, то в другую сторону. И вдруг неожиданно его стрела упала в еловый лес. Эква-Пыгрись пошёл туда искать её. Ищет, ищет.

И вдруг видит: идёт женщина с берестяным кузовом за спиной. Подошла она и говорит:

– Внучек, полезай ненадолго в мой кузов, я поищу твою стрелу.

Эква-Пыгрись – послушный мальчик, быстро залез в кузов. Тут же эта женщина пошла прочь от его дома.

У Эква-Пыгрися в кармане был маленький то-ненький ножичек, он достал его и начал сверлить стенку кузова. Быстренько сделал отверстие, выпрыгнул через него и крикнул:

– Бабушка, а я на воле!

– Ну, погоди! Смог выйти из берестяного кузова, а из железного не выйдешь! – сказала женщина.

Эква-Пыгрись пришёл домой к своей бабушке. Утром вышел на улицу, пускает стрелу то в одну, то в другую сторону. Опять его стрела улетела в еловый лес. Пошёл он туда искать её. Смотрит:

снова к нему приближается та женщина. За спиной у неё железный кузов. Подошла к нему и говорит:

– Внучек, полезай ненадолго в мой кузов, я поищу твою стрелу.

Эква-Пыгрись – послушный мальчик, быстро залез в кузов. Тут же эта женщина быстро пошла прочь от его дома.

Эква-Пыгрись, как и тогда, начал сверлить стенку кузова своим тоненьким ножичком. Сверлил, сверлил – просверлил отверстие. Быстренько выпрыгнул на землю и крикнул:

– Бабушка, а я на воле!

– Ну, погоди! Смог выйти из берестяного кузова, смог из железного, а из каменного кузова не выйдешь!

Эква-Пыгрись побежал домой. Ночь переночевали, а утром он опять вышел на улицу пускать стрелу. Играет он, играет, пускает стрелу то в одну сторону, то в другую. Непослушная стрела снова улетела в еловый лес. Он пошёл искать её. Вдруг видит: к нему приближается та же самая женщина. Подошла и говорит:

– Внучек, полезай ненадолго в мой кузов, я поищу твою стрелу.

Эква-Пыгрись – послушный мальчик, опять забрался в кузов. Тут же эта женщина быстро пошла прочь от его дома. При этом она говорит:

– Ты вышел из берестяного кузова, железного кузова, из чугунного кузова не выйдешь!

Эква-Пыгрись достал свой тоненький ножичек, сверлил-сверлил, сверлил-сверлил, и вдруг ножичек сломался. Что теперь делать?

Вот эта женщина принесла его к себе домой, вытащила из кузова, крепко привязала к столбу. Переночевали они ночь, а утром женщина говорит своим сыну и дочери:

– Дети, следите за ним внимательно! Я схожу за дровами, чтобы сварить его. Такой большой зверь попался – дров немало надо. Караульте хорошо, не отвязывайте его!

Подпоясалась она и вышла на улицу. Положила топор на руку и пошла в лес. Как только она ушла, Эква-Пыгрись говорит её детям:

– Девочка и мальчик, отвяжите меня, я сделаю вам маленькие ковшечки, ими вы будете пить мою кровь.

Дети обрадовались и отвязали его. Эква-Пыгрись взял топор, положил бревно, стал на нём что-то рубить. Рубит, рубит и вдруг говорит:

– Девочка и мальчик, подойдите сюда, посмотрите, какая интересная штучка получилась!

Дети подбежали и говорят:

– Где же она? Мы ничего не видим!

– Вот тут, вот она! – говорит Эква-Пыгрись.

Они наклонились поближе к бревну, Эква-Пыгрись занёс над ними топор и отрубил им голо-

вы. Быстро повесил над огнём котёл, положил в него мясо этих детей и сварил. Готовое мясо выложил в три чашки. Одну чашку поставил в передний угол, другую – у порога, третью – на дорожку, по которой будет возвращаться та женщина. Потом накалил на углях лом и залез с ним на высокую лиственницу, стоявшую перед домом. Долго ли сидел там, неизвестно. Вдруг слышит: та женщина возвращается. Подошла она к чашке с мясом, схватила кусок, жуёт и говорит:

– Хаш-хаш-хаш! Вкус не звериного мяса! Ку-у, вот беда, дети мои, наверно, убили того мальчишку.

Вошла в дом, взяла кусок мяса из чашки, которая стояла в переднем углу. И произносит при этом те же самые слова. Вдруг слышит: пищит кто-то за занавеской.

Женщина говорит:

– Пищите, пищите, я вам покажу! Как вы смели трогать мою добычу?!

Заглянула за занавеску, а там, оказывается, не её дети, а два мышонка, связанные вместе хвостами, тянут друг друга в разные стороны и громко пищат. Затем оглянулась вокруг – детей нигде нет. Поняла она: это её дети убиты. А добыча её, Эква-Пыгрись, исчез.

Зарыдала она и говорит:

– Куда же он подевался? Ведь это он убил моих детей!

Тут Эква Пыгрись крикнул:

– Бабушка, я здесь!

Женщина вышла на улицу, посмотрела на вершину лиственницы, видит: Эква-Пыгрись там сидит. Она говорит:

– Ты сиди там, сиди! Я срублю дерево, оно упадёт, ты и шлёпнешься на землю!

Взяла она топор, рубит, рубит. Долго ли рубила, коротко ли, – утомилась. Видит: скачет мимо зайчишка. Увидел её заяц и говорит:

– Бабушка, ты, наверное, устала. Ложись, отдохни. Пока ты спишь, я порублю.

Женщина быстренько легла спать. Зайчишка схватил топор, рубил, рубил по камню, топор стал совсем тупым. Женщина проснулась, села, смотрит: лиственница, как стояла, так и стоит. Взяла она топор и видит: её топор стал тупым, как колун. Она взяла другой топор и начала рубить. Рубила, рубила – утомилась. Лиственницу нелегко срубить.

Долго ли рубила, коротко ли, видит: бежит мимо лиса. Увидела её лиса и говорит:

– Бабушка, ты, видно, устала. Ложись, отдохни. Пока ты спишь, я порублю.

Женщина быстренько легла спать. Пока она спала, лиса и этот топор затупила, ударяя о камень. Бросила лиса топор и была такова. Женщина проснулась, села, рассматривает топор. Оказывается, и этот топор стал тупым, как колун. А лист-

венница всё так же стоит. Никто её и не трогал. Рассердилась она:

– Такие-сякие звери, превратили оба мои топора в колуны! Взяла она третий топор и снова стала рубить. Рубила-рубилa – лиственница не рубится. Вдруг видит: бредёт мимо росомаха. Тихонько подошла к женщине и спрашивает:

– Бабушка, ты что делаешь?

– Что я делаю? Лиственницу рублю!

– А почему ты рубишь лиственницу?

– Там наверху сидит Эква-Пыгрись. Он моих детей в котле сварил! Я хочу его достать!

Росомаха говорит:

– Бабушка, тебе его не достать. Ложись отдыхать. Пока ты спишь, я срублю лиственницу. Когда она упадёт, я разбужу тебя.

Та женщина опять быстренько легла спать. Долго ли спала, коротко ли, проснулась и видит: оказывается, росомаха и этот топор затупила, бросила его рядом с деревом и убежала.

Тут женщина начала ругаться и браниться.

Эква-Пыгрись на лиственнице говорит:

– Бабушка, ты, видно, на самом деле устала. Открой пошире рот, я сам в него прыгну.

Женщина обрадовалась, думает, что Эква-Пыгрись действительно ей в рот прыгнет, и раскрыла его пошире.

Тут Эква-Пыгрись начал сыпать вниз горячую золу. Зола попала женщине в горло, говорит:

– Внучек, что это за тёплые кусочки попадают мне в рот?

Эква-Пыгрись отвечает:

– Это кусочки коры от лиственницы. Ты рот пошире открывай, а то я не уместюсь.

Женщина разинула рот как можно шире. Эква-Пыгрись прицелился и запустил в него раскалённым ломом. Этот лом навсегда пригвоздил людоедку к земле, и она распрощалась с жизнью.

Эква-Пыгрись потихоньку спустился с лиственницы, огляделся и побежал домой. Прибежал к бабушке. Они и теперь живут и здравствуют!

Сиротка

Муж и жена живут, у них есть две дочки. Одна из них – дочь мужа, другая – дочь жены. Так живут-поживают. Дочку мужа его жена ненавидит. Муж сходит проверить запор на речке, наловит налимов, приходит домой, жена наварит ухи, начинают есть. Жена дочери мужа накладывает в отдельную чашку, туда положит хвосты налима, кишки налима. И ставит чашку перед дочкой мужа:

– Ну, – говорит она, – ешь!

А своей дочери она накладывает всё вкусное: печень налима, икру налима.

Долго ли жили, коротко ли, однажды дочка мужа совершенно ослабла с голоду. Жена мужу говорит:

– Иди, отведи свою дочь в лес, пусть там она живёт.

И муж отправился. Дочь он посадил на маленькую нарточку и тащит её. Долго ли шли, коротко ли, и вот пришли к густому лесу. Мужчина остановился, немного нарубил брёвен. И тут готов дом, куда может войти только лишь нос, только лишь голова, такой маленький домик. Дом закончил, свою дочь внутрь толкнул и сказал:

— Живи!

А сам обратно пошёл-потатился. Пришёл домой, спрашивают его:

— Ну как, оставил её в лесу?

— Оставил, срубил ей дом, куда может войти только голова, только нос.

Но тут поднялась жена на мужа:

— Она разве дом просила! Почему ты свои силы понапрасну тратишь!

Назавтра встали, жена говорит:

— Иди, сходи, проверь дочь, отнеси ей поесть.

Мужчина взял картошку, сырые кишки налима, сырые хвосты налима и потатился к дочери. Приближается к домику дочери, прислушивается: нет ли звука, двери немного приоткрыл, спрашивает:

— Доченька, жива?

Из дома еле слышится голос:

— Жива, с человеком, обречённым испытать печаль, разве может что-либо случиться?!

И мужчина сырые кишки, хвосты налима через щелочку двери толкнул внутрь и сказал:

— Я тебе принёс еды, ешь!

Девочка подошла туда, сырые кишки, хвосты налима хотела погрызть, зубы отскакивают, так они заморожены. Отец обратно отправился, ему возле неё нечего ждать!

И вот настала ночь, дом её холодный, застужен до того, что углы дома от мороза трещат, такой мороз ударил. И девочка закуталась в свою старенькую шубку, в самый дальний угол забралась. Хотя и забирается вглубь, разве согрется! Там и дрожит, и дремлет.

— Внучка, открывай дверь, я к тебе в гости пришёл, моё туловище длиною с вершок, ноги мои длиною с хорей, которым погоняют оленей.

Тут девочка кричит ему через силу:

— У меня разве есть чем кормить тебя, я сама живу, поедая сырые кишки, сырые хвосты налима.

А тот за дверью царапал, царапал, и вот слышно, попал в дом.

В этот момент девочка превратилась в тонкую иголочку, в мусор провалилась. Этот вошедший в доме нашёл сырые кишки, сырые хвосты налима, слышно, как там он их грызёт, только зубы скрипят. Их съел, стал ощупывать передний угол дома. Сколько ни шупал, девочку в виде тонкой иголки не нашёл.

И говорит:

— Ты живёшь, питаешься сырыми кишками, сырыми хвостами налима, какое может быть у тебя мясо, какой может быть жир!

Шарил, шарил, ничего не нашёл и потащился на улицу. Девочка еле дождалась утра.

И вот слышит, снова отец пришёл. Толкнул в дом сырые кишки, сырые хвосты налима, даже и не спросил ничего, отправился обратно. Снова настала ночь, девочка съёжилась, забилась в угол дома, ни жива, ни мертва посиживает: когда же, когда снова к ней придёт то страшилище. Вскоре за дверью снова слышится: кто-то пришёл, с себя снег стряхивает.

И к двери подошёл, спрашивает:

– Разреши мне войти в дом?

Девочка отвечает:

– Мне нечем кормить тебя, незачем пускать тебя, я сама живу, поедая сырые кишки, сырые хвосты налима.

Тот говорит:

– Я у тебя не прошу ни еды, ни одежды, открывай дверь.

Девочка молчит.

И вот он сам без разрешения открыл дверь. Вошёл в дом мужчина, одет он в белые кисты, в белую парку. А девочка снова приняла вид тоненькой иголки, в мусоре валяется. Мужчина дошёл до середины пола, говорит:

– Сделай добро, покажись на глаза, я прошу тебя – будь моим другом жизни.

Девочка отвечает:

– У меня не такой вид, чтобы показаться тебе на глаза, увидишь меня, станет тошно.

Мужчина говорит:

– Какой вид у тебя, я это знаю, не испугаюсь, покажись мне.

И тут она явилась на глаза, мужчина подошёл к ней и поцеловал её.

Наварили котёл мяса из спины и груди оленя, положили мясо в чашку, на один конец стола положили женский нож, на другой конец стола положили мужской нож. Мужчина говорит:

– Если желаешь быть моим другом жизни, садись за стол.

Куда деваться девушке? Сели они за стол есть. И вот у девушки стало всего полным-полно: она стала богатой, много добра дома и на улице. Надели ей белые кисы, надели на неё белую шубу. Что за девушка стала, как она прекрасна, словно она дочь богатыря!

Вот отец долго ли жил, коротко ли жил, говорит:

– Схожу, посмотрю, дочь, наверно, уже умерла с голоду.

И отправился. Стал приближаться к дому дочери, слышит: так она рыдает! Мужчина говорит:

– Всё ещё жива, всё ещё не умерла с голоду, всё ещё есть силы плакать?

Подошёл ближе, что же, разве она плачет, она песню поёт! Смотрит: вокруг дома дочери оленьё

пастбище, по снегу видно, олени только что были дома. По обеим сторонам дома развешано жирное оленьё мясо.

Вошёл в дом к дочери, говорит:

– Ну, милое моё дитя, живёшь?

– Почему же не жить, живу!

Спрашивает отца:

– Ты пришёл издалека, наверное, хочешь есть?

Отец говорит:

– Наверное, я проголодался.

Дочь встала, взяла сырые кишки, сырые хвосты налима, которые сохранила с прошлого, поставила перед отцом. Отец думает: строганину – мясо из спинки, из грудины оленя ему поставили, вот бросился к чашке: оказывается, кишки, хвосты налима, которые сам прежде привозил. Носом вертит то туда, то сюда, ему очень неловко. Немножко посидел у стола, отошёл.

Когда он стал уходить домой, ему дали с собой кусок жирного мяса. Дочь говорит:

– Отвези его моей мачехе, пусть посмотрит, чем я питаюсь.

И мужчина пошёл домой с песней, со сказкой. И вот его жена слышала:

– Мой муж плачет, дочка хорошо, что умерла, со слезами тащит её домой на нарточке.

Пошла навстречу, оказывается, он вовсе не плачет! Он поёт песни, сказки рассказывает! Еле тащит

нарточку, нагруженную жирным мясом из спинной части, из грудной части оленя.

Тут жена спрашивает:

– Это ты где взял такое жирное мясо?

– Откуда я взял? Наша дочь вот так разбогатела: вокруг её дома оленье пастбище, по обеим сторонам дома развешано жирное мясо.

Жена тут говорит:

– Вот какое счастье! Пока ты ещё совсем не ослаб, нашу собственную дочь тоже отведи в лес. К ней ещё лучшая женщина придёт, ещё лучший мужчина придёт.

И вот последнюю дочку стали собирать в лес. Жена его сварила печень налима, икру налима, погрузила на нарточку вместе с дочкой, обняла её, поцеловала и отправила в лес.

Пришли в лес, и тут отец воздвиг своей дочери дом, обтёсанный с наружной и внутренней стороны. Обнял, поцеловал её и оставил в лесу. Прежде, когда дочка уходила, мать ей сказала:

– Доченька, кто придёт к тебе, не ругайся, води себя хорошо. Ты, моя счастливая доченька, счастливую жизнь встретишь!

Дочь осталась одна в лесу, припоминая, думая о тех сказанных словах. И сидит, и ждёт. Долго ли сидела, коротко ли сидела, и вот стала трещать дверь. За дверью слышится:

– Пусти меня в дом, моё туловище с вершок, ноги мои длиною с хорей, которым погоняют оленей.

И тут радостно закричала девушка:

— Заходи, миленький, заходи! Для тебя у меня имеется печень налима, икра налима!

И вот входит он в дом, страшно смотреть на него, и тут девушка замертво упала. И это чудовище протиснулось в дом, набросилось на чашку с печенью налима, на чашку с икрой налима. Так чмокает, так захлёбывается. Доедая, говорит:

— Ты живёшь, питаюсь такой вкусной едой, мясо твоё, наверное, тоже такое же очень вкусное!

И тут стал ощупью искать девочку, нашёл и тут же загрыз её. Вытащил кишки, намотал их на таганок. Череп же поставил на дорогу, по которой должны идти мать и отец.

Настал день. И вот жена стала торопить мужа:

— Иди-иди, скорее иди, посмотри на нашу дочку. Мужчина отправился к дочери, взял с собой нарточку. Приблизился он к её дому — ничего не слышно, никто тут не ходил! Ещё немного приблизился, смотрит: череп их дочери поставлен посредине дороги. Сердце его оборвалось, без чувств тащится дальше. Зашёл в её дом, огляделся: никаких признаков жизни. Смотрит он в сторону очага: кишки дочери намотаны на таганок. Он плачет и рыдает. Остатки дочери собрал, положил на нарточку, с плачем, рыдая, тащит их домой.

Приблизился к своей деревне, жена слышала его, в ожидании его постоянно выбегает на улицу. Муж идёт с песней. Побежала навстречу, глядит:

муж её шатается, то в одну сторону, то в другую сторону пошатнётся. И тут жена думает:

— Ого! На нарту моего мужа столько мяса нагрузили, что он тащить не может, туда-сюда шатается.

Приблизилась она к мужу, смотрит: где там он поёт, оказывается, он плачет! Положил он вдоль нарты шубку, кисы своей дочери и тащит их домой. Жена тут же упала в обморок

Пришли домой, повесили носы, здорово их проучили! То туда сядут, то сюда сядут, места себе не находят, ни на что не годятся.

Долго ли жили, коротко ли жили, обессилели, состарились, работать не могут. Однажды жена говорит:

— Что же делать, сходи снова к своей дочери, мы обессилели, может, она нам ещё раз поможет.

И вот мужчина отправился, пришёл к дочери.

Дочь спрашивает его:

— Зачем же пришёл ты ко мне, я разве что-нибудь взяла у вас?

Отец отвечает:

— Нам совсем есть нечего. У нас нет сил добывать лесных зверей, мы не можем ловить рыбу, только ты нас можешь пожалеть, больше никому.

Дочь встала, молча сварила оленьего мяса из спинной, из грудной части, очень много мяса положила в котёл. Сварила суп, накормила, напоила отца досыта, до отвала. Когда он стал уходить до-

мой, она сушёные кишки налима, сушёные хвосты налима отправила мачехе и сказала:

– Я, кроме этого, ей ничего не могу послать. Я прежде их есть могла, теперь пусть моя мачеха их попробует, узнает их вкус.

Мужчина что же может сказать тут – что дали, то и взял и пошёл домой. Какое мучение прежде они причиняли дочери, теперь это же самое вернулось к ним самим.

С давних пор говорят: сироту не мучай, когда-либо это же мучение вернётся к тебе самому.

А дочь его осталась с мужем из людей Мисмахум вместе с добром, с богатством, и теперь они живут да поживают.

Ворона с бусами в ушах

Жили три брата. Долго ли, коротко ли жили. Однажды один из них говорит братьям:

– Я куда-нибудь схожу да невесту себе поищу. На другой день он ушёл, сам не зная куда, в какую сторону идти. Долго ли, коротко ли шёл, пришёл на какую-то реку. Множество ворон и сорок сидело и расхаживало по берегу. Смотрит, они делают запор, кто выбирает лёд из проруби, кто долбит лёд.

Он подошёл к ним и спрашивает:

– Вороны и сороки, что это вы делаете?

Вороны и сороки зашевелились, закричали:

– Откуда это ты идёшь, сын героини, сын богатыря, не видишь разве, мы делаем запор для рыбной ловли. А ты куда идёшь?

– Я невесту себе ищу.

Вороны и сороки говорят ему:

– Ты, дружок, помоги нам сделать запор. У нас есть сестра с бусами в ушах, тебе отдадим.

Приезжий человек говорит:

– Какая у вас есть сестра, я её не знаю.

Вороны и сороки говорят:

– Если не знаешь, пойдёшь на берег в наш дом и там с ней встретишься. Увидишь нашу сестрёнку.

Смотрит, вон дом за рекой стоит. Он пошёл к дому. Пришёл к дому, открыл дверь.

В открытую дверь на улицу с шумом и криком выпорхнула однокрылая ворона с бусами в ушах. Он зашёл в избушку, где была лишь одна старая женщина. Спрашивает она его:

– Откуда ты пришёл, сын героини, сын богатыря, и куда идёшь?

Он осматривается по всей избушке и никакой девушки с бусами в ушах не видит. Потом говорит:

– Я, бабушка, ищу себе невесту.

Старуха немного помолчала, потом опять спрашивает:

– С какой стороны ты шёл, моих сыновей и дочерей где-нибудь не видел?

Он задумался:

— Где же я их видел? Нигде человека не встречал.
Потом говорит:

— Не видел, я ведь из далёких земель иду, никого нигде не встречал. Только видел на этой речке ворон да сорок, которые делали запор. Они мне сказали, пойди, мол, на берег, зайди в избушку, где есть у нас сестра с бусами в ушах, мы её тебе сосватаем.

Женщина ещё немного посидела, опять спрашивает:

— А ты мою доченьку с бусами в ушах не видел?

Он задумался:

— Где же я её мог видеть?

Потом говорит:

— Нет, бабушка, девушку с бусами в ушах не видел нигде. Только разве сейчас, когда дверь открывал, через меня выпорхнула на улицу с шумом и криком ворона с бусами в ушах. Больше я никого не видел.

Старушонка рассердилась, вскочила с места, схватила большую палку, ударила гостя по голове, и он превратился в камень.

Братья его долго ли, коротко ли жили. Ждали, ждали старшего брата, а он всё не возвращался. Тогда средний брат говорит братишке:

— Ты оставайся, братишка, а я пойду искать нашего брата. Может быть, где-нибудь найду.

На другой день утром встал и пошёл по той дороге, по которой ушёл их брат. Долго ли, коротко ли шёл, пришёл к какой-то реке. Много ворон и сорок сидело и расхаживало по берегу реки. Смотрит, они делают запор, кто выбирает лёд из проруби, кто долбит лёд.

Он подошёл к ним и спрашивает:

– Ну, народ, что вы делаете?

Вороны и сороки зашумели, закричали:

– Откуда ты идёшь, сын героини, сын богатыря? Видишь, мы делаем запор для ловли рыбы. А ты куда идёшь?

– У меня браток куда-то давно ушёл себе невесту искать и до сих пор не вернулся. Вы его где-нибудь не видели?

Вороны и сороки ему говорят:

– Видели. Сюда к нам приходил. Мы его к нам домой отправили, потом куда он ушёл, мы не знаем. Сходи к нам, матушка наша дома, может быть, она знает, куда ушёл твой брат. Она тебе укажет дорогу.

Смотрит он, за рекой стоит дом, пошёл он к дому. Пришёл к дому, открыл дверь, в открытую дверь однокрылая ворона с бусами в ушах с криком и шумом выпорхнула на улицу. Зашёл он в избушку, В избушке сидит одна старуха и спрашивает его:

– Откуда ты пришёл, сын героини, сын богатыря и куда идёшь?

Он отвечает:

— Бабушка, я иду искать своего брата. Он давно куда-то ушёл искать себе невесту. Вы его видели или нет?

Бабушка ему отвечает:

— Не знаю, сынок, кто видел его или нет... А ты, внучек, моих сыновей и дочерей где-нибудь не видел ли?

Он задумался. Думал, думал, где мог он их видеть. Потом говорит:

— Не видел. Так-то я из далёких земель иду. Нигде никого не видел. Только видел на этой речке ворон и сорок. Они делают забор. Я их спросил, не видели ли они моего брата, они мне говорят: «Сходи к нам, матушка у нас дома, она знает, куда ушёл твой брат, тебе покажет дорогу». Вы, бабушка, не знаете, где живет мать тех ворон и сорок, и кто она такая?

Старуха посидела немного молча и спрашивает:

— А ты мою доченьку с бусами в ушах не видел?

Он задумался, где же её мог видеть, потом говорит:

— Нет, бабушка, девушку с бусами в ушах не видел нигде. Только сейчас, когда дверь открывал, через меня однокрылая ворона с бусами в ушах выпорхнула с шумом и криком на улицу. Больше я никого не видел.

Женщина рассердилась, вскочила с места, схватила большую палку, ударила гостя по голове и убила, он превратился в камень.

Остался братишка у них один. Долго ли, коротко ли жил он, ждал своих братьев, которые так и не возвращались домой. Жизнь его становилась всё хуже: одеваться и есть ему стало нечего. Однажды задумался: «До каких пор я их здесь буду дожидаться, они всё равно не вернуться. Лучше пойду искать их. Найду или нет, не знаю. Может быть, их убили. Завтра пойду их искать».

Настал завтрашний день. Утром он встал и ушёл вслед за братьями. Долго ли, коротко ли шёл, пришёл на какую-то реку. Множество ворон и сорок сидело и расхаживало по реке. Смотрит – они делают запор, все работают дружно, кто долбит лёд, кто выбирает лёд из проруби.

Направился он к ним и видит, вороны и сороки поймали очень много рыбы. Он подошёл к ним, поздоровался и спрашивает:

– Здравствуйте, добрые люди. Запор осматриваете?

Вороны и сороки загалдели и отвечают ему:

– Откуда ты идёшь, сын героини, сын богатыря? Мы осматриваем свой запорчик рыбной ловли. А ты куда держишь путь?

Он им отвечает:

– Я иду разыскивать своих братьев. Они у меня давно куда-то ушли искать себе невесту и не вернулись. Вы их видели или нет?

Вороны и сороки ему отвечают:

– Не так давно, когда мы ещё ставили запер, к нам приходил один человек, искал он себе невесту. Мы направили его к нашему дому, и он ушёл. Через несколько дней после этого к нам пришёл другой человек, который искал его. Мы также указали дорогу туда, куда ушёл его брат. А сейчас ты пришёл на розыски их. Вон на берегу стоит наш дом. Дома наша матушка. Ты спроси её, может быть, она знает, куда ушли твои братья. И укажет тебе дорогу.

Смотрит он, на берегу реки стоит избушка. Он подошёл к избушке, открыл двери, в открытую дверь однокрылая ворона с бусами в ушах с криком и шумом выпорхнула на улицу. Зашёл он в избушку. В избушке сидела одна старуха, а посередине пола лежали два больших камня. Старуха спрашивает:

– Откуда ты пришёл, сын героини, сын богатыря? И куда идёшь?

Он ей отвечает:

– Я иду разыскивать своих братьев. Они куда-то ушли на поиски своих невест. Вы, бабушка, не видели ли их?

Старуха отвечает ему:

– Не знаю, сынок, видела или нет. А ты, сынок, не видел ли моих сыновей и дочерей?

Он ей отвечает:

– Бабушка, я их видел. Все они одетые люди в нарядных одеждах. Все они работают дружно, осматривают заповор и рыбы наловили очень много. Они меня направили прямо к вам, будто бы вы знаете, куда ушли мои братья.

Старуха помолчала немного, а потом спрашивает:

– Видел или нет ты мою доченьку с бусами в ушах?

Он ей отвечает:

– Видел, бабушка, в чёрную сахи¹ одетую, обшитую орнаментом, неблюем² вся она одета. Нарядная такая, в бисере и бубенчиках. Как я зашёл к вам, она в дверях, с песнею и смехом вышла на улицу.

Женщина ему ласково говорит:

– Вот, вот она и есть... Если видел других у заповора, то это тоже мои дети. Такую хорошую весть принёс, садись, сынок, хорошенько накормлю тебя, а затем покажу твоих братьев. А тебя самого возьму зятем, дочку с бусами в ушах тебе отдам невестою.

Он обрадовался, сел на нары, сидит и думает:

¹ Сахи – меховая шуба, женская зимняя одежда, расшитая орнаментом.

² Небллой – мех олененка осеннего забоя.

– Я счастливейший из всех людей. Нужное сразу нашёл.

В это время старуха приготовила еду и питьё. Накормила его хорошенько. Через некоторое время пришли её дочери и сыновья. Все одетые в дорогие и нарядные одежды и обувь. Прошло некоторое время, и зашла девушка с бусами в ушах, одетая в чёрную сахи, с вышивкой из орнаментов, одетая в неблюй, вся в браслетах и звенящих бубенчиках. Старуха объяснила всем своим сыновьям и дочерям, что сестра их с бусами в ушах будет женою пришедшему человеку.

Затем старуха достала живую воду, капнула на большие камни, которые лежали посередине пола. Оттуда встали его братья, позевав, в один голос сказали:

– А... ах, ух, у, у... Как крепко мы спали, как долго мы спали.

Встали на ноги, увидев своего братишку, очень обрадовались. Затем старуха предложила устроить свадьбу своей дочери.

Братья остались довольны, что их братишка женился на такой хорошей невесте. Они ели, пили на его свадьбе, а затем стали искать себе невест. Так и до сих пор не могут себе найти невест. А братишка их до сих пор живёт-поживает со своей невестой с бусами в ушах.

КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА

Сантыр и Лэен

Вдова была женщина работающая. Она лесовала, рыбачила, готовила на зиму ягоды и орехи. Вставала рано и уходила на промысел. Утренняя заря её из дому выгоняла, а вечерняя – домой загоняла. Сердился на нее Комполэн, злой Болотный Дух:

– Куда ни пойду, везде перед моими глазами мелькает эта вдова. Вот обернусь в озеро с серебристыми карасями, пойдет она ловить карасей и утонет.

Идёт с тяжёлой ношей вдова, увидела озеро и удивилась:

– Откуда бы тут взяться озеру? Тут всегда шумел сосновый бор. Здесь что-то хитрое и злое.

Идёт она берегом озера и не глядит на играющих серебристых карасей в озере. Видит её из озера Комполэн и злится: взволновал в озере воду, взбил волны в тёмные брызги и кинул в глаза вдове. Наполнились глаза тёмной водой – ослепла бедная вдова.

– Как же теперь мои дети будут жить? Кто их будет кормить? – заплакала она, загоревала.

Узнали дети о беде матери, успокаивают.

– Не горюй, мама, – говорит Сантыр. – Я могу рыбу наловить, дров нарубить, воды принести. А Лэен посуду вымоет, пол подметёт и ещё многому у тебя научится. А сегодня мы с ней сходим, морошки тебе нарвём.

Взяли дети берестяные кузовки-пайвы и по-шли на болото. Пришли они: куда ни взглянут – везде крупные звёздочки, как жировушки, ярким оранжевым цветом горят. Сантыр сразу присел к кочке и принялся обеими руками рвать морошку. А у Лэен разбежались глаза – не знает, к какой кочке присесть, кричит радостно:

– Сантыр! Погляди сюда! Ой, столько ягод, что ногой ступить некуда!

Сорвёт она ягодку – бросит в кузовок, сорвёт другую – возьмёт в рот и снова брату кричит:

– Сантыр, попробуй, какая ягода сочная, вкусная!

– Ешь, ешь, да смотри, язык вместе с ягодой не проглоти! – шутит брат.

Прошло некоторое время, вспомнил Сантыр:

– Что это не слышно сестру?

Поглядел в её сторону – не увидел. Крикнул – не отозвалась. Оставил ягоду, побежал по болоту от кочки к кочке. Ищет сестру, кричит:

– Лэен, сестрёнка, где ты? Почему молчишь? Что не откликаешься?

Бегал-бегал, кричал-кричал – не докричался. Видит: бежит белочка по ягодным кочкам в своей летней красной шубке. Остановилась у его ног, печально поцокала и прыгнула на болотное деревце. Махнула пышным хвостом и поплыла рыбкой с дерева на дерево. Полетела с ветки на ветку, точно крылатая птица.

Долго, до самого вечера Сантыр искал сестру и вернулся домой один.

Снова загоревала, заплакала вдова:

– Это, наверное, Комполэн нашу девочку обернул в белочку. Завтра, сынок, отведи меня в кедровый бор, где много белок. Может, она теперь там. Может, моя дочь узнает меня, придёт ко мне.

Долго Сантыр водил свою мать от кедра к кедру. Каждую белочку мать называла дочкой, протягивала свои руки к ней, звала её.

Белочки доверчиво смотрели на неё, слушали, и каждая из них говорила:

– Нет, я не твоя дочь.

Не качнувшись, проходили они по тонким подрагивающим веткам кедров, срывали самые крупные шишки. Спускались на землю. Ставили шишки вверх верхушками, быстро-быстро очищали их от скорлупы и подсовывали в руки слепой женщине.

– Я ищу свою дочь Лээн, – говорила вдова. – Не видели ли вы её здесь?

– Нет, не видели, – отвечали белочки.

– Пойдем, мама, домой, – зовёт её Сантыр. – Нет здесь нашей Лээн. Наверное, Комполэн её у себя держит. Пойду в его царство.

– Что ты, сынок! – взмолилась мать. – Разве может человек, да ещё ребенок, справиться со злым духом?!

Много дней шёл Сантыр по сосновым, кедровым борам, по ельникам и березникам. Еле продирался. Шёл-шёл, на седьмой день подошёл к ветхой, маленькой лесовой избушке. Открыл дверку, видит: сидит перед чувалом маленький седой старик. Греет у чувала остывающие руки.

– Дедушка, можно к тебе зайти? – спрашивает Сантыр.

– Если ты добрый человек, входи, а если плохой, то за дверью постой. – А сам уже подвинул чурбак и пригласил Сантыра сесть.

– Чей ты, человек, и куда собрался? – спрашивает старичок.

– Я – сын вдовы, а иду в царство Комполэна освободить сестру.

– Это хорошо, сынок. Хотя ты ещё и подлесок, а сердце и ум у тебя крылатые, – похвалил его старичок и угостил чаем. – А теперь ложись спать да загадывай сон. На новом месте сны бывают правдивыми.

Ночью поднялся сильный ветер, стучал, шуршал старыми дранками на крыше, раскачивал дряхлую избушку. Сначала Сантыр боялся, что она может от ветра рухнуть и придавить их с хозяином, но потом уснул и увидел страшный сон. А снилось ему, что его сестра, как олень, впряжена в нарты. И какое-то чудовище сидит на нартах, бьёт её хо-

реем³, погоняет. Бедная Лэен загнанно дышит и из последних сил старается бежать быстро.

Сантыр проснулся рано и думает:

– Надо идти, но как же я оставлю такого ветхого старика в этой дряхлой юрте. В любое время она может упасть и придавить его.

Он вскочил и давай брёвна рубить, доски таскать, избушку поправлять. Избушку поправил, дров нарубил, рыбы наловил. Чувал затопил, ухи наварил, хозяина накормил, сам наелся и сон рассказал.

– Любит, любит дочь Комполэна кататься на белочках, – сказал старик. – Они её кормят, забавляют, а она их бьёт, ругает. Люль её имя.

Забилось сердце Сантыра от жалости, он вскочил, начал быстро собираться. Но старичок его усадил и велел послушать:

– Ты, Сантыр, всё иди в ту сторону, где солнце встаёт, – начал старичок. – Вот тебе белый, влажный мох. Когда пойдёшь к дымному болоту, положи его к носу и рту, чтобы не задохнуться.

– А почему, дедушка, то болото дымное?

– Да, должно, наши предки, что живут в Нижнем царстве, сильно топят чувалы. А дым из труб выходит в болото.

Он подал Сантыру свой лук и пёструю стрелу.

– Смотри, по дороге не балуйся стрелой, береги её. Когда приедешь к Комполэну, увидишь в доме

³ Хорей – палка, которой погоняют оленей.

на уголовичке чудище, похожее на куклу, стрелу в него пусти. Только хорошо целься, не промахнись. Промахнёшься – погибнешь. Смерть Комполэна – в этом чудище. Комполэн умрёт вместе с дочерью. А теперь дай твой мизинец Сантыра и долго на него шептал.

Взял старичок мизинец Сантыра и долго на него шептал.

Долго шёл Сантыр, не ел, не пил, не спал. Подошёл к дымному болоту, видит: из одних кочек валит густой, едкий дым. Из других – пламя с шумом клубами вырывается. Не стало сил дышать, вот-вот задохнётся. Он взял влажный мох, приложил его к носу и рту и поспешил прочь от болота. Немножко отошёл и слышит страшный голос:

– Куда идёшь?

– К свету, к свету иду, – ответил Сантыр.

Подошёл к нему высокий, поросший мхом Вор-Хум – Леший и говорит:

– Ну, идущий к свету, давай потянемся на мизинцах. Попробуем силы.

Взял маленький мизинец Сантыра в свой толстый, и потянулись они. Тянутся, тянутся. Ни тот, ни другой перетянуть не может. Сантыр взялся за ствол сосны левой рукой, чувствует: идут к нему силы, как сок весенний по сосне. Собрал он все силы в себя, поднатужился и перетянул Вор-Хума. Рассердился тот, гаркнул громко:

– Ну, раз перетянул, то иди!

Идёт Сантыр, и чем дальше, тем темнее становится. Подошёл к избушке – ничего не видно, еле двери отыскал. Тихонько двери открыл и у порога под лавкой спрятался. Осторожно выглядывает из-под лавки. Видит: на стенах волчьи головы висят, а их глаза огнём светятся, как зажжённые лучины. Сантыр хорошо огляделся: нет Комполэна и нет на угловичке Акынь-куклы, где хранится смерть Комполэна. «Наверное, когда уходит Комполэн, прячет свою смерть» – подумал Сантыр.

На нарах сидит Люль – дочь Комполэна. Две белочки, одна большая, другая маленькая, забавляют Люль. Она заставляет их то петь, то плясать, то драться. Сама то и дело ударяет их палкой. Потом, видно, устала, пала на нары-лежанку и захрапела.

Большая белочка взяла на руки маленькую белочку, прижала к себе, приглаживает её шерстку и плачет:

– Хоть бы быстрее пришёл к тебе брат и освободил нас. У меня вот нет брата, кто меня сестрою назовёт? А я только тогда из белочки в человека превращусь, когда назовут меня сестрой.

– Я тебя, Упы, всегда сестрой зову, – сказала Лээн.

– Ты не брат, а надо брату меня сестрой называть.

А Сантыр всё слышит.

Вдруг зашумел урман, крыша избушки заходила ходуном, дверь распахнулась, влетел Комполэн, пал на пол и сразу захрапел громко.

Сантыр тихонько высунул голову из-под лавки, взглянул на угловичок, увидел, что Акынь-кукла появилась, и пустил стрелу в неё. Раздался страшный грохот, зашевелилась земля, и раскатился по небу крик, как гром. Стоит Сантыр на топком болоте, бегут к нему две белочки – большая и маленькая. Сантыр схватил их за лапки и говорит:

– Сёстры мои. Ты, Лэен, исюм – младшая сестра, а ты, Упы, еким – старшая сестра!

И куда девались белочки? Вместо них стоят перед ним сестра Упы и сестрёнка Лэен.

– Ох, кабы найти нам прямик из этого болота, – говорит Сантыр. – Да, как бы зайти к доброму старику и поблагодарить его за науку!

И он рассказал своим сёстрам про старика.

– Я здесь, у Комполэна, долго прожила, весь урман знаю, но не слыхивала и не видывала старика. Это, наверное, Лесная Дева обернулась стариком, она всегда помогает советами добрым людям, – сказала Упы.

Они нашли тропу и скоро пришли домой. Их встретила радостная, со зрячими, осветлёнными глазами мать и обняла, прижала к своему сердцу всех троих детей.

Сорнин Канясь – золотой князь

Соболь был удачливым охотником: глаза зорки, слух острый, ноги быстрые, а тело гибкое. По верхушкам деревьев ходил, как по тропам земным. Такому бы лесовать да лесовать, себе пищу добывать, но обленился в последнее время, все так наедается, что на его тугом животе можно блоху убить. Так ожирел, что из-под живота и ног своих не может видеть. Наденет шубу из дорогого меха, идёт медленно, переваливается из стороны в сторону. А мех на его шубе разными искрами загорается, золотом отсвечивает.

– Смотрите, смотрите, наш Сорнин Канясь – Золотой Князь гулять вышел, – тихо говорят звери при виде его.

Боятся звери Соболя, знают, что хоть сам он и мал, а злости в нём, как у Комполэна – Болотного Духа. Знают, что кто его не послушается, на того налетает острой стрелой, разевает острозубую пасть, выпускает когти железные и начинает когтями рвать, зубами кусать. Зарычит Медведем, закричит Филином:

– Бу-бу-буху, шубу спущу, на клочки изорву, по ветру пушу!

Все, большие и малые звери, работали на него. Но больше всех терпел страхи от Соболя его двоюродный брат Колонок: день и ночь, ночь и день, с утра до вечера, с вечера до утра лесовал-

охотился. Белку следил, куропаток ловил, рыбу промышлял.

Когда Соболь Колонка отправляет на охоту, строго наказывает:

– Брат, когда с охоты пойдёшь, песни пой, чтобы не есть, не жевать, рот не набивать. Я знаю, какой ты жадный, всё можешь съесть и мне не оставить.

Идет с охоты Колонок, тяжёлую ношу несёт, а сам песню поёт:

*Обегу я все увалы,
Обыщу я ветровалы –
Ухоронки моховые,
Белок, мышек кладовые.
Соболь, братец дальний мой, –
Он тайги хозяин злой.
Чтобы с братцем жить в ладах,
День и ночь живу в бегах.
И сейчас бегу в лесу,
Пищу Соболю несу.*

Устал Колонок: ноги гудят, плечи ноют, голос хрипит, а он всё поёт. Придёт с добычей, а Соболь зажмёт нос пальцами и кричит:

– Ну, ну, иди, прибери добычу да поскорее убирайся, а то от тебя густым потом пахнет. Весь воздух в моей спальне испортил. Да иди добудь мне куропаток.

Заплачет Колонок и уйдёт в ночь искать в снегу сонных куропаток. Повстречает добрую, ласковую Вондр-Выдру, пожалуется ей:

— Братец Соболя выгоняет меня из своей спаленки, говорит, что от меня потом пахнет. Я и сам знаю, что мне чаще надо мыться, чесать и проветривать шубу. А когда? Только вернусь с охоты, он опять отправляет лесовать-охотиться.

А у Соболя богатство копится и жир на сердце топится, покоя ему не даёт. То одного требует, то — другого. Все его желания звери исполняют. Думал-думал Соболя, чего бы ещё ему захотеть, да и надумал.

— Хочу, — сказал он, — жениться на самой красивой девушке. Отыщите и приведите её ко мне.

Бросились звери по всем лесам, по всем местам искать невесту. Кого ни приводили, ото всех невест он отказывался. Ни одна ему не понравилась. Однажды прослышал он о стройной красавице Вондр-Выдре. Она тогда ещё не в воде жила, а на суше. Красавица Вондр до блеска речным песком свою шубу начищала, мылась родниковой водой, гордилась собой, по себе жениха искала.

Привели её к Соболю, он медленно из спаленки вывалился, навстречу Вондр выкатился и говорит:

— Красавица Вондр, я на тебе хочу жениться, чтобы ты меня вкусно кормила, чисто мыла да с песней спать укладывала.

Выслушала Соболя Вондр, звонко засмеялась и начала над ним подшучивать:

– Посмотри, Золотой Князь, ни у халата, ни у платья моего карманов нет. Не принято мансийке карманы пришивать к платьям.

– Ну и что же, пусть их не будет. Мне нужна ты, а не твои карманы, – говорит жених.

– Это я тебе к тому говорю, что не знаю, куда я тебя буду сажать, когда к костру пойду плясать?

– Что у меня нет ног, а может, они слабы? Что, я до вечернего костра не дойду? – он подошёл к Вондр, взял её за руку и потянул к своей спальне.

Вондр отдернула руку, повернулась и пошла к лесу.

– Звери, что смотрите? Держите её, ловите! – на весь лес закричал Соболя. – Да ко мне ведите!

Бросилась Вондр в кедровник – они туда. Бросилась в ельник – и там её ловят. Побежала к болоту – и тут ей спасенья нет. Побежала тогда Вондр к реке, увидела её Кулнэ, Женщина-Рыба.

– Беги ко мне, я укрою тебя, – стала она звать Вондр-Выдру.

Распустила Кулнэ над водой свои зелёные длинные волосы и скрыла под ними Вондр. Ушла Выдра в воду, с тех пор она там и живёт.

Глухарь величиной с оленя

Слопцы — ловушки на боровую дичь — манси поднимали и настораживали только в начале августа — ждали, когда подрастёт молодняк.

У нас к этому времени были слопцы подняты, и мы с бабушкой Околь чуть свет отправились проверять их. Шли по большому светлому евринскому бору, по широкой, до песка выбитой дороге. По краю дороги высились до полнеба золотоствольные сосны, осыпанные изумрудными шишками. Яркие лучи солнца будто играли с нами в прятки. Они то прятались за могучими стволами деревьев, то в редколесье выплескивались на дорогу, на ней ярко вспыхивали — поджигали крупный песок, и тогда вся дорога искрилась звёздочками. Мы подошли к шалашу, покрытому берестой, и бабушка радостно сказала:

— Ну, вот и солнечный шалаш.

Я удивилась такому названию и спросила:

— Бабушка, а почему шалаш назвали солнечным?

— Видишь, — повела она рукой, — тропки? Они, как солнечные лучи, от шалаша расходятся в разные стороны бора. Откуда бы ни шли охотники, всегда сходятся здесь отдохнуть, а застанет дождь их — переждут в шалаше. По обе стороны бора большие болота, а на них есть маленькие возвышенности, — объяснила бабушка Околь. — У каждого охотника своя возвышенность, где по-

ставлены слопцы, и своя к ней тропка по болоту. Вот и мы сейчас к нашему месту пойдем мною протоптанной тропинкой, – закончила бабушка.

Совсем скоро мы с ней свернули с большой дороги на тёмную тропочку в густом перховнике – мелколесье. Бабушка повернулась ко мне, заговорила:

– Аннэ, побереги глаза, отводи ветки деревьев руками да иди поодаль от меня: вдруг я не приноворюсь к тебе и отпущу ветку, она больно хлестнёт тебя.

Мы прошли мелколесье, пошли по болоту, ноги тонули, запинались о кочки. Идти трудно, но как-то совсем неожиданно скоро вышли на клочок твёрдой земли к своим ловушкам. Бабушка увидела спущенные слопцы и радостно воскликнула:

– О, о, о!!! Видать, мы с тобой сегодня будем с добычей.

Она быстро подняла ловушки, выбрала дичь, я из них вымела мусор, поднесла крупный с галькой песок, ссыпала его. Бабушка, закончив со слопцами, к своему нып⁴ пришнуровала три копалухи-глухарки, а к моему нып пришнуровала две полюшки-тетёрки, и мы повернули обратно.

Мы подошли к солнечному шалашу, расшнуровали ныпы, выбрали дичь и повесили её на сучки деревьев, чтобы, пока отдыхаем, её обдувало

⁴ Нып – приспособление, которое вешается за спину на лямках для переноса тяжёлого груза.

ветерком. До дому ещё долго идти, туго пришнурованная к нып дичь быстро теряет свою свежесть.

Мы развели костерок – дымокур от комаров. Я из шалаша вынесла мешочек с хлебом и туесок с чаем и, присев у костра, принялась есть.

Скоро стали подходить другие охотники. Они тихо от большой усталости бросали нам: па-ся – здравствуйте, и тоже принимались разбирать свои тяжёлые ноши и развешивать дичь. Ещё не все управились с ношами, как вдруг недалеко от нас послышался треск со звоном ломающихся сухих сучьев. Старик Пыртя вскочил на ноги, выхватил трубку из рта и, насторожившись, весь подался в сторону ломающихся сучьев, поднял руку.

– Атэ, ты сирким, сирким – да ведь это глухарь, глухарь!!! – радостно проговорил он.

Пыртя ещё что-то хотел сказать, но из леса показался большой глухарь. Он не развил скорость, летел плавно, точно плыл над нами. Обдав нас волной воздуха, сел на вершину кедра прямо над шалашом. Ветки кедра заколыхались, роняя поспевающие шишки и сухую хвою. Шишки со свистом летели в разные стороны: одни падали на крышу шалаша и, шурша по бересте, скатывались на землю, другие – падали в костёр, поднимали в воздух светящиеся искры и тучи сизого пепла. Глухарь увидел пламя костра, услышал шум на земле от падающих шишек, вытянул длинную

шею, низко склонил красивую маленькую головку, ясно показал нам брусничные брови, белый клюв и глухо загоготал:

– Ко-ко-ко!

– Он, наверное, спросил, мол, кто это незвано явился в мой дом и хозяйничает? – решил Пыртя.

Иван Левонтьевич как бы понял глухаря и ответил:

– Ишь ты, какой умный, сам наделал шуму, а теперь спрашиваешь: «Кто-кто»?

Но глухарь не стал слушать старого охотника, размахнул огромные крылья, опустил их, ударив по веткам кедра, и снова осыпав нас шишками, хвоей, медленно поднялся и полетел.

Яков Николаевич понимающе заговорил:

– Снялся неторопко и полетел медленно, как поплыл, значит, недалеко направился. Где-то здесь остановится.

Иван Левонтьевич, от удовольствия поглаживая ладонь о ладонь, говорил:

– Хороший, хороший мужик был.

– Как есть великан, – добавил Пыртя.

– Теперь что? Не так он велик, – заговорил Кырыль. – Вот рассказывают старики, что он прежде был величиной с крупного оленя, что тело его было белое, нежное. Крылья большие, сильные. Начнёт подниматься глухарь, размахнёт в стороны крылья, ломает сухие сучки, срывает гнёзда зверушек и птиц. Стонут, пищат малыши и горюют

их матери. Взлетая, весь мусор с земли поднимает и собьёт его в пыль, застелет глаза и уши зверей и птиц. Когда глухарь летит, затмит солнце, и на земле — темнота. Звери и птицы не могут найти пищу себе.

Начнёт садиться на землю, ранит своими крыльями зверей и птиц. Ударил зайца по ногам, и остался заяц с короткими передними ногами. Придавил к земле росوماху, поломал ей косточки. Срослись у неё косточки, и стала она похожа на многих зверей.

Медведь раньше ходил, как человек, на двух ногах, глухарь ударил его крылом по спине, пал медведь на четыре ноги и сгорбился.

Обижаются звери и птицы на глухаря, а он никого не замечает, купается в песке, чистит крылья. Встанет, стряхнёт с себя песок, расправит крылья и примется за еду. Он любит ягоды и кедровые шишки. От орехов его тело белое становилось цвета ядер и покрывалось жиром. Кружатся над ним кедровки, стонут: «Это ж до каких пор мы будем голодать? Опять глухарь все шишки с кедров снимет, все орехи поест, ни нам, ни белкам на зиму не оставит».

Однажды собрались все звери и птицы, пошли к глухарю и стали просить его:

— Глухарь, нет в бору больше и красивее тебя птицы. Но когда поднимаешься и опускаешься на землю, обижаешь нас.

— Сам знаю, что в борах нет птицы красивее меня. А вы — мелочь. Вы совсем никто. А я хозяин боров и болот. Как хочу, так и живу, — и закатился глухарь в смехе.

Обиженные звери и птицы где стояли, тут и присели в слезах. Шла мимо них древняя умная бобриха и говорит:

— Вы что плачете, сырость разводите? Разве слёзы кому помогали? Нет слов, глухарь большой и сильный, но у него одна сила. А вас много, и сил у вас больше. Все вы вместе — всесильны. Давайте поднимайтесь и идите, держите глухаря за перья. Не давайте ему подняться в небо, пока не пообещает вам уменьшить себя.

Поднялись звери и птицы, поймали глухаря за перья и держат, не дают ему взлететь. Глухарь бился, бился, да и взмолился: «Лесной народ, друзья мои, что вы от меня хотите?»

— Мы хотим, чтобы ты убавил себя.

Глухарь рассердился, надул зоб больше Луны, вцепился клювом в своё нежное белое тело, вырвал кусочек и бросил высоко в небо. Тот кусочек, падая на землю, превратился в белотелую куропатку. После от злости начал себя клевать и рвать, куски подбрасывал в небо. Хватала и проглатывала эти куски вся боровая дичь: рябчики, тетерева, полюшки, пальники.

С тех давних пор глухарь стал таким, какой он есть сейчас. А вся боровая дичь у самых грудок

сохранила кусочки глухариного белого тела, как память о тех далёких временах, — закончил Кырьль свой рассказ, набил трубку и раскурил угольком от костра.

Мы с бабушкой Околь взяли котомки и отправились домой.

Солнце уже шло на отдых, катилось за изгородь, но остановилось, как будто накололось на вершины сосен, ярко-ярко загорелось, точно плавилось на жарком костре. Мне казалось, что оно было сочным, и от него летели в небо ярко-красные расплавленные брызги. По обе стороны его, слева и справа, далеко тянулись по небу тоже огнистые полосы, и от этого песчаная дорога и зеленовато-белый ягель в бору, и листья, и хвоя на деревьях порозовели!

Я никогда не видела такого красивого заката, но и бабушка Околь, видимо, тоже. Она даже остановилась и проговорила:

— Это — к похолоданию и сильному ветру. небесные духи, вы что-то рановато обещаете холод, может, и дождь со снегом да злой ветер?! Дайте нам пожить в тепле, а то, что обещаете на завтра — это у нас впереди будет.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ

«Нужны мне крылья да ещё дорога...»

Нужны мне крылья да ещё дорога,
Которой нет и не было длинной.
Пусть бьётся в сердце радость и тревога.
Пускай звучит, как песня, скрип саней.
Пусть сердце у меня совсем не отдыхает
Коль петь взялось – на что ему покой?
Пусть радость в нём и счастье полыхают
Охваченные щедростью такой!
Тогда я песни, что в душе веками
Цвели и увядали,
Сохраню.

Тогда я в сердце чьё-нибудь на память
Хотя б одну слезу, рождённую стихами.
Хотя б один луч солнца уроню!
Пускай метель шаманит в исступленье.
Пускай заносит мной пробитый путь –
Стучите в сердце мне копытами, олени.
Дыхание земли, в мою врывайся грудь!

(Перевод Н. Старшинова)

Нянька

Мать с отцом ушли рыбачить,
А Игнаска громко плачет.
Татья в доме подмела,
Татья косу заплела,
Татья люльку кач да кач:
– Братик маленький, не плачь.

Ярче солнца во сто крат
Улыбнулся младший брат.
Все кругом дивятся прямо:
– Вот помощница у мамы!
Брату сказки говорит,
Брата песней веселит.
А когда смеются дети,
Злата рыба входит в сети,
И на небе тучек нет,
И в глазах у мамы – свет.
Рыбакам приносит счастье
Громкий смех Игнаски с Татьей.

Сказка о ребёночке-бобрёночке

Как в краю метель-буранном,
Ледовито-океанном,
На оранжевой ноге
Скачет сказка по тайге.
Прыгом-скоком, прыгом-скоком,
Водит сказка синим оком,
Выбирает, что ей взять
И ребятам рассказать.
Рыщет, ищет, смотрит в оба,
Видит сорок три сугроба,
За сугробами река,
Это Обь наверняка.
Бьёт волна, как мяч футбольный,
С посвистом и шумом, рядом домик треуголь-
ный,
Он зовётся чумом.
Шкуры там лежат оленьи,

И печально, тихо
Греет в них свои колени
Старая бобриха.
Звать бобриху Витуй-эква,
Тяжко ей на свете.
У бедняги руки-ноги
Высохли, как плети,
Снегом косы занесло,
Ветром зубы унесло,
Плохо видит,
Плохо слышит —
Ухо травкой заросло.
У неё живёт внучонок,
Толстопузый, как бочонок —
На картинке слева он
Весь, как есть, изображён.
Просит ласково бобриха:
— На реке сегодня тихо,
Потеплей оденься, крошка,
Принеси воды немножко.
Внук усатый крикнул бабке:
— Я на реку не хочу,
Потому что хвост и лапки
В этой речке замочу!
Говорит бобриха: — Детка,
Над рекой повисла ветка,
Ты поймай её в кулак
И держись на ней — вот так!
— Ай, — бобрёнок ей ответил, —

На дворе, наверно, ветер,
Ветка треснет в кулаке,
Шубка вымокнет в реке.
Мех на мне красив и тонок,
А повиснет вкривь и вкось, –
Вертит хвостиком бобрёнок,
Извиваясь, как лосось.
– Если ты боишься ветра,
Ухватись за ветку кедра.
– Эта ветка, только тронь,
Расцарапает ладонь,
И тогда, тогда, тогда
Отразит её вода.
И скорей, скорей, скорей
Растрезвонит у зверей
О моей несчастной лапке,
О царапине моей,
О царапке-раскорябке,
Раскорябине моей!
И сказала Витуй-эква,
Хмурая как тучка:
– Как не стыдно? Из бобрёнка
Вырос белоручка!
Скачут беленькие зайки, чайки мчатся стайками.
Разве зайки или чайки
Могут быть лентяйками?
Разве кто-то носит пищу
И речную воду
Снегирю, который свищет

В ясную погоду?
Кто готовить завтрак станет, —
Справит одежонку
Голубому горностаю,
Белке и ежонку?
Их бы слопали зверюшки,
Скорчили метели,
Если б каждый бил баклуши,
Нежился в постели.
Звери с резвыми ногами,
Жители лесные,
Носят шубы с обшлагами,
Шапки расписные,
Посмотреть на них приятно,
Проходя сквозь ельник!
Если шубка неопрятна,
Значит, зверь — бездельник
Надевай-ка рукавицы
Из оленьей кожи.
Кто царапины боится,
Тот — бездельник тоже.
До чего хитер бобрёнок!
Хвостиком махая,
Отвечает:
— В рукавице
Дырка — вот какая!
— Ты болтаешь без умолку,
Лучше нитку в день в иголку,
Поскорей пришей заплатки,

Брось лентяйские повадки!
Посмотри на всех бобров:
Каждый весел и здоров,
Без пилы и топора
Лес ворочаем с утра,
Пилим, валим, рубим, строим...
И капризных рож не строим!
Из-за дырки в рукавике
Не скандалим, не шумим,
Эти барские привычки
Так противны нам самим!
Посмотри, какие лапы
У меня, у мамы, папы,
У бобрихи и бобра
Из соседнего двора:
Тащат брёвна и ведёрки
Лапки жёстки, как тёрки,
Лапы нежные, как мох, —
У лентяев и пройдох.
Доставай, бобёр, иголку,
Ставь заплатки втихомолку,
А потом из речки в дом
Принеси воды со льдом!
Раздаётся из угла
Самый хитрый голос:
— Поломается игла,
Тонкая, как волос!
Говорит ему бобриха:
— Ты болтаешь очень лихо!

Только знай: от болтовни
Мало пользы в наши дни,
Пусть язык колюч, как ёж, —
Им заплатку не пришьёшь!
— А я иголки не люблю,
Сразу палец уколою! —
Из угла жужжит бездельник,
Словно муха в понедельник.
Витуй-эква отвечает:
— А напёрсток для чего! —
Головой она качает:
«Обленился до чего».
— Ах, — ответил ей бобрёнок, —
Наш напёрсток слишком хрупок,
Наш напёрсток слишком тонок,
Тоньше кедровых скорлупок!
Подойди, бобёр, поближе,
Почему издалека
Так похож на кончик лыжи
Хитрый кончик языка?
Разъезжает взад-вперёд,
Извивается и врёт.
Отвратительный мальчишка,
Ты — бездельник и лгунишка.
Никакой ты не бобрёнок,
Ты — совсем чужой ребёнок.
Не хочу любить такого,
Поищу себе другого!
Тут бобрёнок через лес

Дунул прямо к речке,
Два ведра наперевес
Притащил на плечике.
Вышла полная кадушка,
И ещё осталась кружка.
Подошёл бобрёнок тихо,
Машет ласково хвостом:
Выпей, бабушка-бобриха,
Золотой воды со льдом!
Отвратительный мальчишка,
И бездельник и лгунишка –
Это был не я, поверь,
А другой какой-то зверь!
Кто-то прыгал через лес
И случайно в сказку влез.
В эту сказку, вероятно,
Не вернётся он обратно,
Не вернётся никогда.
Посмотри, таёжный ветер
Так за ним тропинку вытер,
Что от этого лентяя
Не оставил и следа!
Эту сказку о бобрёнке,
О пузатеньком ребёнке, –
Что с ним было,
Что с ним стало, –
Рассказал Юван Шесталов.

(Перевод Ю. Мориц)

Героическая песня дяди Сергея

В просторном доме дяди Сергея стало тесно. Кажется, вся деревня собралась сюда. На столе дымится мясо. Вокруг стола люди. Затаив дыхание, они ждут, когда дядя Сергей начнёт петь песню-исповедь, свою героическую былинку. В руках у него пятиструнный санквылтап. С медных струн санквылтапа льётся мелодия дикого леса. Тихое, вкрадчивое, несмелое начало постепенно переходит в уверенную, стройную мелодию. Голос крепчает как северный ветер. И вот дядя уже поёт громко, с вдохновением, встряхивая чёрными как смоль волосами. Монотонная мелодия прерывается такими неожиданными переходами, так игриво льётся, что невольно увлекает всех в свою чарующую стихию. Дядя Сергей поёт про свою молодость, про то, как он сражался с врагами, защищая город на Неве...

В тайге я был охотником,
ходил за зверем в мягкой шкуре.
В бою я был охотником
за зверем в железной шкуре.
Зверь в железной шкуре,
фашистский танк шёл на меня,
Стараясь раздавить моё живое сердце.
Сердце моё в тайге пело,
Пело о любви, о высоких деревьях,
об удачной охотничьей тропе.
В бою в моих руках пело железное ружьё.

А сердце молчало, став твёрдым,
непоколебимым, словно камень...
В тайге я летал, как беззаботный рябчик.
В бою я летал смелым соколом,
Хватая врага на лету.
Во время таёжных игрищ и веселья
Я плясал, как молодой олень.
В бой я шёл грозным лосем.
Вставал на пути разъярённого зверя-фашиста.
В тайге я не ходил таясь, как росوماха,
Не хитрил, как лиса-пролаза.
В бою – я мудрым горностаем скакал,
Стараясь обмануть врага.
В тайге я был дружен
со своими сверстниками,
Деревья и травы берёг.
В бою я был суровым и бдительным,
как матёрый волк.
Осторожным, как ворон,
Осмотрительным, как медведь таёжный.

Меня захватила его героическая былина. И другие, казалось, тоже были заморожены.

Иногда его песня вдруг обрывалась и он, сверкая тёмными глазами, начинал быстро передавать подробности событий обыкновенной речью.

– Первую медаль «За отвагу» я получил в первом большом бою. Вот как это было...

Смотрю, прямо на меня ползёт большой железный зверь – танк. Ползёт на меня танк, рычит.

По таёжным законам знаю: бежать от зверя нельзя. Если ты в чёрные глаза зверя будешь смотреть сверкающими зрачками пяток и быстрые ноги будут думать за тебя, не спасут тебя духи, покидают бегущих боги, настигает бегущих зверь...

Ползёт на меня танк, и я поднимаюсь навстречу ему, кидаю гранату. Вижу, враг мой остановился, задымил.

Не успел я удивиться своей силе, как из-за лесочка выползает второй и – опять на меня. А сзади бегут фашисты. Их много-много. В тайге никогда не видел столько зверья! Страх стал охватывать меня. И меня этот страх чуть-чуть не сломил. Но я остановился, вспомнив таёжное слово:

Кто волею слаб,
Того безжалостно погубит зверь.
Зверь сам склонится перед тем,
Кто непреклонен, словно смерть.

И я поднялся из траншеи во весь рост. Бросил гранату. Заставил и второго зверя остановиться. Но как остановить мелких врагов? И тут мне снова помогло таёжное слово.

Когда сильны твои враги,
Укройся в крепости
И призови друзей на помощь.

Крепостью моей стала земляная траншея, а другом верным – автомат. Заработал мой автомат.

И фашисты падали, падали, как мелкое зверьё под метким огнём.

Но не успело откатиться назад дикое стадо, как из лесной чащи выполз танк и – опять прямо на меня.

Немногого добьешься ты,
Коль нет товарищей с тобой.
Когда безветрие стоит,
Погаснет сам собой огонь.

Оказывается, в тот миг в траншее был я один. Но скоро ко мне подоспели мои товарищи. Мой удачный поединок с танками они поддержали дружным огнём. Надёжную защиту может обеспечить даже союз со слабым. А союз сильным духом – несокрушимая крепость.

Из темноты лесной выползает новый танк. Но он уже не кажется мне страшным.

И в мире, и в сраженье
Нет важнее веры
В силу боевого товарищества.

Вместе с боевыми товарищами, стоявшими рядами, как вековые кедровые деревья, встал я на пути врага. Каменной крепостью встали мы, защищая город Ленина. А после боя подходит ко мне командир наш, прикрепляет к груди моей медаль и награждает меня тёплыми словами. «Спасибо за отвагу! – сказал он. – Наше дело правое!»

Дядя Сергей долго пел свою былину. То повторял напев, то вдруг обрывал пение струн и начинал быстро говорить, объясняя, что могло быть непонятно нам, его слушателям. И потом снова пел, рисуя перед нами картину за картиной сражения с врагом.

Задумались люди, поникли головой, молча воспринимая былину-исповедь. Иногда слышался слабый вздох или возглас ужаса, когда боец оказывался в безвыходной западне. Выражение лиц менялось, как поверхность воды от дуновения ветра. Видно, все находили в его песне близкое, кровное, своё. Это была песнь о Великой Отечественной войне, в которой принимали участие все народы огромной страны.

Мне очень нравилось в доме дяди Сергея. Он охотник. Только что песцов добыл. Мне тоже скорее хочется идти стать охотником. Я говорю об этом дяде Сергею. А он мне поёт под звуки санквылтапа:

В каждой голове – тысячи дум.

Далеко видит глаз,

Но дальше видит ум.

Красота – для глаз.

Ум – для души.

Имеешь ум –

Следуй за ним.

Нет ума –

За советом иди.

Ум не измеряется ростом.
Ум не измеряется годами.
В магазине не купишь ума.
Нет богатства дороже ума.
Светлый ум – ясное слово.
Добрый ум – жизни основа.

Ты умный мальчик, а глупость задумал. Вы-
растешь – будешь охотником. А пока тебе надо
учиться.

И дядя Сергей сказал ещё такую заповедь-
песню:

Помни:
Знаешь – скажи.
Не знаешь –
Лучше слушай.
Помни:
Знание дороже денег.
Знание – половина ума.
Знание – светильник души.
Золото можно не заметить,
А ум без внимания не останется.
Кто без знания, тот
без глаз.
Мастер дела – знание.
Не говори: «Я учился»,
Расскажи, что познал.

Синяя весна!
Пением птиц
Оживи озёра и леса.
И! У! А!
Птицы совьют гнёзда,
Высидают яйца.
И птички-невелички,
И рыбки, и ребятишки
Будут славить тебя,
Синяя весна!
И! У! А!

Синяя весна,
Принеси с собою
Золотое лето!
Чтоб солнце ходило высоко
И над землёю нашей
Черноглазая туча
Низко плыла.
Чтоб краснощёкая морошка
Успела улыбнуться солнцу
Золотой улыбкой жизни!

И вот долгожданная весна пришла, а за ней и лето. И я опять у дяди Сергея.

Весна красна цветами,
Белыми ночами,
Утками, лебедями.

Звенит, поёт весна.
А лето богато солнцем,
Большой водой и рыбой.
А осень богата ягодой,
Орехами, грибами...
Осенние заботы – для зимы работа.
Зима снегу наносит,
Тебя между делом спросит,
Что делал ты летом
Под тёплым солнечным светом.
Проспишь лето нежное – проклянешь зиму
снежную.

Летом работа до седьмого пота –
Зимой песни поёшь,
Загадки загадываешь,
Сказки рассказываешь.
Хорошему хозяину
Нет плохих времён года.
Хорошему хозяину –
Круглый год забота –
Славная работа
До седьмого пота.

Весна – хорошо. Лето – хорошо. Я смотрю,
слушаю. И полёт уток, и плеск реки, и танец жу-
равля.

Я смотрю, слушаю весну. В плеске живой воды, в пении птиц, даже в кваканье весенней лягушки мне иногда чудится голос моей мамы. Мне кажется, она здесь, она со мной. Во мне всё оживает. И я просыпаюсь, как медведь после долгой спячки...

Красная легенда на белом снегу

*Сохрани ты в юном сердце
Все, что я тебе открою,
И потом, как храбрый воин,
Как потомок вольных манси,
Снаряжайся в путь – и зависть,
Страх, сомненье, нерешимость
Навсегда из сердца вырви...*

Олени вскинули рога за спину и понеслись. Взвихрился, закружился снег. Круглая луна, как бубен сияя, закачалась в звёздном небе. И звёзды заплясали на рогах оленей, мчавшихся бешеным галопом.

Сава любил быструю езду. Олени летят как ветер. Ветер летит. Звёзды мчатся. Хорошо!

Только теперь вот Саве не совсем хорошо. Вся эта ночь как тяжёлый сон. Сквозь сон Сава вдруг услышал знакомый голос:

– Вставай, Сава, поедem!

Саве совсем не хотелось вставать. Постель тёплая. И вдруг голос отчима. Его холодные руки. Саве не хотелось вылезать из-под белой хрустящей простыни. Когда совсем открыл глаза, увидел в лунном свете: другие мальчики были уже в ма-

лицах⁵, в кисах⁶. Все говорили почему-то шёпотом и куда-то спешили.

– Быстрей, Сава! Быстрей! А то услышат. Поймают! – торопил отчим. Сава ничего не понимал. Но привык, не переспрашивая, делать то, что говорили старшие. Так научила его бабушка. Ещё когда он был чуть выше куста голубики.

Когда вышли из интерната на улицу, была глубокая ночь. Лишь луна гуляла по небу. А весь паул – небольшая мансийская деревня – спал. В домах ни огонька. Только у интерната что-то мелькало, двигалось. Всё походило на загадку. Подъезжала оленья упряжка. Открывалась дверь. Мохнатыми медвежатами бежали ребята к нартам. Миг – и весь интернат пуст.

Олени бегут. Бегут быстро, шумно вздыхая на ходу. Они несутся по глубокому распадку. Отчим ровно взмахивает хореом, слегка сдерживая оленей, чтобы с новой силой погнать их по открытому месту.

Сава засмотрелся на оленей. Бег их особый, какой-то вихляющий. Ноги летят, кажется, в сторону, а копыта попадают след в след. Голова низко опущена. Морда на уровне шеи. Шея тоже прямая. Лишь горб чуть выделяется на коротком приземистом туловище. Олень низенький, рогатый. Но когда олень бежит, легко неся своё уп-

⁵ Малица – меховая одежда, мехом внутрь.

⁶ Кисы – меховая обувь с узорами.

ругое тело, изящно вскидывая копыта и устремляясь вперёд, он – большая птица из чудесной сказки.

Но для Савы теперь и школа – сказка. Хорошо смотреть в книгу. Буквы все знакомые следы. Читаешь – будто по следам идёшь.

Умный человек прошёл – умные следы оставил. Идёшь – и сколько узнаёшь! А ещё интересней самого Учителя слушать.

Олени мчались. Деревья мелькали, мелькали мысли.

«Неужели больше не придётся учиться?» – сжалось его сердце. А ведь так хорошо было в школе! Сава так привык... И вдруг эта красивая холодная дорога. Почему они уезжают? Неужели из-за трубки?

– Где трубка? – сурово спросил отчим там, в классе. Он ворвался в класс во время урока. На мохнатой малице его сверкал снег. И глаза прищуренные тоже сверкали, пристально глядели на Учителя. Отчим требовал немедленного ответа.

– Какая трубка? – Учитель растерянно посмотрел на вошедшего.

– Трубка моего сына!

– Трубка... – Учитель осёкся на полуслове, и указка замерла, задрожала. Он походил на ученика, который не выучил урок и теперь не знает, как отвечать.

– У моего сына ты отнял трубку. Отдай. Больше я сына не отпущу в школу.

Сава прижался к парте. Холод пробежал по спине. Он вспомнил. Как курил на перемене, как подошёл к нему Учитель и вежливо попросил убрать трубку. А он, Сава, невозмутимо продолжал пускать дым из носа. Хорошо пускать дым из носа. Сам отчим показывал. И трубку подарил отчим. На днях, когда Албин – так зовут отчима – приехал с оленьего каслания – большого кочевья, – говорил:

– Кури, ты вырос. Скоро кочевать с тобой будем.

А Учитель говорит:

– Ты ещё маленький... Курить тебе нельзя...

Разве Сава маленький?! Десять лет уже. Утки не могут улететь от его выстрелов. Медвежонок-пестун летом от него убежал. А о зайцах говорить нечего. Боятся не только ружья Савы, но его шагов...

Нет! Сава не маленький. Большой уже Сава. Значит, можно курить. У всех есть свои красивые трубки. И у бабушки, и у отчима. Вот у мамы нет красивой трубки. Поэтому она кладет табак за губу. Только сестрёнка одна не курит. Для неё волшебная трубка, из которой так красиво струится дымок, лишь игрушка. Она любит бросать её. А сунешь ей в рот – морщится, плюётся. Глупая она ещё, маленькая... Сава – большой! Может пускать дым из носа даже колечками. А Учитель говорит, что маленький. И как он так неверно го-

ворит? Ведь вроде хороший он, умный. Много интересного рассказывает про дальние края. Так много знает! А курить не разрешает. Что это с ним? Непонятно. Отнял трубку. Сава сказал отчиму. Вот Албин и пришёл такой сердитый.

Может быть, не надо было жаловаться?

Тогда бы всё прошло, успокоилось. А теперь вот — только снег, олени, дорога. Слышит Сава лишь звон колокольчиков, которые на шеях оленей.

Не услышит больше школьного звонка.

Олени поскакали по извилистому оврагу. Полозья нарт тяжело заскрипели. Сава понял, что это каменистый берег таёжной речки, покрытый тонким слоем снега. Такая дорога опасна для оленей. Олени сбавили ход. Потом, послушные хорею, остановились. Лижут снег. Лижут жадно, причмокивая длинными языками. Отчим встал на нарты, воткнул хорей в снег, пошёл к оленям. Ветвисторогий белоснежный вожак, как любимая собака, потянулся к нему, ожидая ласки.

Один глаз у вожака красный, как у зайца, другой — тёмный, глубокий как у всех оленей. Обычно он бежит размашистою рысью, сдержанной и непрерывной. Не слишком торопится, но и не слишком медлителен. Рядом с ним запряжены маленькие, но быстрые важенки.

Они любят быстро мчаться. Но на них далеко не уедешь. Быстро устают. Они и сейчас прилегли на снег, поджав под себя ноги.

– Мой красноглазый, только ты можешь спасти нас от людей кульбазы⁷. Люди кульбазы отбирают у манси детей, учат их чёртовой грамоте, а потом увезут в большие каменные дома – и никогда нам не увидеть наших сыновей и дочерей, – приговаривает отчим, хитровато глядя то на оленя, то на пасынка.

Вожак положил голову на плечо отчима, смотрел умными, понимающими глазами.

– Мой быстроногий, помоги! Мы должны уйти от погони. – Отчим быстро вскочил на нарты. Хорей снова взвился в сумрачном воздухе. Упряжка рванулась вперёд. Заскрипели полозья, легко скользя по мягкому снегу, нарты мчались по извилистой таёжной просеке. Сосны тянулись вверх и терялись в звёздном небе.

Сава родился в лесу, но было почему-то ему непривычно жутко.

Казалось, из-за этих высоких деревьев вот-вот выскочит тёмный дух подземелья – Куль, о котором не однажды рассказывала сама бабушка. Дом Куля, как она говорит, находится в тёмном каменном ущелье. И в доме у него сумрачно.

Лежит Куль на мягких шкурах, тяжело дышит, будто курит: из носа и рта вылетают искры. Выдыхает Куль душный газ, смрадный газ. Только от этих

⁷ Кульбаза – то есть культурная база, очаг культуры на Севере в первые годы Советской власти. Шаманы переиначили это слово благодаря случайному совпадению звуков. «Куль» – по-мансийски чёрт, злой дух подземелья.

искр на мгновение светлеет в тёмном подземелье. А ещё в подземелье темно от комаров. Комары – души Куля. Они без умолку жужжат, просятся на землю, чтобы пить кровь людскую, птичью, звериную. Они с наступлением летних дней летят к людям. Больно кусаются комары по мановению руки Куля.

«Ваш Учитель – злой Куль», – вспомнил Сава слова старика Яксы.

Якса – шаман, колдун. И слова у него не простые, а священные.

Так думают все манси. И большие и дети.

И сказал он эти слова у священного капища, на большом камлании.

Саве никогда не забыть то камлание.

*Мне не надо книги белой,
Я всё помню и всё знаю.
Много лет стоит за мною,
Много прожил я на свете
И копил годами мудрость...
Слушай, друг мой, вижу духа
Я в твоей душе глубокой,
Белый дух воюет с чёрным,
С духом чёрным – нежеланья
делать доброе живущим;
И теперь ты на распутье...*

«Ваш Учитель – злой Куль», – сказал Якса на большом камлании. В тот день Саву впервые взяли в священное капище. И ему было страшно. Впереди людей паула шёл сам шаман Якса. Он был в бе-

лом как снег оленьем кувсе. Все остальные шли за ним. Они были тоже в мохнатых одеждах.

Сава с Петей, мальчиком из соседнего дома, шли последними, ступая старательно след в след старшим.

Чем дальше в лес, тем становилось темнее. Сказочными богатырями стояли кедры. Неба почти не видно. Ветки белые, земля белая, а стволы кедров тёмные. Саве было жутко. Ему казалось, что он идет в берлогу. Что-то таинственное ему чудилось за каждым деревом. И правда, меж ветвями одного большого дерева Сава вдруг увидел заржавленные острые стрелы с громадным луком. Этот лук был согнут из целого дерева. И стрелы большие, толщиной с палец. Стоит неосторожно задеть тонкую нитку, протянутую поперёк тропинки, как лук разогнётся и стрела полетит. Такая стрела кладёт наповал оленя, лося останавливает, медведь и тот далеко не уходит, унося с собой обломки железного наконечника.

Шаман Якса, шедший впереди, осторожно снял эту нитку. А Сас-Сипаль, старичок с добродушным лицом, делал таинственные знаки, чтобы люди обходили кусты, где были расставлены луки. Луков оказалось немало. И заметить их очень трудно. Они, как верные воины, охраняли этот мрачный кедровый бор.

Мрачная тишина плыла навстречу. И вдруг эту тишину разорвал резкий крик. Сава вздрогнул от

испуга. Остановились на мгновение и взрослые. С ветки с криком сорвался черный дятел и, покачиваясь с боку на бок, со стоном полетел между ветвями сумрачных деревьев. Все шедшие впереди пали на колени. Сава увидел под старым кедром избушечку на четырех столбах. Над белой заснеженной крышей её – ветвистые олени рога. На изогнутых сучьях кедра, украшенных полосками разноцветного сукна, подвешены колокольчики. Ветерок, пробегая сквозь густые ветви, чуть колышет их – и еле слышный звон плывет по сумрачному бору. На сухих ветках висят колчаны, луки. На стволе торчат стрелы. А чуть в стороне развешаются шкуры белых жеребят и оленей, принесённых в жертву. Перед избушкой – белая поляна с местом для кострища. Вокруг поляны неподкупными стражами стоят деревянные идолы. Глаза их смотрят холодно.

Это было капище – языческий храм на курьих ножках. Там «восседал» идол Урала – старик Нёр-ойка. Про него много слышал Сава. Когда Нёр-ойка умер, душа его будто бы улетела в небо. Сказывают, он может переселиться в душу новорожденного ребенка. Старики говорят также, что душа может просто витать над землей. На небо уходят только души шаманов и воинов – богатых людей. На земле манси живущие помнят своих предков, строят им капища, приносят жертвы и с помощью шаманов спрашивают у духов советы для сего-

дняшней трудной жизни. Так испокон веков делали манси.

Шаман Якса подошёл к капищу. Поставил дерево с затёсами – коротенькую лестницу, медленно начал подниматься по ней в избушку, словно на небо. Он открыл дверцу... Видя, с каким страхом Сава и Петя смотрели на капище, Якса ласково подозвал мальчиков поближе.

– Что, новички, принесли в дар духу славного предка? – спросил Якса.

Сава сначала даже боялся поднять глаза на божество, которое восседало там, верху, на священных шкурах. Но любопытство пересилило страх. В тёмном углу сидел деревянный Нёр-ойка. Он сидел неподвижно, как уставший после боя воин. На голове у него остроконечный шлем. Из-под шлема, будто надвинутого на серебряное лицо, смотрели два широко раскрытых глаза. Эти круглые глаза, горевшие блеском золота, кажется, пронизывали насквозь. На груди Нёр-ойки была надета кольчуга из сияющих колец. «Звенящую кольчугу носящий богатырь», – вспомнил Сава слова из былины, которую не раз ему рассказывали старшие. Богатырем былинным сидел Нёр-ойка в капище своём.

Сава вынул из кармана медный пятак и дрожащей рукой положил в чашу, которая стояла перед самым Нёр-ойкой. Потускневшая золотая чаша была полна монет и бумажных денег.

Кругом идола стояло несколько деревянных позолоченных чаш. В одних были крендели, в других – пряники и белый хлеб, в третьих – тоже что-то съедобное, но уже покрывшееся плесенью и пылью. По стенкам капища висели шкурки бобров, чёрно-бурых лисиц, росомах, соболей, горностаев. От этих шкур полетела шерсть, когда Якса доставал серебряную чашу.

Серебряная чаша, в которой была замёрзшая вода с землей, пошла по рукам. Все на мгновение прикасались губами к этой чаше, как бы отхлебывая напиток здоровья.

А между тем на жертвенном костре уже играл огонь. Дым поднимался к вечереющему небу чёрными клубами. Зарево огня, на котором так и корчились ветки, освещало тайгу, людей в шкурах и испуганных оленей, которые стояли привязанными к кедрам...

Белый жертвенный олень с ветвистыми рогами, с круглой меткой на боку смотрел на людей большущими, выпуклыми глазами, словно прося у них пощады.

Над костром уже висел огромный чёрный котел, готовый принять жертвенное мясо. Мгновение – и на шею оленю накинули верёвку, потащили к огню. Белоснежный упирался, хрипел от верёвки, которая сдавливала ему шею. Люди принесли жертвенный ковер, расшитый знаками не-

бесного послания, покрыли спину оленя и повели его вокруг священного дерева.

Шаман Якса поклонился в сторону высокого дерева и забормотал:

– Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Он начал камлание.

Другие, стоя полукругом, по несколько раз выкрикивали одно и то же слово, будто приговаривая оленя к смерти.

Затем люди расступились, белоснежному надели на шею кожаный тынзян, тонкий, как дождевой червь, за концы его схватились два оленевода, а третий подошёл к оленю сбоку.

– Сам старшина Осьмар Васька! – шепнул кто-то.

При этом имени Сава вздрогнул. Затаив дыхание, он стал всматриваться человека, который подошёл к оленю сбоку. Капюшон малицы Осьмар Васьки был откинут. Стриженные в кружок иссиня-чёрные волосы резко выделялись на белизне снега. На ногах у него были красивые, лёгкие кисы, разукрашенные разноцветным орнаментом. На боку – ножны с широким ремнем и большой сияющей медной пряжкой. Солнце, низко плывшее над верхушками деревьев, сверкнуло на лезвии ножа.

И в тот момент, когда олень ласково взглянул на Осьмар Ваську, старшина с криком вонзил нож животному под лопатку.

Удара Белоснежный будто не почувствовал, только чуть отодвинулся в сторону. Забеспокоил-

ся. В глазах его заметалась тревога. Тревога росла в беспокойном взгляде. Белоснежный весь напрягся. Длинные ноги его задрожали. Туман поплыл по синеватым оленьим глазам. И лишь теперь, видно, терял он ощущение окружающего. Смерть стояла перед ним. Он рванулся вперёд, тут же остановился. Тело его задрожало. Ноги ещё держали его. Но земля поплыла под копытами, и вдруг покатилося солнце, спрятавшись за вершинами белых деревьев.

А потом он упал на колени. Люди схватили его за рога, повернули так, чтобы олень в последний раз мог увидеть солнце, небо, деревья, людей, собак и уйти в иной мир...

– Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! – пропел Якса, коснувшись первым священной крови жертвенного оленя.

Скоро красивое животное было освежено. Над ним поднимался пар. Ещё мгновение – и сердце оленя, почки, уши, мозг и печень очутились в разрисованных деревянных чашках, а мясо – в чугунных котлах. Лакомства в чашках облили кровью – и поставили к капищу. Сначала самое вкусное преподнесут духам предков, оставшееся будут есть сами...

В это время закрипел снег, застучали копыта, и к поляне подлетели три упряжки.

С первой нарты сошёл человек в белом кувсе. Сверкнув синими глазами, незнакомец сбросил

кувь на снег и, подойдя к пылающему кострищу, громко сказал:

– Камлай, камлай, священный Якса! Разве тайга потеряла свои законы? Нет, законы природы крепки. Законы говорят: помни предков, приноси жертвы богам, уважай законную власть древних хозяев этой земли...

Теперь только люди увидели, что перед ними стоял сам Кер-Кент – Железная Шапка, потомок Нёр-ойки. Он был в полном княжеском облачении. На голове шапка из малинового бархата, обшитая золотыми шкурами. Потёртый, посеревший от времени бархатный халат, отороченный чёрным соболем, был подпоясан пёстрым поясом. На поясе висел кортик с изображением на рукоятке орлиной головы. Одевание его вместе с грамотой на княжеский титул было пожаловано царицей одному из предков Железной Шапки.

В этом священном одеянии он, как и его предки, являлся и на сбор ясака – дани, и на медвежьих игрища, и на похороны, и на камлания.

– По законам ли предков живете вы, люди белого света? – продолжал он после долгой паузы. Прямые жёсткие волосы спадали ему на лоб. Чуть припухшие глаза его смотрели надменно. – А, молчите! Сородичи! Зачем вы продаете свой народ худым людишкам новой власти?! Зачем вместе с ними обижаете людей своего племени?!

Немую тишину нарушал лишь треск огня, на котором корчились ветки. Тревожное пламя освещало неподвижно стоявших людей, оленей, привязанных к стволам кедров.

– Или вы уже не сыновья тайги? Неужели для вас нет закона в снегах?

Дым от костра поднимался к темнеющему небу...

– Даже собаки наших чумов чуют незнакомый запах, – продолжал Железная Шапка. – Это запах не тайги. Это запах духа, поганого Красного духа. Вы, забывшие свободу и предков, будете наказаны грозным духом заразы!.. Скоро он начнет косить вас...

Так говорил Железная Шапка, недавний хозяин священных скал Урала, князь и богатырь ледяной земли! Десять лет тому назад, как только победила революция, он исчез. Одни рассказывали, что он провалился сквозь землю, другие – что он вознесся на небо, третьи судачили, что он просто не спускается с гор Урала. Там он пасёт своё стадо оленей. Но вот Железная Шапка снова здесь, перед ними. Вот он шагнул к пылающему костру, присел на корточки, сунул правую руку в пламя. Огонь заплясал вокруг пальцев в золотых кольцах.

Шаман Якса схватил Железную Шапку за руку, отдернув её от жадных языков пламени.

– Ты присягаешь на огне, ты говоришь истину, – начал шаман со слезами в голосе. – Мы верим тебе.

– Верим! – очнулась вдруг толпа.

– Слушайте, что скажет наш великий старец! – протягивая обожжённую руку в сторону Яксы, заговорил Железная Шапка. – Великое горе идет на нас, сородичи! Ой, горе! Сами себя убивать будем! Манси разбредутся врозь, меж деревьями заплутают, лесом прорастут. Мох исчезнет, олени сгинут, собаки разучатся узнавать хозяина! Кто виноват?

– Революца! – крикнул кто-то.

– Революца – вот ваше горе! – твёрдо произнёс Железная Шапка, почуяв поддержку. – Революца отбирает у людей оленей, грозит согнать всех в колхозы. Пусть будут прокляты те, кто перешёл на сторону Красного духа – Революцы.

– Будь проклят Революца! – крикнула толпа.

– Люди трусливые, как куропатки, послушные, как собаки, откройте свои глаза! Я, Железная Шапка, ваш князь и богатырь, стою перед вами. Собирайте своих оленей, собак... Запрягайте нарты – и в дорогу к горам Урала, в колыбель нашу! Вор пришёл в нашу землю. Он убивает людей, плюет табачную жвачку на богов. Позор вам, мудрейшие манси, если не возьмётесь за ружья!.. Так повелевают боги! Я сказал! – торжественно произнёс Железная Шапка, устремив яростный взгляд к небу.

Якса ударил в бубен.

— Слышу, слышу! — воскликнул он. — Слышу голос, вам неслышный. Вы не бойтесь! Вы не бойтесь духа Красного. Проснитесь, люди! Вставайте, манси! Железная Шапка — сын и владыка снегов — поведёт нас к свету солнца!..

Так пел шаман Якса. Волосы у него были белые, как ягель. Он был стар, очень стар. Казалось, вот-вот развалится. Лесные люди верили, что и добрые духи, любившие Яксу, и демоны зла внимают его голосу. И поэтому они хотели знать, что скажет он, старый человек, друг духов, об учителях, школе-интернате, которую построили люди — коммунисты.

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — камлал Якса, шепелявя беззубым ртом. — Река без рыбы, лес без зверей, дом без детей — какая это жизнь! Если дети будут смотреть в бумагу, в чёртову грамоту, то они уйдут из юрт, лесные урманы, рыбные реки для них будут чужими. Они откажутся скользить за зверем на лыжах, плыть на лодке за юркой рыбой... Люди тайги! Подумайте: разве в русском доме — школе-интернате — северным мальчикам, детям рыбаков, охотников, оленеводов, не будет тесно?! Люди тайги, знайте: Учитель — это злой Куль!..

В ту же ночь интернат опустел. Оленьи упряжки помчались в сторону Урала, туда, где таёжные люди во время смут и войн всегда находили убежище...

Учителя называли Кулем. Саве было жаль учителя: он совсем не походил на Куля. Ничего не понимал Сава...

*В красном зареве заката
Опустилась ночь на землю:
Тени робкие бежали:
от берёз, осин и кедров...
Скоро ночь закрыла солнце
лёгкой и дрожащей,
На которой юный месяц
вместе с звёздами был выткан.
Месяц – золотом, а звёзды –
Серебром и красной медью...
А теперь олени бежали...*

По небу плыла луна. Она умывалась белым снежком, редкими облаками. Луна мылась неторопливо, словно круглолицая девушка. Снежок похрустывал, касаясь её круглых щек, рассыпался радужными брызгами. А посветлевшие щёки делались ещё круглее и полнее, как лицо светлой богини ночи.

От неё светло, как в сказке. Большая луна – добрая богиня большой дороги. Дорога бежит словно ручей. Деревья притихли. Вся тайга притихла. Деревья слушают песню оленьих копыт. Олени быстро бегут – колокольчики звенят, звенят голосами счастливых детей. Бегут в голове мальчика воспоминания о днях минувших, днях недавних...

Вспомнился Саве светлый день, когда в пауле появился Учитель.

Тот день был солнечный, тёплый. Рано утром над тайгой висела пелена синего тумана. Но она недолго скрывала таёжные дали. Стоило взойти солнцу, как всё засветилось. Туман растворился. В радужном свете заиграли берега реки. А берега реки низкие. Лес подходил к самой воде.

К берегу пристала лодка, в которой сидели два человека.

– Кто это? – спросил Сава бабушку.

– Это русские! – сказала она. – Один из них, говорят, Совет ⁸. Другой – Учитель. Учитель, скажут, собирается учить детей.

Русские поселились на берегу реки. Из еловых веток они построили шалаш. В центре шалаша поставили железную печку. В печи горел огонь. На огне они грели чай и пекли мучные лепёшки. Сава все это видел, пробравшись сквозь зелень кустов ближе к шалашу.

Однажды Учитель его заметил. Сава хотел бежать прочь. Но русский так посмотрел на него, в глазах его было столько грусти и сожаления, что Саве стало жаль его. Мальчик знал, что никто этим русским не предложил поселиться в избе.

⁸ Совет – так манси называли человека, который представлял в их краях Советскую власть. Советскую власть в дальнейшем будем называть просто Совет, как говорили в те годы.

Боялись шамана. И ещё то, остановило Саву, что Учитель не собирался ловить его. Окинув мальчика спокойным взглядом, он занялся своим делом. В руках у него был ящичек. Черный, аккуратный такой ящичек. Русский что-то покрутил, И ящик заговорил, запел человеческим голосом.

Сначала Сава подумал, что это пел Учитель. Но губы Учителя не шевелились, и глаза его спокойно смотрели на Саву. Видя, что мальчик удивлен, он тихо произнёс:

– Это патефон поёт. Вот. Иди. Можешь сам завести. Завести каждый человек может...

«Неужели и я могу? – вдруг подумал Сава. – А что, если и на самом деле попробовать?»

Учитель был безусый, голубоглазый, не слишком высок. И лицо его, чуть продолговатое, белое, было совсем не злое. Наоборот, в нём было столько добра и ласки, что Саве захотелось и на самом деле подойти, чтобы самому завести говорящий и поющий ящик.

– Сможешь, сможешь. Иди, попробуй! – точно поняв его мысли, сказал Учитель.

И правда, скоро в руках мальчика запел патефон, выводя тягучие русские слова, большая часть которых была непонятна мальчику. Но ничего страшного, угрожающего в них не слышалось.

Перед шалашом горел костер. Ярче костра горело солнце. Солнце сияло и на широкой глади реки. Река, тихая, полная света, бежала вдаль.

Вдали виднелась песчаная коса. У косы, приткнувшись к песку, стояли три лёгкие калданки и большущий саранхап⁹. Чуть поодаль на вешалах сушился невод. На берегу стояло несколько небольших избушек. На крышах их росла трава. Избушки покрыты землёй. Это летние юрты... Летом человек тайги к реке тянется. На реке вся жизнь. А зимой люди уйдут в зимний паул, ближе к тайге, к урману, где глухарь и соболь, белка и лось...

Учитель достает из большого кожаного портфеля белый лист бумаги и карандаш. Миг – и на листке оживает река, лодки, невод, избушки с зелёными травянистыми крышами.

– Как по-мансийски будет «река»? – указывая на рисунок и на реку, спрашивает Учитель.

Сава сначала не понимает, что от него хотят. Учитель снова показывает на рисунок и на реку, объясняет пальцами, мимикой...

– «Я», – говорит наконец мальчик.

– Не «ты», а как будет звучать по-мансийски слово «река»?

– «Я», – снова отвечает мальчик. Видя, что Учитель не понимает, что «я» по-мансийски и есть «река», Сава заливается смехом. Смеётся долго, до слёз, удивляясь, что Учитель не понимает, что «я» – это не русское «я», а «река».

⁹ Калданка и саранхап – мансийские лодки.

Смеётся и Учитель. И просит назвать по-мансийски и лодку, и невод, и дом, и собаку, которая важно прохаживается по песку...

Вдруг пролетел гусь. Он летел невысоко, совсем близко летел. Видны были не только прижатые к животу лапы его, но даже глаза. Глаза у него круглые, вытаращенные, точно застыли в диком изумлении. Он не торопясь облетел лодку и что-то пробормотал.

– Как по-мансийски звучит слово «гусь»? – спросил Учитель.

– «Лунт», – важно ответил Сава, совсем почувствовав себя равным Учителю.

Из жёлтого мелкого тальника, стоявшего наполовину в воде, вдруг поднялись утки. Казалось, им тесно в воздухе и в воде. Стаи уток кружились, плавали, неслись мимо. И у них было свое звучное мансийское имя – «вас».

– Спасибо! Ты хороший учитель. Ты мой учитель!.. А я буду твоим учителем! Договорились? – сказал русский.

На прощание он подарил Саве красивую книжку.

– Букварь! – торжественно произнес Учитель. – Твоя первая книга. Если его одолеешь, большим человеком будешь! – Ещё он подарил листы с картинками.

Радостный прибежал домой Сава, спешил скорей показать подарки бабушке. Манси любят по-

дарки. Радуются подаркам. Но бабушка почему-то не обрадовалась.

– Что за дух изображён на этом амулете? – увидев слона на картинке, воскликнула бабушка. – Не дух ли подземелья, не сам ли Махар¹⁰, роющий землю у реки, требующий в жертву жизнь человека?

А увидев на цветной, разукрашенной картинке изображение змеи, она даже шарахнулась в сторону, закрыв глаза руками, ругая внука самыми грозными словами, требуя сейчас же отнести всё обратно Учителю.

Сава отнёс подарки. Вечером в избушку, где жили мальчик с бабушкой, пришёл сам Учитель. Горел огонь в чувале¹¹. Собрались соседи. Они важно расселись на шкуры вокруг огня. В глазах их сквозило нетерпение, всем было интересно, о чем будет говорить Учитель.

– Я пришёл к вам учиться вашему языку. Ваш язык очень звучный. Красивый язык. Я хочу говорить на нём.

– Ёмас! Ёмас! Хорошо! – сказал Сас¹², подкладывая из кожаного кисета табаку в трубку. Он был

¹⁰ Махар – мамонт. По представлению манси, мамонты живут в подземном царстве и иногда выходят через протоку наружу, обваливаются яры, крутые берега. Там недаром находят их кости.

¹¹ Чувал – полукостёр, полупечь, слепленная из глины с соломой.

¹² Сас-Сипаль – берестяные ножны; в данном случае имя, кличка.

ещё не старый. Но широкое лицо его изборождено глубокими морщинами, чёрные в завитках волосы с проседью. Густые брови над живыми, зоркими глазами. На нём длинный старинного покроя суконный армяк, подпоясанный шершавым кожаным ремнем.

На ремне у Сас-Сипаля – берестяные ножны. В ножнах – нож с костяной рукояткой. На ногах у него лёгкие, из сыромятины лосиные сапоги.

– Учить наш язык – это хорошо! Ёмас! – повторил Сас-Сипаль, глядя пронзительно на Учителя – Только ты вот скажи: что за духи изображены на этих амулетах? – Сас кивнул на рисунки, которые взволновали не только бабушку. – Вот что, например, это такое? – спросил Сас, указывая на иллюстрацию, где была изображена улица большого города.

– Это улица города. Дома. Трамваи. Люди...

Учителю долго пришлось разъяснять, что в городе с высокими домами живут не духи, а такие же трудовые люди, как манси. Только ездят они не на оленях, а на трамваях, автобусах и живут в больших многоэтажных домах.

Собравшиеся с интересом разглядывали рисунки. Все для них было ново: и сама улица, длинная и широкая, как река, и дома, высокие, как деревья, и большое скопление людей, трамваи, похожие на бегущие дома. И все же Сас-Сипаль, и бабушка, и Сава, и все остальные, рассматривав-

шие рисунки, не могли понять, что на самом деле тут изображено, не могли себе представить раскрывшийся перед ними другой мир.

– Там, наверно, и земля не такая, и дома другие, и люди не похожи на нас? – вздохнул Сас-Сипаль, вопросительно глядя на Учителя.

– Люди такие же. Только если ваши дети будут учиться, то они и здесь создадут такую же жизнь.

На одной из картинок была изображена божья коровка. Учитель заметил, как пристально разглядывал Сава эту картинку. Он то ласкал её пальцами, то разглаживал ладонью, то просто смотрел нежно-нежно.

– Это его сестрёнка, – сказала тихо бабушка, глядя на рисунок. – Добрый дух изображён на этом амулете.

Потом повлажневшими глазами посмотрела на внука. Одна из сестрёнок его умерла. Но душа её не умерла. Она летает вот в виде красивой божьей коровки.

– Вот и я скоро умру. Тело моё положат в землю. Но не думайте, что я совсем уйду из этого мира. Буду смотреть, что ваша школа сделает с моим внуком. Не смотри, Учитель, что тело моё, дряхлое, морщинистое, так слабо, бессильно. Тело моё – лишь вместилище духа. А потом во что превращусь – тоже не скажу. Может, в камне, а может, в птице поселится моя душа. А то и в самую

медведицу превращусь. Будете обижать внука грамотой – не уйдёте от моей медвежьей лапы.

Учитель не знал ещё, что, по представлениям лесных людей, всё, что окружает их, для них живое. И река живёт, и камень живёт. Как человек, он думает, дышит, развивается. У камня есть своя жизнь, свои радости и Огорчения. Урал – большая гора манси – издали кажется неподвижным... Но это только кажется. На самом деле он растёт, сосна тянется к небу. Дух неба – всемогущий Торум сердится, что Урал растёт и докучает ему, и время от времени Торум ломает скалы и вершины деревьев, слишком стремящиеся ввысь.

Вьюга, упругий ветер – это тоже дух неба. Только злой дух.

Хорошо, когда всего в меру. Тогда горы спокойны, деревья растут и ветер лишь ласкает щёки, разнося по лесам, лугам, склонам гор сладкий аромат жизни...

Хорошо посидели вечером, то пили чай, то говорили. Бабушка слушала Сас-Сипаля.

Сас-Сипаль слушал Учителя.

Учитель слушал всех. Бабушка поглядывала на него со вниманием. Огонь в чувале горел весело.

Над тайгой встало солнце. Яркое, холодное солнце зажгло на деревьях серебряный свет. Иней горел на зелёных елях, на голых ветвях берёзы и на пожелтевших травах.

С реки доносился утиный гомон. Зеркало воды было все усыпано чёрными точками. Точки двигались. То утки собирались в стаю. И на серебряных берёзах висели чёрные гроздьи: это тетерева расселись. На крутом берегу за протокой, на вершине голой лиственницы важно сидел орёл. Видно, высматривал себе жертву... На каменистом берегу реки собирали камушки в свои большие зобы глухари. Дремучей мансийской тайгой завладевала поздняя осень. Не за горами и зима...

В то раннее солнечное утро, когда под его меховыми сапогами хрустел промёрзший мох, Сава пошёл не на охоту. И другие ребята, одетые в меховые малицы, ягушки, тоже осторожно пробирались в дом на краю паула, который называли непонятным, но звучным словом школа.

Сава видел, как многие взрослые люди с утра до вечера возились в этом доме.

Что-то красили, мыли, строгали. Видел, как привезли на большой лодке чёрные столы, которые называются партами.

А главное – привезли книги. Много книг. Среди них были белые книги, которые назывались тетрадями. Больше всех Сава интересовался ими.

«Из белой кожи какого зверя сделана эта чистая белая бумага? – думал он. – Интересно, что тонкой деревянной палочкой, у которой выжжена

сердцевина, можно выводить разные тамги¹³, чертить, рисовать...»

Больше всего удивляло мальчика то, что палочка не сгорела, когда её прожгли насквозь, и он был рад, что Учитель раньше других ему подарил такую палочку и тетрадь. И теперь с трепетом ждал, когда Учитель снова подарит ему такую же.

– Здравствуйте! – говорил Учитель, встречая каждого. Ребята молча садились за парты и с нетерпением глядели на Учителя. Некоторые мальчики и девочки пришли вместе с родителями. Школа помещалась в двух комнатах. В просторной, светлой стояли парты, покрытые лаком. Перед ними – стол Учителя. На передней стене висела классная доска. И в стороне от неё – большие классные счёты. В простенке между окнами висел портрет Ленина.

– Здравствуйте! – сказал Учитель, когда все дети и взрослые расселись за парты.

Дети молчали, молчали и взрослые. – Как по-мансийски будет «здравствуйте»?

Снова молчание. Учитель растерянно окидывает взглядом класс, потом вопросительно смотрит на Саву.

– Пася! – говорит почти шёпотом Сава, не зная точно, что хочет Учитель, но чувствуя, что ему надо что-то ответить.

¹³ Тамга – родовой или личный знак.

– Пася олэн! – добавляет Сас, приведший Петю, своего внука, в школу.

– Спасибо! Теперь я буду знать, что «здравствуй» по-мансийски – «пася». Ну, а что такое «олэн»?

– «Олэн» – это значит «живи»! – сказал довольно смело Петя, у которого волосы были заплетены в косички.

– Пася олэн! – повторил Учитель. – Спасибо! Спасибо! Вы меня будете учить мансийскому языку, я вас научу русскому. И считать научимся, и писать...

Когда ребята чуть успокоились, Учитель сказал, что сегодня после урока все будут знакомиться с воспитателем, поваром, с врачом, а потом все вместе будут обедать в интернатской столовой. Но сначала надо пройти медицинский осмотр.

Сава не знал, что такое медицинский осмотр. Думал, будут просто смотреть интернат, который разместился рядом со школой.

Там были спальня и столовая. Но медицинский осмотр оказался совсем другим. Учитель повёл их к женщине в белом халате.

– Ой, дохтур! – воскликнул Петя, увидев женщину со странными и непонятными инструментами в руках.

Миг – и Петя исчез за дверями. Сава тоже чуть не побежал. Слышал, что дохтуры болезни лечат, с духами нечистыми общаются, больно делают.

Женщина в белом халате позвала его ближе, велела снять рубашку. Сава снял рубашку новенькую, ситцевую. Бабушка сшила её для школы.

Дохтур пристально взглянула мальчику в глаза. На мгновение она показалась Саве шаманкой. Потом с помощью металлической трубки она послушала биение сердца. Постучала молоточком возле лопаток. Снова посмотрела Саве в глаза и сказала:

– Молодец! Здоров! Можешь учиться!..

Бегут олени. А в небе рядом с луной ходят звёзды. Они блещут, искрятся, будто улыбаются. Только тихо-тихо, чтобы не разбудить белую метель, такую же разбойницу, как коварная и злая колдунья Танварпеква. Про неё и Учителя говорил Якса:

– Куль с Танварпеквой сначала будут просто мучить наших детей и внуков, а потом их заберут в свои каменные дома.

Сава знал и про Танварпекву. Много сказок про её проделки слышал.

В лесочке у деревни, на северной стороне, живёт эта злая старуха.

Она делает нитки из сухожилий. Её не всякий увидит. Она – дух. Но и не ко всякому она пристанет. А кого облюбует – защекочет до смерти. Ночью защекочет, когда все спят.

Поэтому все её боятся.

Поэтому ночью нитки из звериных сухожилий никто не плетёт.

А вот что однажды было.

Жила девушка. Мастерца на все руки.

Но искуснее всего она плела нитки из сухожилий. Устали не знала, до самой глубокой ночи работала.

– Подруженька, не плети ночью жил! – говорили ей женщины и девушки постарше.

– Почему? – удивляется она.

– Нельзя. Здесь Танварпеква живёт. Страшная старуха, жилистая старуха. Засидишься – придёт к тебе. Защекочет до смерти...

Но девушка не послушалась. Днём крутит жилы и ночью их катает.

Однажды, когда все уже спали, завизжала собака, будто её кто-то ужалил.

Потом заскрипела дверь, и в дом с морозом седоусым ввалилась Танварпеква. В руках у неё серебряная чаша.

В чаше – жилы. Собачьи жилы. С шеи лайки сорвала она их.

Оттого собаки и визжали.

Подсела к девушке и говорит:

– Здравствуй, внучка, здравствуй! Ну и проворна ты! Давай поспорим: у кого из нас чаша с жилками быстрее наполнится. Если твоя, то чашу из чистого серебра ты возьмёшь! Если моя быст-

рее наполнится, то я пощекочу тебя. Да так буду щекотать, что из тебя выскочит печень.

– Ты садись, бабушка! Я принесу что-нибудь полакомиться, – говорит девушка. Выбежала она на улицу. Принесла с амбара юколу – вкусную сушёную рыбу. – Угощайся, бабушка, кушай!

А сама снова выбежала. В углу амбара нашла пустой берестяной кузов – и бегом в сторону леса.

А там, на краю деревни, под корнями самого могучего кедра, – дом Танварпеквы.

Добежала девушка до этого кедра, разожгла берестяной кузов и бросила под дерево, а сама полетела домой с криком:

– Бабушка, бабушка, в юрте твоей огонь играет! Горит твоя юрта!

Танварпеква как молоденькая побежала. А девушка бросает собачьи жилы на улицу, моет серебряную чашу и ставит ее на стол. Сама быстренько тушит лучину, мажет лицо рыбьим жиром и ложится спать среди людей. В старину люди спали на одних нарах. Скоро Танварпеква опять пришла. Ищет девушку всюду. Руками своими жилистыми лица спящих щупает. Подошла к девушке, пощупала лицо, щекочет. Девушка чуть не вскрикнула от щекотки, но, собрав последние силы, сдержалась. Потрогала старуха ещё раз её лицо – скользкое оно, не похоже на лицо той девушки. К другим идёт, среди других ищет. Стонут люди, вздыхают во сне, всхлипывают. И снова к де-

вушке подходит старуха, опять её мнёт, щекочет. Но молодая молчит, не подает ни звука.

– Торум, видно, тебя защитил, – вздыхает Танварпеква. – Изворотливей и хитрей оказалась меня. Ну, погоди! Если опять будешь по ночам крутить жилы, – всё равно защекочу...

А мастерица-девушка спит и невеселые сны видит. Мечется. Наутро раньше всех встала, разожгла огонь в чувале. Берёт со стола серебряную чашу, показывает её людям.

– Смотрите! – говорит она. – Вот чаша. Серебряная чаша Танварпеквы. Она приходила ночью. Щекотала меня за то, что долго не ложилась спать.

«Победила девушка, – думает Сава, – да только все же надо, наверно, вовремя ложиться спать. А то колдунья Танварпеква опять будет щеко-тать...»

И эта сказка вдруг ожила в интернате. Хороший был интернат. Тёплый, чистый, светлый. Да только, как в нём поселились ребята, пошёл по паулу слух, что в интернате появилась сама Танварпеква.

Она ещё не щекотала по ночам детей, но уже грозилась. Как только уйдет дневной свет, наступит темень ночи и дети начинают засыпать, так она сразу начинает скрести стены. Ребячий сон, как пугливая птица, поднимает крылья и улетает.

Испуганные дети вскакивают, разбегаются по домам, юртам.

Интернат пуст. И утром за школьными партами тоже никого нет.

Учитель – снова ходит по юртам.

Говорит Учитель с родителями, доказывает, что Танварпеквы и других злых духов в интернате вовсе нет, их придумали суеверные люди.

Родители не понимали, о каких суеверных злых людях говорил Учитель. Но уж слишком просил, уговаривал Учитель. И детей возвращали в школу. А потом опять всё начиналось сначала. Тогда на ночь был поставлен сторож.

В небе ходили звёзды. Светила луна. Сторож тоже ходил, не смыкал глаз, как большеглазая луна. Никого не видел сторож, никого не допускал к интернату. Но только Танварпеква всё равно явилась. Когда все уснули, начала она скрестись.

Но сторож Танварпекву все же в тот вечер поймал. Ею оказался Улякси, племянник Железной Шапки. Ему шёл четырнадцатый год.

Однажды он утащил из Школы учебники и тетради и изорвал их на мелкие кусочки. Говорили, будто он помогает шаману.

Но всё-таки, на беду Учителя, Танварпеква победила – умер Петя.

Случилось это так. Сначала Петя просто заболел. Не вставал с постели. Родители пришли в интернат, унесли мальчика. Не дали врачу лечить. Ругали школу. Учителя. Когда Сава пришёл в дом своего друга, Петя лежал на мягкой шкуре.

Он был бледный. Губы запеклись, глаза полузакрыты.

Друг говорил какие-то бессвязные слова о вьюге, оленях.

За несколько дней, пока Сава не видел товарища, лицо Пети сделалось бледным и жёлтым. Запёкшимися губами Петя произносил шепотом:

– Пить, пить!..

Сава налил воду из чайника, приподняв голову другу, напоил его.

Петя открыл глаза.

Посмотрел на товарища. Что-то похожее на печальную улыбку скользнуло по его лицу. И он опять впал в беспамятство.

Потом рука его чуть заметно пошевелилась, как бы маня.

Сава приблизился к товарищу. Петя открыл глаза. Узнал.

– Школа! – сказал он. – Хочу в школу.

Когда привели шамана, мальчику стало совсем плохо. Он лежал раскинувшись, с полуоткрытыми глазами и ртом, но никого уже не узнавал. Дыхание его было хриплым и прерывистым, подбородок чуть заметно двигался.

Шаман Якса ощупал его голову, грудь, руки, басовито сказал, что он пытался узнать причину болезни ребёнка, однако ручаться за выздоровление мальчика не может, так как дух заразы очень уж силен!..

Говорил это Якса, скрестив руки на груди, озираясь вокруг, как охотник осматривает свои угодья.

Но вот шаман взял в руки топор, стал раскачивать его на шерстяном поясе и что-то бормотать.

Кланяясь в сторону яркого огня, игравшего в чувале, он запел:

Семиголовая огонь-мать,
Семязыкая золотая богиня,
Варящая всё сырое,
Оттаивающая всё мерзлое,
Внемли моей молитве...

Сава слушал заклинания Яксы, смотрел на людей, на их неподвижные лица, медно-красные от огня, и вдруг почувствовал себя в мире духов, в мире грёз и сказки.

Затрещал огонь.

Искра огня полетела в сторону больного мальчика, как сорвавшаяся с неба звезда.

Шаман замолк.

Потом приказал слепить из хлеба, из дерева, из коры по маленькому идолу в виде зверей, птиц, рыб, оленей.

И сам принялся за работу. Из-под его искусных рук вскоре вышла довольно большая птица с распростёртыми крыльями, которую он подвесил над больным. Вскоре готовы были и другие идолы, небрежно, наспех сделанные родственниками.

За домом под высоким деревом расчистили площадку, разложили на ней костёр.

Под дерево поставили приготовленных идолов.

Яксе подали священный лук и стрелы. Лук был большой, стрелы чёрные, пыльные.

С этим священным оружием он пошёл к пылающему огню. И, взглянув на огонь, на большое небо, произнёс:

О, Сорни-най!

Полуночная священная богиня,

Дочь золотого Солнца

И высокого Неба.

Золотая нить твоей души

Да прикоснётся к нашей обители,

Да услышит наши молитвы.

Душа нашего мальчика

Сорвалась в глубокую яму,

Подкосились ноги его,

И руки не могут

Ничего держать...

Благодаря твоим семи умениям,

Благодаря твоим шести мудростям,

Помоги ему выбраться наверх,

Помоги выздороветь!

Он благоговейно поднёс стрелу к губам, поцеловал её и продолжал:

О, Сорни-най!

Если мальчик и его родители виноваты,

То пусть душа его
Вылетит из тела так,
Как стрела из лука.
Если невиновны,
То оставь мальчику
Драгоценную жизнь,
Отогнав прочь
Злого духа заразы!
Пусть моя молитва
Будет быстрее быстрой воды,
Пусть летит скорей скорой стрелы!

При последних словах шаман натянул тетиву лука и пустил стрелу в дремучую даль. Замерев на мгновение, снова продолжал:

О Сорни-най!
Да увидит твой золотой глаз,
Да услышит ухо твое
Нашу молитву,
Да обоняют ноздри твои
Приносимую жертву.

При последних словах Якса прикоснулся к молодому жертвенному оленю.

Затем Якса взял бубен и стал петь хвалебные гимны: огню, душам бывших шаманов, тучам, месяцу, звёздам и орлам.

Это была уже вторая, театрализованная часть камлания.

Наклоняясь к оленю, он сделал вид, что летит на олене, чтобы предстать перед самой золотой богиней – Сорни-най.

Не удаляясь от огня, от высокого дерева, он стал показывать, что совершает длинный путь: то поднимается на Урал, то спускается в тёмные ущелья, спотыкается, переплывает реки полноводные, спасается от преследования волков, укрывается от диких зверей, прячется от лесных богов зла. Он подражал то волчьему вою, то звериному рыку. Наконец, как бы преодолев многие препятствия, ставшие на его великом пути, шаман всем своим видом показал, что достиг жилища божества.

Упал перед богиней на колени и с мольбой в голосе задал вопрос:

– Кто виновен в болезни ребенка? Что было причиной такой жестокой муки?

Получив от богини ответ, который остался тайной для всех, Якса сделал вид, что возвращается обратно к людям.

Длинен путь от людей к богам, не менее сложно возвращение назад.

Между тем молодой олень был уже зарезан. Его кровью уже мазали рты идолов, поили корень высокого колдовского дерева, и золотой огонь угостили.

Кончив камлать-петь, Якса наклонился к больному мальчику и закрыл его тёплой, слизкой шкурой молодого оленя, приговаривая:

О Сорни-най!
Семиголовая огонь-мать,
Семиязыкая золотая богиня,
Варящая всё сырое,
Оттаивающая всё мерзлое,
Услышь мои молитвы,
Верни ребёнка к жизни!..

С этими словами он нагнулся к мальчику, положил руку на его голову, да так и застыл в смятении: мальчик был мёртв.

Тревожно затрещал огонь в очаге. Искры полетели вверх. И, кажется, в темнеющем небе сразу превратились в яркие звёзды.

— Кто же виноват? За что дух заразы так свиреп? — простонал шаман, опуская бубен...

Луна потускнела за лёгким облачком, плывшим по небу серой птицей.

Она стала похожа на медный глаз богини Сорни-най, небольшой идол которой, вырезанный из куска дерева, был выставлен тут же, перед огнём.

Огненные языки молниями ударили Яксу и погасли.

Якса упал на землю лицом вниз...

Пролежав без чувств некоторое время, он сел, уставив оледеневший взгляд на огонь, и хриплым со сна голосом пропел:

— Вышла Танварпеква из своего логова из-под корней дерева и вместе с русским Учителем-Кулем начала щекотать и душить детей. Где моё

мудрое племя мухоморов? Надо детей забрать из школы – и увезти в горы!.. Красный дух заразы идёт!

Невозможно Саве было представить, что его друг, весёлый и такой сильный мальчик, стал мёртвым... Но Сава сам, своими глазами видел, как Петю снесли на кладбище, на священное место печали и горя.

Своими ушами слышал Сава про Танварпекву и про Учителя-Куля, которые будто бы начали щекотать и душить детей...

... И вот нарты мчались по извилистой таёжной просеке. Луна исчезла.

Чудилось Саве, что из-за высоких деревьев вот-вот выскочит Куль или сама ведьма Танварпеква, из-за которой он потерял тёплый-тёплый, светлый-светлый дом – школу-интернат...

*Дальний путь лежал меж сосен,
Мимо гордых стройных кедров,
По застывшим мёртвым речкам,
Над которыми берёзки,
Голенастые осины
Голышом вдали стояли,
Ветки в небо заломивши...
Дальний путь – как сон печальный,
Что всю ночь до утра снится.*

Дорога бежала, бежала, расталкивая большие деревья. Наконец деревья отошли от дороги. Под ноги оленям легла белая поляна. Тёплый клуб

дыма упал на мчавшуюся в холоде дорогу. Лаем собак взвизгнула поляна. На краю поляны, среди большого снега вырос белый конус чума с синим дымком и красными искрами. Олени остановились. Сава с отчимом вошли в чум. Пьянящим теплом повеяло от пылавшего посреди чума очага. Над очагом висел чугунный котел. Над ним струился пар. Вкусно запахло оленьим мясом. У очага сидела седая старуха и неподвижно глядела на огонь. Если бы не дымок, струящийся над её трубкой, то можно было бы подумать, что старуха сделана из льда.

Молодая женщина кормила ребёнка. Волосы у женщины длинные, прямые и чёрные. Глаза большие, тоже чёрные.

– Подай ребёнка сюда! – вдруг ожила старуха, увидев вошедших. – Да встречай гостей.

Молодая женщина тут же вскочила, отдав ребёнка старухе. Она пригласила вошедших к огню, предложила место.

А сама тут же выбежала. Скоро она принесла охапку дров, повесила над очагом большой медный чайник.

Сава продрог до костей. Протянул руки к огню. Стенки чума были в дырах. Но мороза не чувствовалось – хорошо горел огонь.

Не успели передать приезжие и половины новостей, как перед гостями вырос низенький столик. А на нём – большая деревянная чаша со строганиной из оленьего мяса. Рядом с ломтиками мя-

са лежали тёмно-красные кружки оленьей печени. У Сава вдруг потекли слюнки. Так захотелось ему нежной оленьей печени! В интернате – каша и другая русская еда. Сырого мяса не поешь...

Сава вспомнил, как в первый раз пошёл в интернатскую столовую. В ней было чисто и уютно, не так, как в чуме. На столах – белые скатерти, чистые, как пороша.

Стол накрыт. За столом ребята. Все сидят неподвижно, посматривают на Учителя, который сидит в конце стола.

Учитель пододвинул к себе ближе тарелку, взял ложку и стал есть. И все без всяких предупреждений взяли за ложки и принялись за еду.

Но, едва проглотив одну-две ложки супа, отодвинули тарелки.

– В чём дело? – спросил Учитель.

– Сладкий суп, – сказал один из ребят после долгого молчания. – Маленькие дети и то, наверное, не будут есть сахарный суп.

– Мы уже большие! – сказал другой. – Нам надо мяса...

Лицо Учителя помрачнело. Он подозвал повара и воспитательницу. И скоро принесли второе кушанье – картошку с маслом. Сава с удовольствием ел картошку. И другие ребята из деревни тоже не отложили в сторону вилки. Но те, кого привезли из оленьих стойбищ и далёких таёжных юрт, не стали есть и это блюдо. Они просили сырого мяса и рыбы...

Зато через несколько дней, когда привезли большую свежую нельму и сказали, что все будут есть строганину ¹⁴, ребята ликовали!

— Кто умеет делать строганину? — спросил Учитель. Все подняли руки. Пришлось выбирать, как на собрании. Выбрали Саву, потому что у него оказался нож. Сава взял нельму за хвост и начал колдовать. Вонзив лезвие ножа около хвоста, сделал точный надрез до самой головы. Потом возле жирного брюха провёл сияющим лезвием. Подрезав кусок рыбьей кожи поперек хвоста, содрал с одной стороны рыбы блестящую серебром шкуру. Другой бок разделал так же. Затем нож прошёлся по спинке и брюху, сострогав мясо вместе с плавниками.

Поставив рыбу вниз головой, Сава срезал тонкие перламутровые стружки, куски от спинки и брюха были самыми вкусными.

Красиво скользил нож Савы, красиво строгал он рыбу, вкусно резал. Ребята ели строганину как самое лучшее, как изысканное кушанье...

... И вот теперь перед Савой стояла строганина из печени. Он взял с чаши стружку — и блаженство прошло по нёбу. Стружка красной печени таяла на языке, расточая аромат свежести. Таяла стружка печени во рту — и казалось, Сава прикоснулся снова к вкусной сказке. И стало для него всё как во

¹⁴ Строганина — блюдо из свежемороженой рыбы, которую настрогали ножом.

сне, как в полузабытой песне раннего детства, которую пела мама, когда она возила сына с собой на большие кочевья. Теперь кочуют по Уралу только сестрёнки. А он давно живёт с бабушкой в пауле, где деревянные дома и нет оленей и вкусной-вкусной строганины...

И хотя на столике уже появились калачи, масло, кусок вяленого мяса, топлёное оленьё сало, даже куски сахара, Сава с аппетитом ел стружку за стружкой замороженной, как лёд, печени... Он не заметил, как за столиком появились новые люди. Начался настоящий ужин. Один обгладывал оленью ногу, другой грыз скулу оленьей головы, третий старался выбить из кости ценный и жирный костный мозг, а Сава всё наслаждался строганиной из оленьей печени, красной, как огонь.

Пламя в чуме горело ярко. Над ним уже висели котлы с мясом. И Сава вместе со всеми ел горячее мясо. Горячее мясо обжигает пальцы. По пальцам течёт жир. Сытость расплывается по телу. Горит огонь, кружит голову. Саве хочется спать.

А во сне он увидел просторную светлую спальню интерната. На кроватях чистые простыни, мягкие подушки, теплые одеяла. А он, Сава, не хочет спать на кровати. Он достает свою меховую одежду и ложится на пол...

Проснулся Сава от холода, щекотавшего ноги.

В чуме, казалось, не было никаких признаков жизни.

Сава огляделся. Всюду сумрачно. Но сквозь дымовое отверстие мальчику видно небо. Оно лежало опрокинутым синим блюдом. Луна прилипла к его дну светлым куском сала, звёзды сияли сияющими каплями жира. Все, кажется, замерзло. Холодно.

Но все спали спокойно: и люди, и собаки. Котёл висит над костром. Чёрный, прокопченный котёл. Старые шкуры, шкуры, шкуры кругом. Шкуры старые. Старый чум. Совсем беден. Холод глядит из каждого угла.

Вдруг одна из шкур зашевелилась. В светлом лунном свете засверкали серебряные волосы. Из шкур вылезла старуха. Она накинула на себя облезшую шубу из оленьего меха и направилась к потухшему огню. Чиркнула спичку. Мгновение — и светлый кусок луны померк: вспыхнула береста, загорелись лучины.

Горит огонь. Но ещё не тепло. Кутается в лохмотья шкур старая женщина. Но руки её уже работают: ей надо размять обувь. Сава знает. Это дело женщин. Мужчины ещё спят, а эта старая женщина готовит им обувь. Они будут целый день гоняться за оленями или просто ехать. Женщина кладёт в меховые сапоги сухую травку. Без этой травки не спасёшься от мороза. Встаёт и молодая женщина. Её чёрные косы распущены. И ей, наверно, не особенно хочется вылезать из тёплой постели. Но таково правило: первой должна вставать

женщина и готовить мужчинам обувь. А мужчины спят. Так было с незапамятных времён.

Сава, как мужчина, лежал, смотрел. Когда обувь приготовлена, встать уже приятно: по чуму ходит тепло и чайник пыхтит.

Сава встал. Натянул на себя малицу. Огонь горел ещё слабо.

– Что, сынок, холодно? Почему не спишь? Разогреется чум – встанешь, – сказала старуха, разжигая очаг.

Сава придвинулся к костру.

– В русской школе сейчас, наверное, тепло? А здесь ледяная земля...

Сава молча глядит на старуху в обтрёпанной шубе. Старуха то бросает в огонь дрова, то мнёт обувь, то раскуривает свою длинную трубку, то снова начинает говорить:

– Думы мои, как облака над лесом, молчаливы и конца-края им, кажется, нет. Хорошо, когда знаешь путь, а нет – блуждаешь бесцельно, как ветер шалый. Вот и мы блуждаем, как ветер, как облака.

Она подбросила хворосту в очаг. Затрещал огонь, полетели искры.

– А вот мой сын большим человеком будет. В Ленинграде он. Учится в каменном чуме. Она полезла в дальний угол. Достала красивый сундучок, обитый медными пластинками. Вынула пожелтевшую газету. «Ленинградская правда», – прочитал по складам Сава. Развернув растрёпан-

ную, засаленную газету, она показала портрет молодого человека, изображенного на истрёпанной странице:

– Мой сын.

Сава взял газету, с трудом вслух прочитал подпись под фотографией: Юван Няркусь...

Услыхав слово «Няркусь», старуха снова ожилилась, заговорила:

– Няркусь... облезлый кувсь. Так называли нас давно. Чум наш, облезлый и холодный, стоял рядом с чумами оленьего хозяина Осьмар Васьки.

У Осьмар Васьки много оленей, тысячи оленей. И одежда у него красивая, расшитая узорами. И мех его одежды тёплый.

А мы в облезлых кувсях ходили. Потому нас и зовут Няркусь.

Сегодня нет ветра. Только мороз стоит. Пусть стоит мороз. Мороз без ветра – хорошо. А вот когда заиграет ветер, когда вьюга запляшет, как шаман, – плохо в такую погоду. Даже волк уходит в логово, и птицы зарываются в пушистый снег.

В такую погоду только сидеть у огня да сказки рассказывать. У сказок ведь своё тепло и своя радость.

А Осьмар Васька и в такую погоду гонит людей пасти оленей, а сам лежит на мягких шкурах и с наслаждением пьёт горячую оленью кровь! Если бы он только оленью кровь сосал! Да нет, он нашу кровь сосёт. Кровопийца!

— Зачем ты так говоришь, мать? — откидывая с себя шкуры, спрашивает человек непонятного возраста. Волосы у него взлохмачены. На голове клочья оленьей шерсти. Шерсть и на лице, и на руках, и на его длинной ситцевой навывпуск рубашке. Его звали не по имени, а по кличке: Карась. Слишком, видно, был тихий в детстве. — Осьмар Васька — хозяин. У него много важенок и быков. Тысячу лет и зим так заведено. Кто не имеет оленей, тот не имеет слова, он слушается богатых. А кто откажется от богатства? Все хотят иметь много оленей и тогда могут сами распоряжаться всеми делами манси. Таков закон тайги и тундры, так учат старики и шаманы...

— Вот я и вижу, что ты очень ученый, — начинает опять старуха. — Служишь Осьмар Ваське, а всё в няркусе ходишь.

— Ой, какие слова говоришь, мать! Что скажет хозяин, если узнает? Пропали мы тогда, плохо нам будет, узнает хозяин.

— Почему он может греться у костра, а мы должны таскаться по тайге и тундре, когда и собаки прячутся в чуме? Пусть знает. Ничего! Вот приедет мой сын из Ленинграда, конституцию сюда свою привезёт, покажет ему... Не те теперь времена. Это ты у меня такой послушный, как услужливая собака.

Няркусь опустил голову. Низко-низко опустил голову. Съёжился то ли от холода, то ли от резких слов матери. Беден чум снаружи, беден и внутри.

Пустынно. Неуютно. В глазах Карася холод.

– Холодно? – снова спросила старуха Саву. Взгляд её внимателен. Словно она хочет видеть больше других. – Если холодно, – надо греться. Чтобы греться, надо поддерживать огонь. Самому топить, не дожидаясь, когда другие подбросят дров. – Потом, помолчав, снова продолжала, глядя на Саву: – Ты, Сава, большой вырос. Скоро в лес один белковать пойдешь, слопцы¹⁵ и луки насто-
раживать будешь, а может, оленеводом станешь. Везде ходи, внучек, да только не обходи грамоту. Большим человеком станешь. Как мой сын Юван Няркусь. Он скоро приедет... Привезёт конститу-
цию. Покажет Осьмар Ваське...

А утром случилась беда.

– Я, кажется, скоро умру! – закашлявшись, выдавил из себя старик Няркусь – отец семейства. Он лежал на шкурах ногами к огню. – Всю жизнь долгую, как эта бесконечная зима, я пас чужих оленей. То пас оленей богача ненца, то прислуживал купцам и зырянам, и вот уже сколько лет верчусь около Осьмар Васьки. Не нашёл я счастья нигде. Может, когда умру, найду его там, в нижнем мире, где нет солнца и света...

¹⁵ Слопцы – деревянные ловушки для мелкого зверья.

Вокруг костра собрались его дети, внуки. В женском углу в поганой части чума ютились жена, невестки. Дети ползали, с ними играли собаки...

— Возможно, добрая жизнь придёт и к нашему огню. Не знаю, какую жизнь привезёт мой сын из города, большого каменного города.

Все замерли, молча слушали умирающего старика. Старик был слаб и немощен. Только в глазах у него иногда вспыхивали искры, которые будто говорили: буду жить! И тогда из уст снова лились слова:

— Вы слышите, дети мои, голос снегов. Так идите на зов. Идите на зов людей. Союз, который связывает зверей, и тот достоин похвалы. А ведь людям ещё разум и сердце даны. Вместе надо людям быть. Рука руку пусть держит, друг другу помогает. — Старик закашлялся, застонал. — Скоро Торум позовёт меня — и я уйду. Лютого Осьмар Ваську, который избил меня и этим отнял жизнь, — отдаю в ваши руки. Судите его кровной мезьтью.

В это утро старик умер.

Свистела вьюга. Гудел ветер. У входа вырос сугроб. Он рос, подбираясь к костру, как растёт горе в чуме, где уходит из жизни кормилец.

— Горе пришло в наше жилище! Большое горе! — вздыхала старая женщина. Она сидела неподвижно и смотрела на огонь. Смотрела застывшими глазами. Бросит хворост в огонь — и снова будто леденеет. Лишь когда порывы вьюги сотрясают

чум, она снова просыпается. Рука её оживает. Из-за пазухи она достает замасленную газету. Смотрит на портрет сына. Говорит как бы сама себе: «Неужели это ты? Ленинград. Конституция. Будешь ли ты судить Осьмар Ваську? Кровь за кровь!..»

Старик Няркусь умер... Все слышали, как он сказал последнее слово, из него вырвался глубокий выдох. Это, наверно, и выходила из него душа, его двойник... По представлениям манси, душа – это такое маленькое, легкое, едва видимое существо, как едва уловимый выдох, улетающий вместе с жизнью из тела... Но с выходом из тела оно превращается в двойника человека, в его тень... И что будет делать эта «тень», эта ещё живая «лили»? Может, она спокойно уйдет в нижний мир, страну мёртвых, или к Торуму поднимется, а может, просто будет бороться на этой земле с Осьмар Васькой? Осьмар Васька не только всю жизнь заставлял Няркуся работать на себя, но и лишил его жизни.

Случилось это недавно. Няркусь, как обычно, пас оленей. Но в последнюю большую пургу потерялись три важенки. Узнав об этом, Осьмар Васька пришёл в ярость. Сначала он ударил старика хореем, потом подскочил к нему и стал в бешеной ярости бить пастуха кулаками и всем, что попадало под руку. Много крови потерял Няркусь. Вместе с кровью ушла и душа оленевода, его жизнь. Ушёл из жизни человек, он был бедный, но

добрый и работающий. Однако кровь за кровь! Кровная месть теперь ожидала Осьмар Ваську. У Няркуся в чуме было ещё два сына. Кровь за кровь...

*Духи ночи в эту пору
Вместе с сумраком выходят
Из воды, из старых дупел
Бурей сваленных деревьев,
Из глубоких нор барсучьих,
Скрытых в сучьях среди леса,
И крадутся незаметно,
Меж деревьев перебегая
К огонькам паулов сонных,
Чтобы в души человечьи –
Лили, полные тревоги,
Поселить вражду и злобу.*

Люди кульбазы едут! Снова детей в школу собирают! – выводил неторопливо слова Сас, входя и усаживаясь поудобнее к огню. Он только что приехал на оленях.

– Куль за нами гонится! – запричитал отчим, засуетился в углу, где он молча раскуривал длинную трубку.

Хотя был уже поздний вечер, он тут же засобиравшись в дорогу. Не успел вскипеть и прощальный чайник, как олени были уже запряжены в упряжку. Ещё миг – и под копытами заскрипел морозный снег.

Из тайги, где деревья, кажется, сливаются с небом, выехали в ледяную землю – тундру. Деревья здесь редкие, чахлые, низенькие. Немного проехали – стал подувать ветерок. Откуда-то появилась туча. Звёзды исчезли. Ветер задул сильнее. Закружился снег. Засвистела, запела вьюга. Всё заснежилось, заметелилось. Олени не хотели идти против ветра. Они старались повернуть по ветру. Скоро поднялась такая метель, что всё побелело и негде стало скрыться от этой неистовой вьюги. Ветер прожигал лицо калёным железом. Вьюга скоро стала такой, что видны были только хвосты оленей. А сами олени сливались с белой тьмой.

Пришлось выпрячь быстроногих и привязать их головами к нартам. Отчим залез под нарту и велел пасынку сделать то же самое. Упрятали голову и руки в малицу. Казалось, неплохо устроились. А снег всё летел и летел.

– Пу-ху! Пу-ху! – прокричал кто-то вдали.

«Кто это? Филин!» – подумал Сава, забираясь под шкуру. Да, филин так кричит. Глаза у филина круглые, голос зычный. Сава боялся филина, когда был совсем маленький. Знал он: на крыльях филина летает сам Менкв. Менкв – это злой лесной дух. И в жизни живут злые люди и в сказках они есть. Вот какую сказку как-то сказывала бабушка.

В лесной избушке живёт старик. Голова у него, как у медведя, косматая. Да только это не медведь, а человек, проживший на земле долго-долго. Внук

есть у него. Мальчик. Эква-пыгрись, сын женщины. На мягких звериных шкурах резвится мальчик. Старик не сводит с него глаз.

Тепло и ласку дарит внуку бабушка.

Однажды дедушка и бабушка ушли. Внук один остался. И думает: «Не сходить ли на улицу? Что хоть там такое?!»

На улице видит: играют дети, мяч пинают.

– Сможешь ли ты устоять от удара мяча?! – говорит один из них. И самый большой мальчик пинает мяч прямо на Эква-пыгрися. Удар был такой, что чуть Эква-пыгрись не упал. Рассердился сын женщины, схватил мячик и пнул его обратно. Кому досталось по спине – тот надвое разломился, кого чуть задело – лежал как мёртвый. Вот какой был удар! Отцы и матери детей кричат на всю тайгу, на весь мир:

– Если руки твои такие сильные, если ноги твои такие мощные, где ты был, когда победили твоего отца? В болоте за семью озёрами ястребинный ветер треплет волосы отца твоего, сушит его голову. Там и показал бы свою мощь!

Вернулся Эква-пыгрись в избушку, лёг спать. Но никак не спится. Всё думает над словами, сказанными людьми на улице, размышляет: «И правда, почему у меня нет отца? У других ведь есть и отец и мать! Нет ли в мире где виновника этому? Отмщение за отца. Отмщение!»

На стене висел лук и стрелы. Взял он осторожно их и опять вышел на улицу. Долго ли, коротко ли шёл, много ли, мало ли землю мерил ногами и взглядом, только наконец увидел небольшой домик, дверь с одной стороны брёвнами обложена. Разбросал он их – в дом вошёл. В переднем углу старик Медведь сидит. Вздохнёт, выдохнет – ветер до дверей долетает. Эква-пыгрись взобрался на полати, рядом со стариком Медведем лёг. А когда проснулся удивился: рядом со своим дедушкой, оказывается, спал.

Дедушка и говорит:

– Вижу, повзрослел ты, сильным стал. Для большой дороги созрел! Только большую дорогу надо выбирать не воровским путем. Подожди до завтра – я тебе подготовлю лук и стрелы богатырские.

Наутро бабушка стала в углу копошиться. Вытаскивает из угла большое железное лукошко. Из него вынимает кольчугу. Надевает на юношу – и она впору ему. Лук и стрелы подаёт. Дедушка вручает саблю острую и говорит:

– Теперь иди! Пусть с тобою будут духи добра!

Пошёл внук на берег таёжной речки. На лодочку садится, к большой воде плывёт, к большой земле едет.

Долго ли, коротко ли плыл – доехал до седьмого озера. Правда, берега этого озера заросли травой, болотиной стали. В камышах семь лодок стоят. Покрыты они тонким сукном, шёлком сияю-

щим. По рассказам дедушки Медведя, где-то здесь должна быть лодка отца. Долго её искал Эква-пыгрись. Нашёл. Лодка его отца поновее других. Потом пошёл вверх по ручью. В одном месте видит: берёзка. Хотел сделать зарубку. Да только прикоснулся топором – кровь брызнула. Хотел отломить веточку, чтобы отогнать комаров, – тронул веточку, да за спиной раздался страшный крик. Это Менквы кричали во весь голос. Эква-пыгрись обнажил свой меч. А Менквы уже идут на него, свистят, кричат. Не повернул назад внук, а решил сражаться с врагами не на жизнь, а на смерть. На одного замахнется – другой рядом, одному снимет голову – другой пытается его смять. Трудно герою, не осилить ему столько великанов, столько врагов. И тогда он пытается силу слова. Говорит:

– Дедушка мой! Голова у тебя косматая, как у хозяина тайги – медведя. Неужели в твоей медвежьей башке нет никакой мудрости, или хитрой тайны неужели нет?!

Только успел сказать он это, как на его голову сел крылатый ястреб. («О, слово великую силу имеет! – когда-то говорила Саве бабушка. – Порой оно бьёт сильнее сабли и любого другого оружия!»)

Говорит Эква-пыгрись ястребу:

– Слтай в небо, спроси у небесного отца: где таится смерть этих Менквов, чем их победить?!

Но ничего не ответил ястреб Эква-пыгрисю. Только взмахнул крыльями и улетел. Только вылетел ястреб, Менквы спрашивают:

– Какая птичка выпорхнула из твоей головы?

– Это моя последняя душа улетела. Обрадовались Менквы, услышав о последней душе. Значит, силы Эква-пыгриса уже на исходе. Значит, его можно и победить!

– Всё равно он наш! – говорят они, садясь на пни и поваленные деревья.

А между тем вернулся ястреб. На голову Эква-пыгриса сел и шепнул тихо:

– У самого младшего из семисот Менквов на мизинце кусочек человеческого мяса. Найдёшь его – счастье твоё!

Сказал ястреб вещие слова и улетел восвояси.

– Что вылетело из твоей головы? – спросили Менквы.

– Последняя моя душа вылетела. Оказывается, была ещё одна. На ней, видно, и держался!

Снова Менквы пошли на Эква-пыгриса. Эква-пыгрис стал искать зорким богатырским взглядом самого младшего Менква. Наконец заметил, стал к нему пробираться. Другие защищают его, загораживают. Но внук до того был юрким, что не только отбил от Менквов, но и проскользнул сквозь них и острием сабли лишь по мизинцу младшего провёл.

И всё замерло. Будто скошенные травы, в один миг все Менквы упали, завяли. А сколько людей съели они, скольким принесли несчастья!

Снял Эква-пыгрись с их голов шкуры и на пояс их повесил. Пусть и другие людоеды знают: то же самое будет и с ними, если они рискнут нападать на мирных людей. Так Эква-пыгрись отомстил за своего отца. Так он воевал со злыми духами, так он боролся за справедливость.

Помнит Сава: когда бабушка рассказывала эту сказку, то добавила:

– Вот вырастешь, и большие дороги будут пылиться под твоими ногами, вспомни, что где-то за семью озёрами в болоте ястребиный ветер треплет волосы твоего отца, сушит его голову. Твой отец, мой прекрасный сын, был славным охотником, хорошим человеком. Настало богатырское время, добрые богатыри взялись за мечи и с людоедами Менквами стали бороться. Вместе с Красными богатырями пошёл твой отец. Правильно ли он сделал – не знаю. В одной из схваток он погиб. Пойдёшь по земле – может, найдёшь его могилу, а может, просто духа его встретишь. Явится он перед тобой просто хорошим человеком и заменит тебе отца и друга. Ищи дорогу отца, продолжи её.

– Пу-ху! Пу-ху! – кричал филин.

– Вий-ю! Вий-ю! – вторила ему вьюга.

Лежит Сава, сказку вспоминает, о злых и добрых духах, о Менквах и сказочных Красных бога-

тырях, с которыми ушёл отец... Но кто заменит отца? Разве это возможно?

Ищи дорогу отца, продолжи её...

А вот мама у Савы есть. Это хорошо. Саве становится тепло-тепло. Но только на миг. Пока вспоминал про маму. Лицо у неё белое, не морщинистое, как у бабушки, волосы рыжие, до самых пят выются косы. Косы у мамы тяжёлые. Монеты, медные цепочки, пуговицы, амулеты причудливых зверей вплетены в косы её шёлковыми лентами. При каждом движении косы мамы звенят, как бубенцы. Помнит Сава те счастливые мгновения, когда он играл её косами. Но те мгновения были редкими. Мама всё время куда-то уезжала с отчимом. Вот он спит рядом на снегу. И на него и на Саву летит снег. Саве опять становится холодно. Холодно, наверно, и оленям. Они тоже лежат беспокойно, чуть похрапывая... Сава злится на оленей. Это из-за них от него уезжает мама: оленям надо кочевать, искать корм. Сава злится на отчима: это он пасет оленей, это с ним уходит мама. И почему это мама уходит с отчимом, а не остается с Савой в пауле? Неужели она больше любит отчима, а не Саву? Непонятно. Когда уезжала мама в последний раз, в её синих глазах стояли тяжёлые слёзы. Сава помнит вкус той слезы. Слеза упала Саве на губу, когда мама целовала его на прощание. Та слеза была солёной, горькой.

– Ты мой Сава, горемычный ты мой! – повторяла мама, целуя Саву.

– «Сава» по нашему – «горе», – говорила бабушка. – И дадено это имя тебе не случайно. Ты родился в день, когда убили твоего отца. Ты сирота, ты наше большое горе! Ты и надежда наша. Враги не смогли убить красного партизана – твоего отца, не смогли оборвать нашу жизнь. В тебе он вновь родился, зашагал по земле. Шагай же и ты, наш Сава, ищи дорогу отца, продолжай её достойно!..

... Но кто укажет Саве дорогу, кто поможет? Может, Учитель? Он не раз говорил: «Ребята, пусть теперь вашим спутником станет книга. Она будет вам надёжным другом. Она укажет вам дорогу в большую жизнь...»

И где она, эта большая жизнь? Как найти к ней дорогу?

Лежит Сава. Спать – не спит, а слегка подремывает. Стук, шорох какой – всё слышит. Слышит сквозь крик ветра, сквозь вой вьюги... А вьюга метёт, снегом бьёт. И в этой кутерьме – где она, волшебная дорога? Как ее отыскать?..

Вьюга не утихла и утром. Не видно было ни зги. И все же отчим с Савой решили ехать, чтобы не быть заживо погребёнными. Отчим сказал, что где-то недалеко стойбище. Последнее средство – пустить оленей на произвол судьбы: может быть, они вывезут к чьёму-нибудь жилью.

Ресницы Савы смёрзлись. Он долго их оттаивал тёплыми пальцами, согретыми у груди под мехом малицы. И отчим, тоже прочистив глаза от инея и снега, стал запрягать оленей. Сава сел спиной к ветру, опершись о жёсткую спину отчима. Как хорошо опереться на чью-то спину. Сава опять подумал об Учителе. Вдруг олени круто повернули влево. Плелись они очень медленно и всё обнюхивали воздух. Не прошло и часа, как они вышли к деревне. Запах жилья во время выюги расстилается по земле. И запах этот далеко слышен чуткому обонянию оленя.

*Гром гремел по тёмной юрте,
Тени робкие скользили. –
Это духи вместе с старцем
О грядущем говорили.
«Слышу! Слышу!» – крикнул старец. –
Вижу, вижу в небе тёмном,
О, как много, очень много!
Кто-то едет, кто-то скачет
Кто гремит тяжёлой нартой?
Тише, люди. Люди, тише!
Потушите пламя в чуме –
Тот огонь мешает светом
Тьму яснее видеть взору,
Взору острому шамана».*

К удивлению Савы, оказывается, они подъехали не к временному становищу, а к деревне.

– Пася, пася! – по-мансийски здоровались отчим и Сава, входя в дом, от которого повеяло чем-то знакомым, приятным, в отличие от тесного чума, который так надоел Саве. Он уже привык к обычному, тёплому мансийскому дому.

– Пася, пася! – встретили тем же возгласом хозяева. В доме было полно людей. Вошедшим трясли руки, обнимали, целовали. А те, охваченные вдруг теплом, светом весёлого огонька, не знали даже, что делать: то ли раздеваться, то ли обниматься...

Всех радушнее и веселее казался Железная Шапка. Он обнимал, целовал приехавших, просил раздеваться, усаживал гостей.

Сняв малицу, Сава устроился у самой кромки чувала, вытянув озябшие руки к огню, радовался, что он наконец-то уже не под снегом, не в чуме, где холод и теснота.

По обычаю мансийской старины, не успели ещё раздеться, не успели рассказать и половины новостей, как перед гостями появилась закуска.

На низеньком столике ёхыл – сушёная рыба – и строганина из оленьей печени. Всех приехавших пригласили утолить голод, перед тем как вскипит чайник, сварится оленьё мясо...

Над пылающим огнём уже пыхтели чёрные чайники. Но лишь только хозяйка, белолицая мансийка с длинными звенящими косами, бросила в чайник кирпичик чая, как на дворе послышался лай собак, скрип копыт и шум остановившейся

оленьей упряжки. В дом вошли ещё гости. Снова раздались: «Пася!» – и тёплые приветствия.

– Куль догнал нас! – протянул недовольно отчим, глядя на вошедших.

Учителя Сава узнал сразу, хотя все приехавшие были еще одеты в шерстяные, заиндевелые кувси.

Среди приехавших Сава признал Совета, Красного Корня, Ювана Няркуся, прозванного когда-то Журавлём, и докторшу Ию.

Остальных мужчин Сава не знал.

– Люди Красного чума! – сказал кто-то.

В доме собралось столько народу, что и сесть было некуда.

Все говорили, перебивая друг друга, стараясь не только передать таёжные новости, но и просто отвести душу, поговорить на человеческом языке человеческими словами. После одиночества, таёжного отшельничества людям хотелось общения, близости...

Встретившиеся были возбуждены. Лица их так и горели...

Стало темнеть, и свет в окне пропал, уступив место огню разгоревшегося чувала. Отблески пламени скользили по стенам, падали на широкие, смугловатые лица, летали по раскрытым грудям мужчин, по взлохмаченным головам с тонкими косичками, гуляли по цветной, разрисованной орнаментом одежде, сшитой из меха, и

казалось, что он попал снова в тёплый сказочный мир.

Когда все немного успокоились, Сава стал присматриваться.

Железная Шапка сидел в кресле, устланном рысьими шкурами.

Он был одет в княжеское платье, дарованное его прадеду царицей. Рядом с ним устроился большой рыжебородый человек.

Он молча глядел на пламя чувала. Отблески огня играли в его правом глазу, синем, как вечернее озеро. Левый глаз у него был полужакрыт. Он будто целился.

– Белый начальник! Офицер! – шепнул Саве на ухо отчим. Густые рыжие брови белого начальника напоминали прижатые уши филина, а нос – клюв большой птицы. Прямые, колючие волосы, будто пучки засохшей и покрасневшей сосновой хвои, закрывали щеки, губы и подбородок. Белый начальник сидел, опустив голову, время от времени поднимал её, разглядывая тех, кто вошёл в дом Железной Шапки.

Вдруг камни его глаз ожили, заплескались синими волнами...

– Вот так встреча! – воскликнул рыжебородый, с удивлением глядя на Совета. – Мой спаситель!..

И Совет тоже узнал его...

Огонь чувала тревожно затрещал, стреляя красными искрами...

– Встретились старые знакомые! – воскликнул князь, оживившись. – Музыку! Стол!..

– Подайте-ка мне мой вещий многострунный журавль, – заговорил Якса, подсаживаясь к огню. Реденькие, седые, как ягель, волосы заплетены в косички, переплетены вишневой ленточкой. Лицо его с крупными морщинами, обращённое к свету, излучало тепло.

Ему подали многострунный журавль.

Тронул старик струны – и как будто высоко-высоко, под самыми облаками зазвучали они скорбным стоном, криком журавлиным. И в доме словно кто-то вдруг заплакал, всхлипнул три раза, застонал...

Началась былина. Её пел старик про века минувшие. Летели крылатые звуки из-под пальцев музыканта. Он пел о том далёком времени, когда на земле жили богатыри. Он пел о богатыре Нёр-ойке. Сильным слыл тот богатырь. Одной рукой на бегу останавливал лося. Двумя руками медведя, как головёшку, через гору перебрасывал. И никогда плохого он не делал никому. Ростом он был выше лиственницы. Голубые глаза его светились двумя полными лунами, а волосы вились кудрями...

– Родила лесная женщина Миснэ меня, Нёр-ойку, песенного человека, сказочного человека.

И я, лесной дух, слышу боль и горечь лесных людей.

И тогда поднимается моя сабля,
Если сверху злой дух появится,
Если снизу коварный дух приползёт,
Неся болезни и страдания,
Я выпью воздух, выпью реку и всю нечисть.
и люди, идущие по земле,
в сказках меня прославят,
в песнях меня воспоют.
Как же иначе: ведь я богатырь!..

Железная Шапка, сидевший на княжеском троне, сделанном из отполированного дерева, покрытом рысьими шкурами, загадочно улыбался. Кудри его спускались до плеч... Синие глаза его плыли двумя томными лунами. Вся его поза и вид показывали, что эта былина имеет прямое отношение к нему. Пел певец о серебряной сабле с золотой рукояткой – и Железная Шапка глядел на саблю, висевшую сбоку; пел певец о калёных стрелах к луку – и он тянул свой взгляд к луку и стрелам...

... По земле безбрежной, как богатыри,
Как хозяева идем.
Именитого богатыря имя моё,
Славного богатыря имя моё
Несется на крыльях ветра,
Славится, звучит на разных языках.

Якса пел долго. Пел вдохновенно. То замолкал – тогда струны повторяли мелодию его песни,

то вдруг обрывал мелодию – и начинал быстро говорить, резко положив ладонь на струны. И перед сидящими вставали одна за другой картины сражения богатыря Нёр-ойки со злобными Менквами, злыми духами земли.

Люди слушали.

В глазах их то зажигалось веселье, то снова гасло. Люди молча глядели на огонь, который стрелял искрами. Монотонное пение Яксы нарушалось то слабым вздохом, то возгласами ужаса, когда герой подвергался страшной опасности...

Между тем сварилось душистое оленьё мясо.

На низеньком столике появился бочонок.

Окинув всех многозначительным взглядом, Железная Шапка не торопясь стал отдирать замазанную тестом тряпицу. Выбив пробку, запенился, забулкал горько-сладкий сур – «огненный напиток».

Наполнив вином несколько деревянных чаш, князь торжественно плеснул из своей чаши сур на тлеющие угли чувала. Там на мгновение показался синий огонёк. Эти первые капли предназначались духу огня, Нёр-ойке и другим духам предков...

И только потом чаши пошли по рукам, начиная с хозяина и хозяйки, шамана Яксы и других стариков...

Пили вино, водку. Железная Шапка сегодня был щедр, он по-мансийски широко угощал гостей.

Игрище в честь Нёр-ойки началось. Якса попросил Журавля, Ювана Няркуся, аккомпаниро-

вать ему на инструменте, а сам начал петь волшебную былинку.

Голосисто звенел многострунный журавль. Якса пел былинку о том, как Нёр-ойка ездил на оленях в Москву, к самому Грозному-царю, как он дружбу-союз заводил с русскими, как сам царь дал ему божественную грамоту на над Югрой, И эту законную власть может отменить лишь царь да боги... Но царя русского больше нет, а мансийские боги остались. Они на стороне Железной Шапки – прямого потомка Нёр-ойки, на стороне законной власти...

Об этом пел в былинке Якса под аккомпанемент Журавля.

Об этом было написано в грамоте, которой перед глазами сидящих размахивал Железная Шапка.

Бумага эта хранилась в священном сундуке Железной Шапки, рядом с идолом Нёр-ойки, который охранялся как дух, как бог... И люди клялись идолу как духу справедливости и свободы манси, дарованной им когда-то божественным русским царем.

Теперь же на эту власть пытаются посягнуть люди духа Революцы, безбожники и разбойники.

– Что же делать с разбойниками? – задал вопрос гостям Железная шапка, тряся грамотой. – Что делать с безбожниками? – кричал он.

Гости вздыхали, молчали. Настороженно молчали Учитель, Совет и другие приехавшие с ними люди Красного чума.

— Манси должны быть свободными от чуждого им духа Революцы, должны быть сами хозяевами своей земли, слушаться своего князя, как написано в священной вечной бумаге, доставшейся нам от предков...

— Да будет память предков священна! — воскликнули люди. — Да исполнятся их желания!..

— А если люди Революцы не признают нашу свободу? — сказал с сомнением кто-то.

— Будем воевать! — воскликнул Железная Шапка, схватившись маленькой белой рукой за золотую рукоять серебряной сабли, висевшей у него на боку. — Будем воевать, как славные предки наши! — повторил он грозно. — Сказал: будем воевать!..

И тут началось такое!..

Все повскакивали со своих мест: и люди Железной Шапки, и люди Красного чума, готовые к схватке.

Тогда вперед вышел Журавль, сын Няркуся, и в ответ на вызов Железной Шапки заиграл на многострунном инструменте и запел.

Возбужденные голоса затихли. Один Журавль играл и пел.

Песнь его была длинна, как полярная ночь, тягуча и монотонна, как метель. Журавль пел родо-

вую песнь-сказание о бедствиях рода Няркусь, о своей семье, о самом себе. Пели это сказание и дед, и отец Няркусь. Пел это сказание теперь и сам Журавль из рода Няркусь, лучший ученик шамана Яксы!

Он пел о том, как впервые его глаз, острый, как глаз соболя, увидел снег и небо.

Небо и снег. И ничего, кроме снега и оленей. Олени бегут, бегут, бегут. Бегут от бедной хижины. Бегут за большой правдой.

Люди Няркусь уходили от бедной жизни всем родом. Хороший царский начальник привозил в тайгу «огненную воду», а потом за неё брал шкурки соболя и белки, угонял оленей за долги.

Кай-о! Кай-о!

Где хорошая жизнь? Где правда? Род уходил в глушь, думал укрыться от худых законов, которые сделали нищими и не только людей рода Няркусь, но и всех манси.

Кай-о! Кай-о!

Загремела тайга выстрелами. Дух Революцы поднял крылья.

Великие шаманы сказали: «Беда, ой, большая беда в край снегов идёт! Люди с ружьями, худые люди идут. Уходите, манси, вглубь лесов, поднимайтесь в горы!»

Кай-о! Кай-о!

И мы ушли в глушь.

Но и сюда пришли люди с ружьями. Однажды приехал к нам большой начальник. Плечи у него золотые. А кричал словами тяжёлыми, тяжелее камня. Требовал от дяди моего оленей.

«Где бедному манси взять много оленей?» – ответил ему дядя. Тогда размахнулся начальник с золотыми плечами стальной шашкой и разрубил ему голову надвое. Покраснел снег от крови. Покраснели наши глаза от слёз. В этот миг пришли другие люди с ружьями. На лбу у них красные звезды, в глазах у них – свет ясного утра. Много стреляли они в кровавого начальника, сорвали с него золотые плечи.

Кай-о! Кай-о!

А шаманы опять говорят: «Пришел в тайгу новый закон, красный закон! Худой закон! А знаете, манси, где красный мох растет, мох ядовитый? Его не едят олени, там стадо остается голодным, там живёт одна смерть».

Но появился в кочевьях коммунист-манси по прозвищу Красный Корень, он сказал: «Не всё красное ядовито. Красное – начало новой жизни». К новой жизни стал звать Красный Корень, скликая по тайге всех бедных, обездоленных. Собирал колхоз.

Люди сомневались. Как быть?

Шаманы пугают, а Красный Корень зовет.

Где правда?

А правду никогда не надо обгонять на оленях и не надо искать в дальней глуши. Правда всегда рядом ходит.

Вот зарубка – простая дощечка с узорами, которые вывела рука моего отца, убитого богатеем Осьмар Васькой. Слезы мои текут, словами льются. А дощечка с зарубками, деревянное письмо, говорит вот что...

Журавль замолчал, протягивая людям деревянное письмо, прося их самих прочитать написанное когда-то его отцом.

Долго ходила палочка по рукам, потом старик Сас-Сипаль начал её читать:

– Четыре грани у неё, как четыре стороны света. На первой грани записана вся семья Няркусь. Первый большой знак – это он сам. Второй – маленький, вырезанный рядом – жена. Затем сыновья – раз, два, три...

Последний знак – тамга рода Няркусь. Её вся тайга знает.

На второй грани написано о богатстве Няркусь, о его оленях, собаках, лыжах.

Оленей – десять. Из них – шесть быков, четыре важенки, собак – три...

Третья сторона рассказывает сынам, сынам сынов, как жилось в древнем роду Няркусь: в нём одни долги. Вот здесь записан долг купцу Ивану. Налимов, осетров требовал он и шкурок беличьих и лисьих. Долг белому царю обозначен отдельно,

крупно. Ему Няркусь должен был поставлять горностаев для царской мантии...

Долг шаману обозначен оленем. Мясо и кровь оленя любят вдохновенные шаманы.

На четвертой грани написано о желании старого Няркуся.

Детям желал он мяса, чтобы были сыты, здоровы – сыновьям, хорошей им дороги.

А дорогу видел он в большой дороге сына, который ехал учиться в чудесный чум – в Ленинград, чтобы найти правду и привезти на Север вместе с красным законом – законом счастья и дружбы людей и народов.

А последний знак, самый большой знак на этой грани, – заявление Няркуся принять его в колхоз.

Кто-то сказал, что он уже умер, старый Няркусь. Но другой сказал, что душа его жива, она тоже хочет счастья.

Поднялся невообразимый шум.

Люди Красного чума встали и запели какую-то свою песню.

Скоро все собравшиеся в этом доме разделились на два непримиримых лагеря.

Сава сначала думал, что это игрище, представление. Но скоро дело приняло серьезный оборот. Полупьяный Железная Шапка, сидя на княжеском троне, устланном рысьими шкурами, открыто предъявлял Совету, Красному Корню, Учителю и

другим представителям Советской власти свои требования, грозя тут же связать их, если они не признают: его власти над сородичами.

Всё в прошедшем, всё в грядущем.

Всё живёт и умирает.

И рождается в новом свете.

Сава сидит на дереве. На толстом суку кедра.

Кедр – дерево высокое. Ветви у него густые, пушистые. Снизу Саву не видно. Сверху Саве все видно. Глаз у него острый, рысий. Сверху Саве все слышно. Слух у него таежный, уши, как у чуткой собаки, всегда настороже. И нос у него хотя и маленький, приплюснутый, но запахи различает он по-звериному. А вот голова...

– Голова твоя глупая! Ум твой плохо шевелится! – ругался вчера отчим, когда Сава помог бежать Учителю.

«Ум мой, наверно, и правда плохо шевелится», – размышлял Сава, глядя на руки свои, которые только в самый последний момент смогли развязать Учителя. Учитель сел в нарту, его увез один догадливый манси. Неповоротливый ум Савы сразу не догадался, что надо сесть на другую нарту, помчаться следом за Учителем, а когда догадался, было уже поздно.

Игрище в честь Нёр-ойки кончилось тем, что красных, не захотевших признать княжескую

власть Железной Шапки, связали. Удалось ускользнуть лишь Красному Корню. С ним уехала и часть оленеводов, которые решили вступить в колхоз, а потом и Учителю Сава помог бежать.

— Глупая твоя голова, — любит поговаривать отчим. — К чёртовой этой грамоте тянешься, помогаешь не тем, кому надо, богатых, настоящих людей не понимаешь. Неправда, Сава понимал всё. Железная Шапка богатый, у него одежда красивая. Осьмар Васька богатый. Что ни день, убивает жирного оленя. У него тысячи оленей. Якса... Но кто из них настоящий человек, Сава не может понять. А Совет? А Учитель? А Красный Корень? Разве худые? Ничего не понимал Сава.

— Глупую твою голову надо снять! — кричал вчера отчим. Испугался Сава не на шутку. Но не на оленях сбежал, а решил на дереве спрятаться. И вот сейчас, сидя на большом суку, Сава трогал руками голову. Сава знал, что самое твёрдое у человека — это кости. Из всех костей самая важная кость, конечно, череп. Можно отрубить руку, ногу, ухо — и человек всё же будет продолжать жить. Но если отрубить ему голову — он сразу погибнет. Значит, тут-то, в голове, и живёт душа человека, его жизнь. Сава знал, что для северянина нет худшего наказания, чем быть обезглавленным. Ведь тогда он и на том свете будет без головы. А самое твёрдое в голове — это череп. Снять череп с врага — значит покорить его душу. Обладатель черепа будет и обла-

дателем его души. Так думают старые манси с самых давних времён. Если сегодня духу предка Нёр-ойке поднести черепа красных, тот возликует от счастья, так как будет обладать черепами этих людей, их душами. Они будут его рабами, а он, Нёр-ойка, возликует, будет гордиться этими душами как трофеями. Поэтому древние мансийские богатыри всегда снимали скальп врагов. Железная Шапка вчера ещё кричал и требовал от Яксы, чтобы тот просил у богов разрешения оскальпировать арестованных красных. Но Якса не разрешил этого делать, чтобы не осквернить законы предков: как-никак, люди Красного чума были гости...

Всё происходило так: тонкие, высокие лиственницы стояли на мысу, круто спускавшемся к озеру. Издали деревья казались маленькими. Но их корявые ветви отчетливо вырисовывались на бледно-стальном фоне неба. Над ними висели белые облака, пронизанные золотым бисером зимнего солнца. На священной поляне уже началось игрище скальпирования. Играющие разделились на две партии. Враги стояли друг против друга. Боролись попарно. Победивший для вида проводил ножом вокруг головы побеждённого и вырывал около его головы пучок сухой хвои. Этот пучок он торжественно нёс в свой лагерь со словами: «Я силён. Я его убил, кожу с головы снял. Кожа с головы его вот. Вот его поверженная душа!»

– Пора скальпировать и на самом деле! – вдруг скомандовал князь, расхаживая, как богатырь, по священной поляне. На нём была одета настоящая кольчуга, на голове – остроконечная железная шапка, на боку – сабля.

Тогда Сава сразу услышал громкое биение своего сердца, шум переливающейся в венах крови. Холодок пробежал по его спине.

Якса, покачиваясь, точно сонный, подошёл к священному кострищу.

Сава внимательно следил, как возникло пламя. Сначала оно было крохотное, робкое. Потом росло, росло, весело взбиралось по длинным поленьям вверх.

Сейчас подведут к огню Совета. Он стоит привязанный к священной лиственнице. Осьмар Васька, напевая что-то весёлое, точит нож. Первого будут казнить Совета.

Совет – имя новой власти. Совет – имя человека. А что такое имя человека?..

«Каждый манси знает, – вспомнились Саве слова бабушки, – что человек состоит из тела, души и имени. Тело умирает. Душа тоже может умереть. Лишь имя человека бессмертно. Умер человек – и его душа в виде имени вселяется во внука и правнука. И если человек с достоинством будет носить имя предка, то он приобретает в нём новую силу, силу предка, и силы в человеке удваиваются. Об имени предка должно сохраниться доброе вос-

поминание на земле. Стереть имя предка из памяти – совершить самое тяжкое преступление – так считали люди в старину, – часто повторяла бабушка. – Важен в жизни выбор имени. Если человек носит имя, которое связано с душой человека несчастного, больного, то он и будет страдать от этого. А имя человека счастливого, удачливого приносит счастье и успех в жизни».

«Какую магическую силу имеет имя «Совет»? – размышлял Сава. – Почему люди тянутся к новой власти?» Об этом же не раз думали и старые манси, сидя у костра, перед глазами священного огня.

Бывало в старину и такое: заболит человек – сейчас же дают ему другое имя, полагая, что та душа, с именем которой он связан, – душа больная, несчастная. Даже старики меняли порою имена, надеясь начать таким образом новую жизнь. Юноша, посвящённый в мужчины, получает новое имя...

«Какую волшебную силу имеет слово «Совет»? – всё думает Сава, сидя на высоком дереве. – Почему русский человек гордится этим именем, данным ему не его русской матерью, а таёжными людьми, манси?»

А ещё Сава слышал от стариков, что имя, произнесённое всуе, то есть повторённое напрасно многократно, теряет силу. Именем можно злоупотреблять, зло выкрикивая его, околдовывать человека.

У взрослого большого человека всегда должно быть два имени – одно маленькое, другое настоящее, большое, которое должно тщательно скрываться. И если оно звучит – то лишь по торжественным дням, во время больших событий.

О каких днях говорит имя «Совет», о каких событиях вещает? Ведь во время большой охоты не произносят имени животного, за которым идут по следу, потому что имя может обидеться – и охота будет неудачной. При охоте на зайца не говорят «заяц», а просто произносят «скакун», при охоте на медведя – «Он» или «Мужик лесной».

Слово «Совет» – Сава слышал – произносили люди ежедневно много-много раз. И старики во главе с Яксой решили не казнить самого Совета, так как сидели с ним за одним столом, вместе пели хвалу Нёр-ойке, а решили казнить его имя, звонкое слово «Совет», многократным повторением...

Вместо Красного Корня к дереву был привязан идол, наспех вырубленный из обрубка ели. Это красное чудище походило на обыкновенного идола, если не считать звёзды на голове. Этого звёздного идола будут казнить вместо Красного Корня, который, словно сказочный Эква-пыгрись, опять ускользнул от друзей Железной Шапки.

Красного Корня будут казнить старики за то, что посмел он одним из первых манси вступить на путь духа Революцы, за то, что на законного русского царя руку поднял, за то, что вместе с крас-

ными партизанами ходил. А ведь отец Савы тоже ходил с партизанами и был убит белыми за то, что у богатых оленеводов отбирал оленей, за то, что людей в колхоз скликал. Пусть самого Красного Корня и нет тут, но казнь его идола, казнь его души и имени равнозначна казни его тела. Лишь имяечно. Казнённому имени – вечное проклятие. Идол Красного Корня, привязанный к лиственнице, стоял рядом с Советом. Стальное лезвие ножа Осьмар Васьки сверкало нетерпением, он жаждал снять скорее звёздную голову Красного Корня.

Рядом был привязан идол русского Учителя, дух имени которого тоже собирались казнить на большом священном камлании.

Так и поступили. Сначала казнили Совета, повторяя все его имя тысячи раз, выкликая его поросомашьи, по-волчьи, по-собачьи, по-птичьи...

Злоупотребляли этим именем, чтоб пахло оно дурно, чтобы не имело успеха в любом деле, в малом и большом.

Произносили слово «Совет» по-всякому, чтобы вытряхнуть из этого имени душу, превратив его в пустой и звонкий звук...

Потом судили идолов Красного Корня и Учителя. Казнили их по всем правилам, по полному ритуалу.

Наконец настала очередь казни Журавля.

Осьмар Васька сидит, нож точит. Нож большой, лезвие сияет. Долго ли, коротко ли точил,

наконец, кончил. Веточку на лезвие положит – веточка пополам перерезается. Сук на лезвие положит – сук перерезается. Так остро отточил.

С ужасом смотрел Сава на нож Осьмар Васьки. Осьмар Васька не любит шутить, зря слова не скажет. Он вчера ещё грозился. Грозился не только снять шкуру с головы, но и отрезать язык Журавлю. Говорил, будто на языке Журавля сидит дух слова, дух красноречия. Дух слова до того могуч, что можно от его магии и колдовских действий сразу умереть. Дух слова крылат. Вслед за красноречивой песней человек может подняться в воздух и лететь, как птица. Всем известно слово-божество, божество правдивое, обитающее в верхнем мире. Но божество может быть и лживым, обитающим в нижнем мире, мире злых духов Куля.

Все видят, как Журавль сияющими глазами смотрит на людей, внимательно слушает их, собирая слова в чрево многострунного, многоголосого своего инструмента. А потом он раздает слова людям обратно, как священные амулеты. И люди, зачарованные его колдовской песней перерождаются, становятся на путь Красного духа – Революцы.

«Самый опасный враг наш – Юван Няркусь, Журавль», – говорил ещё вчера князь. Сегодня глаза Железной Шапки горели жадной крови...

Якса сидел у огня с опущенной головой. У них с Журавлем отношения особые.

Журавль был ещё совсем небольшим мальчиком, когда на него обратил свой прозорливый глаз Якса. И с тех пор устраивал ли он камлание, шёл ли просто на охоту и рыбалку, Якса всегда приглашал мальчика с собой, просил быть помощником в больших и малых делах.

Журавль был и на самом деле необычным мальчиком. Стоило ему только сесть в лодку или стать на лыжи, как он уже изменялся, словно парил над землёй, становился весёлым, ликующим. Плывёт ли, идёт ли — он всегда поёт. Он поёт о том, что видят его глаза, слышат уши, что успело нахлынуть на его чуткую душу, что вызвало восторг: он играет словом...

Журавль пел о родной реке, о её широких разливах, о волшебной тишине таинственного леса, о синеющих вдали горах, о лебеде, плывущем по небу на крыльях белых облаков, о чарующей лебединой песне, похожей на песню многострунного журавля. Не зря мальчика так и прозвали — Журавль. О спящем лесном озере выводил он печальную мелодию, о луне, о звёздах, о высоком небе находил слова; он воспевал себя, отца своего и мать и всех окружающих милых его сердцу людей. Не забывал даже про своего лучшего друга, остроухую лайку, уронить вещие звуки; о зверье и рыбах он пел величаво, как о всем живом, таинственном и вечном.

Но когда рядом вдруг оказывались священная роща, дерево, гора или река: берущая начало со священного урочища, тогда он умолкал, хмурился, становясь сосредоточенным.

Он шёл в таком месте особенно тихо, стараясь не нарушать покой, гармонию леса, как человек, уважающий тишину и покой других. Он не говорил высоких слов, но глаза его, казалось, говорили об увиденном, о чём-то своем, сокровенном.

Боялся ли он лесных богов? Наверно. Как и все манси, он жил в страхе перед богами, но был убеждён, что если ничего не нарушаешь, живёшь в ладу с природой и её законами, тогда природа может быть добрым помощником, а не врагом.

Зоркий глаз Яксы давно заметил в подрастающем не по дням, а по часам юноше ещё одну черту: необыкновенную способность проникать в суть вещей. Правда, это чувство присуще многим таёжным охотникам, которые месяцами в одиночестве промышляют в глухой дикой тайге, общаясь с родственниками и близкими людьми лишь в мечтах. Но у Журавля способность предчувствия была острее обычного.

Однажды он прибежал к Яксе возбужденный.

– Что с тобой? – спросил старик, ставший к тому времени Журавлю не то дедушкой, не то учителем – вернее, старшим другом.

– Как будто ничего, – ответил Журавль.

– Что же у тебя так лицо пылает?

– Скорее! В тайгу! Там – лось! – отрывисто заговорил Журавль. В глазах у него загорелся охотничий азарт. И весь он будто горел от нетерпения, даже стоять спокойно не мог.

– Ты что, видел его или след нашёл?

– Да нет.

– Камлал?

– Нет.

– Так кто же тебе сказал про лося?

– Разве ты не чувствуешь, что он там? – показывая в сторону болота, которое начиналось недалеко за кромкой леса, тихо сказал Журавль, удивляясь, что Великий шаман не предчувствует добычу. Теперь лось спасёт людей от голода. Рыба ещё не ловится, все припасы съедены... и звери куда-то ушли...

– Зажмурь глаза и слушай! – почти приказал юноша.

Журавль был худ. Впалые глаза его горели шальным огнём. Голодная весна делала своё дело. Юноша был крайне истощен. Якса закрыл глаза и притворился, что слушает.

– Слышишь, чувствуешь, где лось? – допытывался Журавль.

– Нет, – честно признался Якса.

– А я слышу!

– Да где ты слышишь?

– Да тут, в сердце! – всплеснув руками, воскликнул Журавль. – Пойдём. Возьмём ружьё. Я чую! Лось там!...

Когда они вдвоем вышли из чащи к болоту, то действительно увидели лося. Лось стоял у мыска, вдававшегося в белое безмолвие болота, и, высоко вскинув голову, тянулся к голой ветке осины.

Была гололедица. Весенняя гололедица – удобное время для охоты. Охотнику достаточно напасть на свежий след дикого оленя или лося – и они уже не уйдут. Лось не может долго бежать по обледеневшему, провалившемуся снегу. Тяжело бежать, когда снег глубок, больно ногам: твёрдая кора наледи режет в кровь ноги. А если лось ещё увидел на себе следы крови, он в оцепенении совсем останавливается, тогда его можно бить в упор.

Не стоило большого труда в тот день пристрелить лося. Ликовала вся деревня. Голод на несколько дней отступил... Но Якса был до крайности удивлен прозорливостью своего ученика.

«Он душой слышит, – подумал старик, – предчувствует».

Якса немало был наслышан про некоторых манси, которые так сумели воспитать в себе охотничий инстинкт – чувство встречи со зверем, что даже могли сказать наперед, какого зверя убьют, кого увидят, какая неожиданность охотника ждет на пути.

Предчувствовал многое сам Якса. Но шаману казалось, что тут помогает гадание, общение с духами. Подталкиваемый предчувствием, Якса брал нож или топор. Устанавливал нож на острие топора таким образом, что нож приходил в равновесие, и, судя по тому, в какую сторону поворачивался его кончик, Якса решал, куда нужно идти на охоту.

– Лишь шаманам всё открыто, – любил повторять Якса, – лишь шаманы всё видят, предчувствуют, беседуют с богами. Боги помогают им переносить даже тяжёлые вещи через громадные расстояния. Но разве ты, Журавль, шаман?.. – так он обращался к юноше, подзадоривая его, обостряя восприятие юноши и тем самым готовя его в свои преемники. Шаман немало достиг: научил Ювана игре на многострунном журавле, пел мальчику ночами длинные былины про богатырские давние дела таёжного народа.

Якса видел в Журавле талантливого ученика, будущего большого шамана. Но разразилась революция. Могучие события революции разделили ученика и учителя: по-разному побежали ручьи их дорог.

Однажды, когда уже затихала гражданская война, приехал из района представитель Советской власти. Он прививал молодёжь учиться. В районном центре открылись рыбацкие курсы. На этих курсах готовили специалистов по рыбному делу – башлыков. Как связать невод, в какой

местности хорошо ловится рыба, время промысла – всё должен был знать башлык. В этом ничего дурного не увидел Якса для молодого шамана. Ведь шаман всё должен уметь. И потому Якса не воспротивился его желанию. К тому же ученик уезжал в райцентр всего на два месяца.

Юван Няркусь успешно окончил курсы, получил удостоверение помощника башлыка. В то же время при райкоме комсомола была организована рыболовецкая бригада. Вместо поездки домой Ювану Няркусю предложили быть помощником башлыка в комсомольской бригаде. Всё лето прорыбачили. Агитировали Журавля вступить в комсомол. Но он не согласился. Когда же закончился рыболовный сезон, были организованы двухгодичные курсы начального образования. Он снова остался учиться.

А ещё через два года из Ленинграда приехал учёный набирать молодёжь в Институт Народов Севера. Среди северян было мало грамотных. А Юван Няркусь уже умел читать и писать.

Райком партии предложил ему ехать учиться. Много хороших слов говорил учёный про Ленинград... Для Журавля районный центр Берёзов – и тот казался большим городом. А о Ленинграде он слушал, как о сказочном каменном чуме. Журавль загорелся, поехал. И вот после нескольких лет учёбы в городе Октябрьской революции возвра-

тился в тайгу, в родной паул. Теперь Журавль был совсем другим...

Старому Яксе он стал непонятен. Старик сидел у костра с опущенной головой и думал. А игрище скальпирования продолжалось... К связанному Журавлю подошёл князь. Он был одет по-богатырски: и железный шлем, и панцирь, и копьё в руках...

— Если руки твои сильные, если ноги такие крепкие, почему стоишь связанным? — начал князь, сверля ненавидящим взглядом Журавля. — Если ты крылатый, многоголосый Журавль, если вправду ты чародей слова, почему не можешь улететь, как шаман? Где твои крылья?

— Посмотрим, как ты будешь петь — камлать свои красные песни, когда снимем кожу с твоей косматой башки, — процедил сквозь зубы Осьмар Васька.

— Приготовиться к скальпированию! — скомандовал своим людям Железная Шапка.

Сверкнуло лезвие ножа в руках Осьмар Васьки.

— Слушайте меня! — крикнул тогда Якса, выходя с бубном на круг. Над головами людей будто лопнуло небо. Зазвенела тайга колокольчиками, жестянками, побрякушками дрожащего бубна. Люди вытянули шеи.

Солнце уже скатилось за зубчатые вершины елей. Последние лучи его играли на кровавом снегу. А красные от зари кедры, кажется, о чём-то тихо шептались...

– Ладно! – сказал тихо Якса. – Может, Журавль и достоин наказания. Но вы хотите судить Журавля, не выслушав его. Вы раскричались, как дети в глупой ссоре. И хотите карать смертью!.. Смерть вас всех караулит...

И, подойдя к Осьмар Ваське, который размахивал ножом, Якса продолжал нараспев:

Остановись, ничтожный человек!

Ты, имеющий бездушные ножны

И всегда жадный до крови нож!

Потом Якса обратился к людям:

– Если у вас не померк ещё разум, – остановите его. О, Осьмар Васька, день и ночь державший во рту кусок жирного мяса, с руками всегда окровавленными, зачем ты поднял руку на молодого Журавля? Снять голову легко – смысл жизни понять труднее. В мире что-то происходит. Опустите ножи.

К счастью, всё кончилось миром.

Как и договорились перед началом схватки, арестованных развязали. Не успел догореть смолистый костёр, со священной поляны одна за другой тронулись олени нарты.

Сидя на ветке кедра, Сава заметил, что друзья Красного Корня поехали в одну сторону, а сторонники Железной Шапки – в другую. Не спускал Сава глаз с отжима.

Оглянувшись вокруг, прокричав что-то похожее на зов, отчим взял в руки хорей и, гикнув на

своих оленей, помчался по дороге, по которой двинулся многочисленный аргиш Железной Шапки.

Сава слез с кедра. Кругом было пусто. На священной поляне стояли одни деревянные идолы. В сумраке наступающей ночи они, казалось, угрожающе смотрели на одинокого мальчика. Саве стало страшно. И он побежал.

Сава бежал в сторону, куда уехал отчим. Отчим пас стадо Железной Шапки. В главном стане Железной Шапки была и мама Савы, Сава очень хотел увидеть маму. И потому побежал по дороге, куда направился большой аргиш Железной Шапки. Недолго бежал Сава. Ноги стали подкашиваться.

«Им на оленях лучше!» – подумал Сава.

С каждым мгновением снег тяжелел. Тайга темнела. Подул жгучий ветер. Надвигалась пурга. Идти дальше было бесполезно и опасно. Возле корня упавшего дерева Сава заметил огромный сугроб. В сугробе он устроил «куропачий чум» и решил залечь в нём, словно медведь в берлоге.

Тёмный лес зашумел, закачался, как пьяный. Тонкий свист, как от полета стрел, всё рос и рос. Было непонятно, откуда он исходит. Нити звуков переплетались, некоторые вдруг исчезали, уходили с замирающей жалобой, новые рождались, сливаясь в упругие и стойкие мелодии. Саве казалось, что это заплясали, засвистели духи зла и холода.

Единственное спасение от злых духов – чистый снег «куропачьего чума». Дрожа от страха, Сава забрался в своё убежище...

Пурга всё усиливалась, и скоро её завывание слилось в протяжный рев. Как ни старательно сделал он свой «куропачий чум», холод проникал в него. Сава знал: долго здесь не вылежишь. И всё же малица спасала. Малица – словно чум, длинный балахон из оленьего меха. Вместо шапки – капюшон, пришитый к малице. Малица длинная, висит на плечах почти до земли. Морозу сразу не войти под неё, когда идёшь, и когда лежишь – ноги закрыты. Рукава тоже сделаны так, что под мышками образуются мешки, где скапливается тепло. У подмышек рукава широкие, а у кистей – узкие, еле рука пролезет. И морозу не пролезть. Сава спал в снегу, втянув руки внутрь малицы и держа их на груди. Сначала было тепло-тепло, как в тёплом жилище. Сава лежал терпеливо, дремал, снова просыпался. Неизвестно сколько времени длилась пурга. Может сутки, может, двое – двигаться дальше было нельзя.

Сначала духи мороза свистели только за стенками «куропачьего чума». Постепенно они стали проникать и под малицу. Потом они защекотали пальцы ног и рук. Пальцы рук Сава записал под язык, чтобы отогреть. От этого ещё сильнее ныли пальцы ног. Его жёсткие, как у собаки, ресницы

стали влажными. Сава знал, что в тайге часто находят мёртвых, замученных духами холода людей.

Сава лежал, слушал свист злых духов, думал. Никогда ему не приходило в голову столько мрачных мыслей. Вспомнил про дедушку, который утонул во время осенней рыбалки и превратился в лёд. Потом вспомнил дядю, который ушёл на охоту и не вернулся. Он представил, как дядя лежит на промёрзлой земле, грызёт снег, оглядывается, словно кого-то зовёт на помощь... Но духи холода не дают услышать людям его зов... И дядя так и замёрз, улыбаясь заледеневшими губами.

Потом проплыли мимо старик Сас, Журавль, певший новые слова под мелодию старого многострунного инструмента. Осьмар Васька с ножом в руках, грозный взгляд Железной Шапки, крики отчима на него, на Саву, когда он развязал Учителя и помог ему бежать. Отчим тогда ударил Саву хореєм. Было больно. Но не от этого удара, а от ругани отчима было больно.

— Голова твоя глупая! Снять бы надо твою дурацкую голову! — кричал он.

Все это показалось Саве таким обидным, несправедливым, что он даже застонал во сне.

Потом он вспомнил маму. Её синие, чуть раскосые глаза. Руки тёплые, ласковые. Улыбку. Мама жила будто в сказке. Редко видел её Сава. Особенно в последнее время.

Сава не знал ещё истинную тому причину. Отчим пас оленей Железной Шапки. Железная Шапка, бывший князь и владыка, скрывал своё стадо в тайге, у предгорий Урала. Он, как вор, бегал от Советской власти. А отчим, как верная собака, прислуживал ему. Мама была с ним. «Почему она с отчимом, а не со мной, с Савой?» – думал в полудрёме мальчик и опять застонал. В этот миг он и проснулся.

И только тогда он почувствовал, что вокруг темно и холодно. Открыв глаза, он увидел мрак и закричал. По всему телу началась крупная дрожь, предвестник замерзания. То ли от своего крика, то ли от страха, что от него уходит жизнь, к нему прихлынули силы.

– Сгиньте, злые духи! – крикнул из «куропачьего чума», как из берлоги.

Ощупав лицо, потеряв снегом щёки, помахав руками, он попрыгал на месте. Дрожь стала утихать. Блаженно раскачиваясь, воздавая должное добрым силам жизни, он удивленно смотрел вокруг.

Пурга утихла. Безмолвно стоял лес. На небе звёзды и луна. Казалось, звёзды слегка позванивали от мороза. От луны в оранжевом круге лес казался дымчатым, призрачным. Снег, местами занесший дорогу, загадочно мерцал. Этот мерцающий свет не пугал Саву, а наоборот, он словно звал вперед. И Сава пошёл. Он несколько раз ос-

тупался с дороги в сугроб. Но скоро ноги стали чутко ощущать под рыхлым свежим снегом протоптанную дорогу, по которой прошло множество оленей. Мальчик шёл долго. Оленья дорога то вилась по дремучей тайге, то пересекала таёжные речки, то шла по открытому простору болот с карликовыми сосенками. Особенно тяжело было идти по болоту. Здесь путь часто преграждали снежные заносы. Но Сава шёл, шёл, шёл. Укатанный ветром снег светился лунным пламенем. Порою звезду, горевшую на горизонте, он принимал за тёплый огонь жилья. Ему хотелось дойти до очага, до человеческого тепла. И он шёл, шёл, шёл... Ему стало жарко.

Тяжело поднимал ноги — они казались деревянными. В ушах гудело и звенело. Сава ещё никогда не испытывал такой усталости. Он теперь мог думать только об одном: как бы не упасть, как бы идти дальше. Мгновения казались ему вечностью... И Сава шёл, шёл, шёл.

Вдруг безмолвный зеленоватый простор огласился собачьим лаем. И сквозь призрачный, дымчатый свет лунной ночи Сава увидел чум. Собачий лай повторился. И Сава тут же упал, потеряв сознание...

Очнувшись, мальчик увидел над собой собачью морду. Глаза собаки, глядя на него, удивленно мигали. Но мигали не оба сразу, а поочередно. Нос ее через равные промежутки времени уходил

то вправо, то влево, а иссечённые и порванные губы трепетали и вздрагивали. Вся собачья морда передёргивалась. Несмотря на свой странный вид, собака глядела на Саву своими мигающими глазами дружелюбно. Увидев, что Сава открыл глаза, она наклонилась к нему и лизнула красным слюнявым языком по лицу. Ещё будучи без сознания, Сава ощущал что-то подобное. И теперь понял, что его привела в чувство странного вида собака. Сава, как и любой манси, любил собак. Собака для манси друг и товарищ. Она не только помогает выслеживать зверя и предупреждает человека об опасности, но и часто приходит на помощь в трудную минуту.

Увидев, что Сава упал, не дойдя до чума, она побежала к нему навстречу, стала лизать его лицо, будить, звала на помощь. И вот наконец мальчик пришёл в себя. Над собою он увидел светлое, дневное небо.

Оно казалось глубоким, холодным, как снег, на котором Сава пролежал неизвестно сколько.

Над краем поляны качались вершины деревьев. Ветерок чуть-чуть пошевеливал заснеженные ветки елей...

Придя окончательно в себя и оглядевшись вокруг, Сава издали увидел стойбище. Не чуя ног, он побежал к человеческому жилью.

*В тех очах зелёных в полдень,
Как тайга в своем наряде,
Отражалась радость жизни,
Радость светлого рожденья.
В тех очах багрово-красных
В час, как солнце заходило
И ночная тьма спускалась,
Были видны смерть и горе,
Блеск кровавого заката
Дня, ушедшего навеки.*

Пришёл в себя Сава снова от голоса матери:

– Ой, миленькая, неужели ты шаманка? Так я хочу, чтобы мой сын был жив! Оленеводом не успел побыть, за соболями не походил, крылатым человеком не стал.

Открыв глаза, Сава увидел: перед ним сама дохтур Ия. Та, которая еще в школе его осматривала. Она была в таком же белом халате, и белая шапочка та же.

– Вылечим твоего сына, и старика Яксу вылечим! Советская медицина сильнее шаманов!.. – отвечала доктор Ия, видно продолжая давно начатую беседу. – Да вот и сын твой проснулся! – глядя на Саву большими серыми глазами, воскликнула доктор Ия. – Я же говорила, что Сава – мальчик сильный!..

Синеватые глаза мамы на мгновение заискрились солнечными бликами, но тут же они стали

задумчиво-серьёзными, и в них блеснули слёзы. Потянувшись к сыну, она замерла над ним. Розовые губы её вздрагивали... Она будто боялась чего-то.

— А духи... Не спугнуть бы добрых... — прошептала она, глядя тревожными глазами то на сына, то на доктора Ию...

Сава смотрел на маму. Узнавал и не узнавал ее. Она была одета в широкое мансийское платье, расшитое ярким орнаментом самых причудливых форм. Она была одета празднично. Но на лице её — печаль.

— Вылечим твоего старшего, и младшую тоже! — кивая в угол, с улыбкой сказала Ия.

В углу запищал малыш. Мама, как белая куропатка, взмахнула руками и полетела в угол. Мгновение — и на её коленях оказалась берестяная люлька с малышом. Она раскрыла полную грудь, притянула к груди маленькое живое существо, завёрнутое в шкуры. И синие глаза и веснушчатое лицо вновь засияли.

Посреди чума весело горел огонь. У огня играла с собакой девочка. Красный, скользкий язык собаки то лизнёт девочку в руку, а то в носик. Девочка задорно смеётся.

— Сестрёнка! — удивился Сава, радуясь встрече с родными. Но больше всего удивило Саву то, что на другой стороне чума лежал старик Якса. И док-

тор Ия, наклонившись над ним, что-то ему говорила, а Якса смотрел на неё тёплыми глазами.

Саве стало тепло-тепло, как в давние дни, когда был совсем маленьким. И сквозь сказочный сон он слышал возню в чуме, кто-то что-то делал, убирал, мыл. До его слуха доносились обрывки оживлённого разговора двух женщин.

— Ты такая симпатичная, хорошая... и как ты выносишь всё это?! Чум, холод, неуют... — говорила доктор Ия. — В такой обстановке не может прийти мысль вымыть руки, не говоря уже о голове, теле. Да, в такой обстановке люди не могут быть здоровыми. Не случайны болезни, эпидемии...

— А главное, в чуме никогда не бывает солнца. А я люблю солнце... Я родилась в деревне, в деревянном мансийском доме...

— А как ты оказалась здесь?

— О, это долгая сказка...

— Расскажи, пожалуйста...

— Жила я в деревне. Дом был у нас, а не чум дырявый. В углу горел чувал, а не этот дымный костёр. Окно было в доме. Пусть оно было не стеклянное, а из льда сделанное. Но через него проходил свет... Давно я живу без света, с тех пор как погиб мой первый муж, отец Савы.

— Как? Он погиб?!

— Пришли красные в нашу деревню — он с ними пошёл... Хорошо, говорят, воевал, богатырём

слыл, красным партизаном называли... Потом убили его. – В голосе матери слышались слёзы. – В день, когда его убили, Сава родился. Давно это было. Десять лет назад. Когда большая драка кругом стояла... Гражданской войной называют это время... О, что тогда было!.. Первый мой муж за новую жизнь боролся... Говорил, что ясак-налог отменят, у бедных появятся олени, богатые не смогут притеснять никого, женщина будет иметь равные права с мужчиной... «Вот подожди, подожди, – говорил он при последней встрече, – управимся с теми, кто за старое стоит, станем новую власть устанавливать, а называться она будет – Советской...» – мама вздохнула. Помолчала. Потом вновь продолжала: – Теперь, слышу, власть-то новая и вправду называется Советской, да только новой той жизни в нашей тайге не вижу. Олени, чумы, да те же Железная Шапка и Осьмар Васька верховодят... Ой-ой-ой! Зачем мой красный партизан погиб!.. Зачем он меня обманул!.. Ой-ой-ой!

– Вот мы и пришли устанавливать Советскую власть в самой глухой тайге. Вот мы и исполняем мечту, за которую погиб твой красный партизан! – успокаивала маму доктор Ия.

Убаюканный тихими голосами женщин, Сава спокойно уснул.

*Поднимая тучи снега,
Лесом тёмным, молчаливым,
Словно ветер в непогоду,
Мчались быстрые олени.
Нарта прыгала в ухабах,
Как челнок в сердитых волнах,
Шест свистел, и звонко пели
Крепкорунные постромки...*

Стоял февраль. Февраль сердит, выюжен и холоден. Тундра курится. У таёжных холмов, у крутых берегов таёжных рек – сугробы. Навьются сугробы и обваливаются, сбегая вниз белыми шариками, оставляя следы-борозды.

Ходит по тундре ветер.

За каждым бугорком вьётся его белый хвост. Кажется, стая песцов мчится в одну сторону, неся стужу.

В такую погоду зайцы сливаются со снегом. Тетерева и рябчики не покидают своих снежных спален. Волки, наевшись до отвала олениной, украденной из стада, отходят от туши недалеко в таёжную чащу и тоже спят, забравшись в волчье логово...

Лишь лиса в такую погоду пытается охотиться. Но и у неё ничего не получается. Мыши глубоко под снегом: не так-то легко их учуять. Покопает-покопает нору, поищет-поищет следы – да и бросит. Потянет узким носом в сторону ветра, наберёт пол-

ные ноздри летучего снега, да и поплетётся в сторону густого ельника, в поисках тёплой спальни.

В такую погоду и люди сидят больше у огня. Новый огонь согревал в эту стужу людей мансийской тайги. Огонь Красного чума горел ярко.

Молва о его доброй работе, чудодейственной борьбе со злым духом заразы облетела все чумы. Во многих из них побывала доктор Ия.

Приехав в чум, где уже успела порезвиться оспа, оказав первую медицинскую помощь, она обычно сразу принималась за работу. Подбрасывала дрова в еле тлеющий костёр, кипятила воду. Затем, вооружившись ножом, выскребала и вымывала доски у очага, которые заменяли пол. Частенько сама мыла ребятишек. И на глазах ошарашенных женщин, завернув их в чистые простыни, укладывала спать. Натопив как следует чум, заставляла мыться и самих женщин.

У входа в чум обычно появлялись полотенце, тёплая вода, туалетное мыло.

Потом вместе шили платье, пили чай. Кочевницы разговаривали, с любопытством поглядывали на свою новую подругу.

Немного слов они знали по-русски. А Ия почти не говорила по-мансийски. Но женщины понимали друг друга, когда они делали одно дело: наводили в жилище уют и порядок, боролись со злым духом заразы – оспой. И чаще всего побеждали.

Доктора Ию называли шаман-девкой! Беседы с ней называли люди красными посиделками.

Соберутся, бывало, женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнёт шкуру лосиных лап, кто выводит узоры по меху для лёгких и изящных кисов, кто бисером обшивает платье, кто плетёт шерстяной поясok. Рукоделье у каждой своё, а беседа – общая. Зимний-то вечер длинный, слов много надо сказать. А в глухой тайге какие новости?

Вот и рады бывают женщины, когда шаман-девка появляется среди них.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом, оставшись наедине сами с собой, долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце, которое будто бы горит от обыкновенного железного провода.

– Вот Учитель учит моего сына в кочевой школе (к тому времени в Красном чуме организовали кочевую школу), – говорила моложавая мансийка. Она вязала спицами шерстяной чулок с причудливыми узорами. – Кем он будет? Оленеводом или охотником? Так зачем тогда учиться? Отец его и без грамоты хорошо пасёт оленей. А вчера ещё и соболя принёс.

– Ты была в культбазе? Видела, там пушнину принимает человек из вашего народа? Он не только умеет шкурки считать, но и разговаривать по

бумажке, торговать умеет, — отвечала доктор Ия. — Разве не надо вам своих приёмщиков пушнины или продавцов?

— Приёмщиком пушнины? Разве это лучше, чем охотником? Дома сидеть... Разве это хорошо? Отец вот месяцами в тайге пропадает.

— И даже купцами могут стать наши внуки? — спрашивала старая мансийка. — Купцы на ярмарке всегда весёлые, жирные. Никогда только я не видела мансийского купца. Неужели возможно такое счастье?

— Люди Севера сами должны и торговать, и строить дома, и добывать рыбу... А чтобы торговать самим, надо учиться разговаривать по бумажке, то есть читать. Это не детская игра. Нет! Просто человеку невозможно всё запомнить. Тут на помощь приходит бумага. На ней всё можно записать. И сколько дрови и пороху брал в долг охотник перед уходом на промысел, и сколько белок сдал.

— Верно! Верно! — соглашалась старуха. — Купец всегда в бумажку заглядывал. В бумажке долги находил. По бумажке богато жил. Наши внуки пусть учатся. Может, к ним тоже придёт счастье.

— И учителем может стать? — спрашивала ещё одна.

— Конечно же! И учителем, и врачом, и ученым! — говорила Ия.

— Учителем не надо! — о чём-то задумавшись, вступила в разговор молчавшая до этого мама Савы. — Больно уж хлопотное занятие. И дохтуром тоже. Мы по тебе видим. Да ещё шаман, греха не оберешься, злых духов назовёт — болеть будешь. Язык-то у него плохой. Ишь, говорит, что сам верхний дух спускается к нему с неба и пьёт с ним чай. Ты-то русская, бог у тебя другой. И шаманские слова для тебя нипочем. А если манси учителем или врачом будет? Нет, не надо!

Так говорили часами женщины-манси и русская девушка.

Много добрых вестей приходило с культбазы. Недавно туда за порохом и дробью ездил Сас. Поразительные вести привёз он. Будто только остановил он оленей, как его встретил сам начальник культбазы. И привёл его в дом для приезжих оленеводов и охотников. Гостиницей это называется. Там тепло и уютно. Угостили Саса чаем и другими вкусными кушаньями, затем сразу повели в читальный зал. Но старик не стал в нём задерживаться.

А вечером было кино.

Удивительная это штука. Обыкновенная белая ткань повешена на стене. Вдруг затрещала, защёлкала какая-то мудрёная машина, поставленная у другой стены. Загорелся, заискрился огонёк. И белое полотнище засияло, словно зажглось дневным светом.

А прямо по стене пошли люди.

Кругом дома, машины. Дома высокие, как горы... И даже олени мчались по белой стене. Сас говорил, было рванулся ловить их.

Да люди сказали, что это кино...

Удивительно, как это на белой как снег ткани вдруг появляется жизнь! И люди там ходят, разговаривают, кушают, а в магазинах – товару!.. О, это новое волшебство, небывалое в тайге волшебство! Даже шаман Якса так не может колдовать!..

А вечером Саса повели в купальный дом, который построили в культбазе. Баней это называется. Ох и жарко там! Берёзой пахнет! Будто в тёплом лете побывал старик Сас...

Рассказывал он и про новый магазин и про больницу. Любую болезнь, говорят, могут вылечить врачи... Много великих волшебников появилось...

– Наша дохтур Ия – шаман-девка, волшебница, – шептались женщины, расходясь по чумам. – Но она из добрых духов, белый шаман!..

Доктор Ия вылечила не только Яксу, но и многих из других стойбищ вернула она к жизни.

Когда шаман Якса стал поправляться, он с нескрываемым любопытством наблюдал за работой доктора Ии. Иногда просил кое-что из медицинских принадлежностей, подолгу вертел в руках градусник, шприц, особый интерес проявлял к лекарствам, которыми пользовалась доктор Ия.

— Ох, шаман-девка, ох, волшебница! — восклицал он, ласково глядя на доктора Ию.

*Вспомнил он, как мудрый старец,
Безызвестный заклинатель,
Наставлял его в дорогу:
Никогда не возвращаться
И не ведать страха смерти!
Также вспомнил он, как в детстве
Лазил в норы за стрижами...
Вспомнил, и ему на сердце
Стало веселей и легче...*

Якса подвинулся поближе к теплу, подбросил в очаг дров. Огонь осветил его похудевшее за время болезни лицо.

Собака, похожая на росомаху, греется, свернувшись калачиком, под боком у старика. Чу! Подняла голову, наострила уши. Нет, на улице ничего не слышно. И в чуме только двое: Якса да Журавль.

— Я много живу, — негромко начал Якса, глядя на своего воспитанника. — Кочевал я по Уралу, и на западных его склонах и на восточных — всюду бывал, где манси живут! И всюду бедность!

Якса глубоко вздохнул. Потрогал огонь палочкой. Искры полетели звёздочками, отражаясь в глазах его, которые казались теперь такими ясными, сосредоточенными.

– Говорить нам надо. Надо оставлять сердце открытым, как глаза. Пусть отражается в нём огонь, и думы, и желания.

Не сразу стал я шаманом. Был я обыкновенным мальчиком. С бабушкой жил, как Эква-пыгрись, наш сказочный герой. Всё началось со сказки, которую рассказала бабушка. Послушай и ты её.

Эква-пыгрись с бабушкой живут. Живут в домике на тундровой кочке, появившейся неизвестно откуда. Однажды зимой бабушка пошла по воду. Зачерпнула из проруби воды в берестяное ведёрко, хотела идти обратно, да вдруг увидела диво: вода в проруби вдруг закипела. Как в котле, кипит, пенится, расплескивается.

– Сколько живу, такого чуда не видывала, чтобы в проруби вода кипела. Это что же такое будет? – с удивлением говорит бабушка.

Не успела слова промолвить, как из проруби окунь выскочил, трепыхнулся, отряхнулся и человеком стал. Красивый такой, настоящий богатырь. Из-за пояса топорик вынул, от каждой своей голени по кусочку кости отколол. Из одного куса древко стрелы сделал, из другого наконечник вытесал. Вместе связал, получилась стрела. На берегу лесной речки громадный камень лежал. Натянув богатырский лук, он выпустил стрелу в камень был насквозь пронзён. И говорит богатырь бабушке:

– Придёшь домой, Эква-пыгрисю скажи: в колдовстве и волшебстве если со мной сравняется, то пусть по моим следам идёт, в тот край, где правду найти сможет. Если же в колдовстве и волшебстве со мной не сравняется, то пусть не ходит никуда.

Пришла домой, поставила берестяное ведёрко на пол, вода в нём, как в котле, кипит, пенится, расплескивается.

– Бабушка, ты по воду ходила, что же ты видела? Какое слово мне принесла? – спрашивает Эква-пыгрись, озорно поблескивая глазами.

– Дорогой мой, какое же я тебе слово принесу? По воду ходя, разве что услышишь?

Вода в ведёрке пуще прежнего кипит, пенится, плещется.

– Хоть ты и говоришь – ничего не видела, никакого слова мне не принесла, и всё же что-то там случилось! – не унимается Эква-пыгрись, подступая к бабушке.

– Есть для тебя слово, внук мой, – говорит бабушка. – Из проруби выскочил окунь, на моих глазах превратился в богатыря. Сделал стрелу, выстрелил. Стрела пронзила камень насквозь. Потом мне сказал так: «Если у Эква-пыгрися в волшебстве и колдовстве со мною сравняться сил хватит, – по моим следам правду искать пусть идёт. А если силы не хватит, – пусть не ходит».

И пошёл Эква-пыгрись искать правду по земле, колдуя и священнодействуя, меряясь со встречными силой рук и слова.

Слушал я эту сказку, – проговорил с лёгким вздохом шаман Якса, – и мне захотелось быть Эква-пыгрисем. Так же, как у него, у меня была лишь одна бабушка. Ни отца, ни мать не помню. Не знаю, откуда я. И решил я по Земле идти, искать правду-счастье.

– Не ходи, сынок, ты ещё маленький. Да и в мире много злых духов.

– Пойду, пойду! – твержу я.

Бабушка видит, что я не отступлюсь, – согласилась:

– Ну, коли так хочешь, иди.

Снарядила меня, вкусной муксуновой юколы дала, луком и стрелами вооружила. А ещё дала лапку гагары, нож, многострунную арфу – журавль.

– Журавль и лапка гагары – от твоего дедушки, он был шаманом. Нож – от отца-охотника тебе в наследство. Попадешь в беду, – вспомни о них, – сказала на прощание бабушка. И ещё молвила: – По той дороге, что за домом лежит, не ходи. Там люди живут. Среди них много хитрых.

– Ладно, не пойду.

– По этой дороге иди, что у двери начинается. Она в лес ведёт. В лесу – звери, птицы, духи. Духов много, как деревьев. Если не будешь нарушать

законы леса, воды, Торума, неба, – с духами найдёшь общий язык, счастлив будешь.

Я простился с бабушкой, по указанной ею дороге пошёл. Бабушка стоит у двери, смотрит, как я иду, настоящим охотником с собакой, и радуется и плачет...

А я немного отошёл, да и повернул по дороге, которая к людям вела. Шёл, шёл я, да и пришёл в Берёзов, в русский город.

По дороге я охотился, поймал соболя, белок настрелял. Думаю: пойду к купцу, продам товар – и снова в лес, к бабушке.

Обрадовался купец, что принёс соболя, угостил меня.

– Чей ты будешь? – ласково спрашивает он.

– С лесной речки, – говорю я, – где бабушка одна живёт.

– А, вот ты и попался мне! – восклицает он. – Я давно жду, когда ты подрастёшь да долг уплатишь. Ещё отец твой должен был мне двадцать пять рублей. Иди, отработай...

Но какой из меня, маленького, был работник? Таскал воду в дом купца, колол дрова, убирал навоз из хлева.

А в любую свободную минуту я пел, играя на своём журавле.

За работу купец ругал меня, к игре моей на журавле прислушивался. Любил показывать меня гостям.

– Дикарь, язычник! А ведь как чудно играет и поёт! – восклицали гости. Все с любопытством осматривали меня, ощупывали, выкрикивали: – А ведь вроде на человека похож! – потом они смеялись, галдели хором.

Проезжал как-то через Берёзов главный поп Сибири, архиерей Тобольский. Звали его ещё то миссионером, то пастырем. Прослышал он обо мне, о поющем «язычнике» и идолопоклоннике. Послушал мою игру, заговорил со мной. За серебряный рубль выкупил меня у купца и повёз в большой город Тобольск. Видел я раньше воду, лес, небо. А в городе перед моими глазами будто каменный лес вырос. Каменные дома окружены каменной стеной. Кремлём это называется. А ещё крепостью. Над каменными домами – сияющие золотом шапки, острые, как шлемы. Вечерами эти шлемы звенят, как летящая оленья упряжка с колокольцами. Русский бог – Христос – любит колокольный звон и шум. А внутри этих священных домов, называемых церковью, сумрачно и тихо.

– Вот твоя обитель, вот твои братья-монахи, – сказал архиерей, привезя меня в священный дом, называемый ещё миссионерской школой, – забудь своих идолов, стань христианином.

И сделали меня учеником миссионерской школы. Утром и вечером заставляли меня креститься и шептать русские «божьи слова», смысл которых я не знал. Не хотел я это делать, не понимая ничего.

Монахи жаловались на меня старшему брату-миссионеру. Сажали меня в тёмную каменную берлогу, называемую карцером, секли, били. Но я всё равно молчал, не хотел молиться кресту... Когда выпускали меня, я молился лишь солнцу да деревьям, которые стояли в саду монастыря. А ещё я разговаривал с жалкой, маленькой дворовой собачкой. Я давал ей хлеба, она меня слушала. А ещё был хороший русский мальчик. Он тоже был со мной ласков. Я рассказывал им о тайге, о большой воде, о воле:

– Много зверя в лесу. Птицы много. Хорошо ходить за ними по следу. Убежим, собака, отсюда в большой лес, где все друг друга понимают...

И однажды ночью, забрав собаку, я перелез через каменную стену монастырской школы, вышел к реке. У реки стояла лодка. Сел в неё и поплыл по течению. Знал: рано или поздно река приведет меня к родным берегам. Так и вышло. Через много дней и белых ночей приплыл я в Берёзов. А оттуда – к бабушке поплыл. А её уже нет в живых. Одна сторона нашего домика отвалилась. И пошёл я тогда, как Эква-пыгрись, по земле, где манси живут. И увидел всюду нищету и слёзы. И купцы кругом снуют, забирают от манси рыбу, пушнину. Попы церкви стали строить. Ясак-налоги собирают. Сумрак упал на мою душу. В груди закипели горячие ключи ненависти к этим жестоким людям.

Старый охотник, который приютил меня, видя мою печаль, сказал однажды:

– Ты бы ушёл отсюда, Якса. На севере, где большой лес кончается, есть свободная земля, куда не пришли ещё купцы, попы, сборщики ясака. Говорят, в той стороне много нашего северного народа живёт. В тундре на оленях летают, хорошо живут. Душа у них верна Торуму, солнцу, большой воде и рыбе. Молодой ты, здоровый, за зверем ходить можешь, оленей пасти научишься, жить будешь в лад своим желаниям, счастье испытасешь. А здесь худо. Я вот дряхлый уже, а то ушёл бы с тобой. Уходи, сынок!

Запала эта мысль мне в душу. Захотелось, как сказал старик, в счастливую страну, где люди вольно дышат, храня в душе добрые заветы предков, живя в лад с духами и всей природой. Собака моя, привязавшаяся ко мне, опять побежала по моим следам.

Шел я туда с желанием хорошо работать, честно жить. За спиной у меня был тугой лук старика да колчан со стрелами, нож отца да многострунный мой журавль, с которым я не расставался, какие бы тучи надо мною ни кружили.

Долго шёл. Много холодных дней и ночей. Да разве холод и снег помеха идущему?

Однажды встретил аргиш ненцев, кочующих в сторону южную.

– Куда путь твой лежит, друг? – спросил старый ненец, каюр первой упряжки.

– Я ищу свободную счастливую землю, где нет торговых людей, начальников всяких, где не убивают, не разоряют и не заставляют молиться другим богам, друг, – ответил я.

– А разве в тайге, где большие деревья, плохо живут? – с тревогой спросил каюр-ненец, жадно заглядывая мне в глаза.

– Худо. Правды нет. Шкурки зверей берут за водку. Имена предков заставляют забывать и называть себя по-новому.

– И у нас то же самое. А на священном мысу, там, где великая Обь в море превращается, город поставили. Тундра голая. Вот мы и подались на юг, в леса. Думали среди деревьев запрятаться от людей, несущих позор, болезни.

– Где же тогда правда?

И наступила тишина. Молчал снег, молчали карликовые деревца, молчало небо, медное от мороза...

Долго молча стояли мы, искатели украденной свободы и правды.

– Где правда и счастье, знает только Великий волшебник Севера, который живёт под самой Полярной звездой; там земля в ледяное море превращается... Далеко это. Тебе не дойти до него! – сказал старик, тронул оленей хореем, и те побежали рысцой в обратную сторону.

Не мог я повернуть назад. Помнил завет: «Если у Эква-пыгрися в волшебстве и колдовстве сравняться с Высшим духом сил хватит, – правду искать пусть идёт...»

Хотел я померяться силами в волшебстве и колдовстве с этим Великим волшебником Севера.

Долго ли, коротко ли шёл, наконец, добрался и до ледяной земли под Полярной звездой, – где жил Великий волшебник белой тишины. Только я успел рассказать про странствия, про сомнения свои и мечту о поисках правды и счастья, как тут же потерял память. Заболел. Сначала лихорадило. Потом будто горел в огне. Мне казалось, что я куда-то качусь колесом, то в одну сторону, то в другую перекатываюсь.

Затем, помню, стою под самой Полярной звездой. Рядом – лиственница, на её ветвях – гнезда на разной высоте. Самые великие шаманы воспитываются на верхушке дерева, средние – на середине, а малые шаманы – у нижних ветвей.

У самого корня лиственницы стоит тот самый старик, Великий волшебник белой тишины. А тишина такая, будто всё помертвело. Лёд, снег кругом. А на небе звёзды. Снег и небо в звёздах. И ничего больше. Белая тишина.

В руках у старика пила. Вручает он мне один конец и говорит:

– Раз пришёл сюда, принимайся за работу. Будем прокладывать сквозь льды дорогу в верхний мир, в светлый Торум!

– Нет! Я шаманом не хочу быть! Охотник я...

– Ты что же, забыл священные слова: «Если в волшебстве и колдовстве сравняться сил хватит... По следам Эква-пыгрися правду, счастье искать иди...» Кажется, ты по его следам шёл... Чего же ты, придя под самую Полярную звезду, у самых подступов дороги к Торуму, захныкал, нос назад воротишь? А ну, бери пилу, да и за работу!..

Против моей воли, он вручил мне конец пилы и заставил работать. Мне кажется, мы пилили лёд, прокладывая дорогу к Северу... Пилили, пилили – вижу берестяное ведёрко. Вода в нём кипит, пенится, расплескивается...

Чуть передохнув, мы снова пилим ледяной торос. Чем дальше на Север мы дорогу прокладываем, тем больше растёт берестяное ведёрко, тем больше кипит, пенится. Сначала оно превратилось в кипящее озеро. А потом не стало видно и берегов. Будто горящее море плещется. Золотые волны скачут, огненные молнии блещут...

– Видишь, какие сокровища таятся под Полярной звездой в царстве белой тишины? Если по следу Эква-пыгрися до конца сможешь пойти, – не то ещё увидишь!.. Хочешь, я тебя сделаю шаманом? Лишь шаманы могут ходить по следу Эква-пыгрися. Лишь они, да и то одним глазом, могут

любоваться этими сокровищами. А сокровища не только в серебре да золоте. Есть высшее сокровище – Сознание Торума, Космическое Сознание, Сознание Природы. А достанутся ли эти сокровища людям – всё зависит от тебя, человека, дерзнувшего идти по следу Эква-пыгрися, сына женщины и богатыря...

– Не хочу! – отвечаю я, горя как в огне, обливаясь потом. – Да и слова не совсем понятные.

Но мы, не останавливаясь, прорубаем дорогу. Пилили, пилили – и оказались на вершине какой-то безымянной скалы. На скале стоит лиственница. Священное дерево, великое дерево прозрения. На корявых ветвях её – гнезда.

На вершине великого дерева сидит птица, похожая на орла с железными перьями.

– Вот мать-зверь всех шаманов. Она появляется всего три раза. В первый раз её видят, когда человек желает стать шаманом, второй раз – когда он совершает самое свое великое камлание – прозрение, в третий раз она приходит, когда шаман умирает и передает свое волшебство другому. Ты видишь птицу? – спрашивает Великий волшебник белой тишины.

– Вижу, – отвечаю я.

– Значит, ты хочешь быть шаманом. А то бы не пошёл по следу Эква-пыгрися, – говорит Великий вещун белой тишины. В руках у него появился бу-

бен с узором солнца на одной стороне, с Полярной звездой – на другой стороне.

Ударил он лапкой священной гагары по бубну, загремела не только звонкая кожа бубна, сделанная из кожи молодого оленя, но и камлальный плащ, сшитый из лоскутков дорогих мехов, зазвенел всеми колокольчиками, звонкими амулетами, кольцами и медвежьими зубами, которыми был украшен. Вслед за колдуном я пошёл плясать.

Будто мы летели через снег и ветер, по земле и над Землей, мимо луны и звёзд высоких, по Вселенной мы летели.

Много чудного, таинственного, непонятного увидели мы на пути. Глаза мои смотрели, а душу мою мучили то добрые, то злые духи, которых Великий вещун белой тишины просил воспитывать меня, испытывая всем, чем полна жизнь... и будто в огне горел я, и леденел от холода... То искали мы съедобные травы и спасали людей от голода, то лечили больных детей и охотников, то философствовали, играя словами «Торум», «Космическое Сознание», «Сознание Природы», «Прозрение».

Пройдя эту нелёгкую дорогу, мы спустились на Землю, вернулись в чум, где я впервые увидел Великого волшебника белой тишины.

И слышу я голос старика:

– Пора, пора спускаться на грешную Землю. Долго мы с тобой летали. Ты всё вынес... Моло-

дец! В тебе я вижу сильного духом!.. А ты видишь меня?

Вижу, передо мной сидит обыкновенный старичок. Белые волосы, реденькие усики... В руках у него бубен и лапка гагары. И камлальный плащ на нём. Сидит он передо мной, смотрит своими узкими глазами пронзительным взглядом. А я лежу на оленьей шкуре... То лихорадит меня, бросает в дрожь, то я горю, как в огне, льёт из меня пот...

– В тебе я вижу человека, сильного духом! – сказал тихо старик, глядя мне в глаза. – Ты можешь быть шаманом. Только надо тебе совсем спуститься на Землю и исполнить три земных шаманских дела...

Иди опять по Земле. Но не так, как раньше: возмущаясь, ругая, проклиная несправедливость, творимую на Земле. Иди по Земле. Смотри. Слушай. Старайся понять голоса деревьев и трав, птиц и рыб, голос воды, Земли, Неба... Вспоминай, о чём я тебе говорил, о чём сам узнал. Отвечай на вопросы, которые тебе, путнику прозрения, зададут жаждущие знания и прозрения люди... Ты можешь быть и исцелителем людей и животных, когда на них найдет зараза, недуги и болезни. Можешь спасти их от голода, найдя съедобный корень.

И пошёл я по Земле. Однажды в одном чуме вижу: лежит женщина. Она лежала на шкуре, больная. У той женщины был вздут живот. После

камлания и священного питья вздутость пропала, и больная совершенно здоровой встала на ноги.

— Ты Великий шаман! — сказала благодарная женщина, отдавая в награду упряжку из трех белых оленей.

— Мне оленей не надо! — сказал я. — Мне довольно куска мяса да благодарного слова.

В другом месте я вылечил мальчика — мне в благодарность дарили шкурку соболя, а я попросил только белку.

В третьем месте пьяного мужика вернул к трезвости. И ничего не взял. Вернулся я к Великому вещуну белой тишины, рассказал ему обо всём.

И он сердито проговорил:

— В тебе я вижу сильного духом. Но ты не будешь Великим шаманом. Ты сам из бедных. Ты слишком добр и жалостлив. За камлания — нужна награда. И чем щедрей она, тем лучше. Шаман, как купец, должен мечтать о богатстве. Выше обладания богатством нет мечты на этой Земле.

И ужаснулась моя душа. Ведь я мечтал бороться с жадностью, с несправедливостью...

Но Великий вещун белой тишины все мои доводы разбил в пух и прах. И я долго ещё ходил по Земле, камлая, стараясь лечить и предсказывать

судьбу, и увидел своими глазами, как хотят люди богатства!

– Неужели ты, мой лучший ученик, моя надежда, увидел другое? – обратился Якса к Журавлю, который сидел и внимательно слушал тихую и спокойную исповедь своего старого учителя и друга.

– Увидел! – просто сказал Журавль, благодарно глядя на Якса за его искренний рассказ.

– Неужели твои друзья способны изменить дух жизни? – пытливо спросил Якса, вызывая ученика на такую же откровенность и искренность, какие он сам только что проявил.

– Мне трудно тебе, мой Учитель, всё рассказать словами. Ты сам мудрый... Смотри. Слушай. Мы хотим, чтобы люди овладевали Сознанием Торума, прозревали и становились добрыми друг к другу. Вникай в наши дела... И сам увидишь. Поверь мне, мы так нуждаемся в твоём мудром слове, которому верят наши люди...

В это время за чумом залаяли собаки. К стойбищу подъехала чья-то упряжка. Якса подбросил дров в очаг, поддерживав тем самым гаснущий огонь. Но сокровенная беседа погасла, сорванная приездом гостя...

*Кто приходит к дыму чума
Иль найдет костер потухший
в поле, в тундре иль у чума,
Будет гостем, – добрым словом,
Угощеньем и едою
Должен быть вначале встречен!
Если хочет, пусть расскажет
Кто, откуда и зачем он.
Если нет, никто не должен
Гостя спрашивать: откуда,
Чей ты будешь, незнакомец,
За каким идёшь ты делом!
А теперь добром ступайте,
Расскажите в ваших чумах,
Как под старость вы учились
Обхождению с гостями...*

Дохтур Ия, приходи на игрище, – несколько дней просила молодая женщина, приехавшая в Красный чум с дальнего становища. – Приноси с собой поющий ящик – патефон. Вместе попляшем. Искушим вину за то, что наши охотники пролили кровь «в лесу живущего».

Ия сначала ничего не поняла. Она не знала ещё, что медведя манси не называют по имени. Они обычно думают, что дух медведя услышит своё имя. И тогда говорящему не уйти от тяжелой когтистой лапы.

Ия приехала на званное игрище. Перед входом в игровой чум всех опрыскивали водой, снегом мыли. И когда везли из леса медведя, снег летал, люди летали, купаясь, барахтаясь в сугробах. А из лесу раздавались выстрелы. Раз, два, три, семь выстрелов... Выстрелы ближе, ближе... Это был таинственный знак, сигнал к встрече священной головы медведя... И вот едут охотники. Один весь обвешан шкурками белок, другой – лисицами, третий – соболями...

В этот праздник много смеху.

И шумит, шумит народ.

А над лесом даже эхо:

«Выходи, играй!» – поёт.

Вечером народ собрался в самом большом чуме. Люди рассаживались на шкурах, разостланных вокруг костра.

Ужаснулась вначале Ия, что её, русского врача, посадили рядом с этим стариком, которого называют страшным словом – шаман. Потом, увидев приветливые глаза людей, успокоилась. Кажется, её считают своей, ведь рядом с самым шаманом посадили! Видно, не пропали даром её борьба с оспой, беседы с женщинами на красных посиделках, а самое главное – успешная работа всех активистов Красного чума...

С удивлением смотрел Сава и на медвежью голову, и на шамана Яксу, и на доктора Ию, словно ожидая волшебства...

Но случилось непредвиденное.

Позже всех приехал на таёжный праздник старик Сас. Он молча сел на предоставленное ему почетное место. Раскурил трубку. Пуская дым, угрюмо глядел себе под ноги.

— Что случилось, старина? — спросил участливо кто-то.

Долго молчал старик Сас. Потом, подняв глаза к священной медвежьей голове, сказал тихо:

— У меня угнали оленей.

— Как? Кто? — слышались удивлённые голоса. Все знали, что у старика оленей по пальцам можно пересчитать.

— Злые духи, наверно! — съязвил с насмешкой кто-то.

— Незачем, кажется, старика наказывать, какой грех он мог сотворить? — А может, кто-то из людей угнал? — донесся чей-то голос с левой стороны чума.

Наступило долгое молчание. Ведь среди манси воров почти никогда не бывало. Их дома не знают замков. А о чумах и говорить нечего. У них и дверей-то нет: раздвинь шкуру — и ты в жилище. Даже в лесу никто чужого не тронет. Редко случается, чтобы кто-нибудь взял яйца из помеченного другим охотником гнезда птицы или вынул рыбу из чужой ловушки. Подобное происшествие считалось из ряда вон выходящим.

– Если бы духи или волки, то они угнали бы стадо в лес, – после некоторого молчания снова начал Сас. – А то следы вели в сторону большой оленьей дороги, по которой прошли олени другого стада... Хотя был большой снег... Но под еловой лапой всё равно следы видно.

– А священная голова на что? Разве она не может сказать, кто угнал оленей? – крикнул кто-то.

– Верно. Верно... Она должна знать! – поддакнули ему.

– Надо устроить обряд клятвы, – сказал твёрдо третий.

Якса взял в руки бубен и под удары колотушки начал камлание, обращаясь к священной голове непонятными, шаманскими словами. Пронзив всех по очереди пристальным взглядом, он велел положить перед священной головой топор и с острия ножа всем присутствующим подать по куску медвежатины.

Ударив жилистой лапкой гагары в бубен, Якса запел-заговорил в ритм звучанию бубна: «Съедая этот священный кусок, каждый из вас должен поклясться: говорить правду. Если солжёте – то куском этим жирным вам подавиться, ножом уколоться, топором размозжить голову, да и от тяжёлой когтистой лапы хозяина леса не уйти! Клянитесь же говорить истину!...»

– Клянёмся! – раздались голоса.

– Это Совет! Колхоз берёт оленей! Колхоз – вор!

Сава вздрогнул, услышав сипловатый голос отчима.

– Колхоз, говорите! – седые брови Яксы взметнулись кверху. Он ударил в бубен, потребовав властно: – Выходи в круг. Колхоз! Клянись!..

Совета, Учителя и некоторых других представителей Советской власти на этом игрище не было, были только врач Ия, Журавль и Красный Корень.

Сияя улыбчивыми глазами, на круг вышел Красный Корень.

– Колхоз мы создаем на добровольных началах, всегда спрашиваем согласия. Советская власть тут ни при чём! – сказал твёрдо Красный Корень.

– Можешь ли поклясться, что ты и твои Советы к воровству оленя не причастны?

– Да, могу! Да вот кусок-то я уже съел. Уж больно он вкусен!

– Клянись огнём! – приказал Якса.

Красный Корень подошёл к огню. Смолистый костёр посреди чума, кажется, запыхал ярче. Отблески огня осветили широкое, чуть смугловатое лицо Красного Корня, волосы в завитках и густые брови.

Взглядом живых карих глаз пронзив всех, кто был в чуме, он нагнулся к пылающему огню и,

взяв в руки каленый уголь, положил его между передними зубами.

Подержав какое-то мгновение искрящийся уголь, он бросил его обратно в кострище, сказав твёрдо:

– Огонь! Если я виноват – пожри меня!

Потом Якса подал ему берестяной ковшик. Красный Корень, зачерпнув из ведра холодной воды, пару глотков выпил, третий глоток выплюнул со словами:

– Священная вода, если мы, Советская власть, взяли без согласия хозяина оленей...

– Не взяли, а украли! – крикнули сзади.

– Если мы взяли, – продолжал Красный Корень, – то пусть твои струи, священная вода, проглотят меня!

Затем Якса, пристально глядя на Красного Корня, подал ему нож. Красный Корень, знающий все обычаи своего народа, сразу понял этот намёк.

Он подошёл к столику, отрезал кусок сухого медвежьего носа. Подержав кусок между зубами и наконец с отвращением выплюнув его, сказал:

– Коль мы виноваты, то пусть первый медведь, которого я встречу, растерзает меня!

Яркий огонь освещал его стройную фигуру, румяное лицо и звездочками отражался в зорких карих глазах.

Сава смотрел на него с восхищением. Весь облик Красного Корня в это мгновение опять напоминал ему сказочного героя Эква-пыгрися.

— Не виноват он! — твёрдо сказал кто-то.

— И Советы и колхоз не виноваты! — поддержали несколько голосов.

— А кто же тогда угнал оленей? — задумчиво глядя на священную голову, сказал Няркусь-старший.

После смерти отца и приезда брата Журавля и других работников Красного чума он как-то изменился, не напоминал прежнего, послушного тихого Карася, который покорно пас оленей мироеда Осьмар Васьки. Теперь он был проводником и пастухом оленей Красного чума

— Пусть даст клятву и Албин, если он говорит, что Совет и колхоз — воры...

— Давай, давай, Албин! Выходи! Отвечай за свой язык, выронивший слова обвинения! — требовали люди.

— Поклянись, если знаешь, что Советы и колхоз — воры, — сказал Якса. — Священная голова нашего лесного собрата не даст в обиду невинного, а накажет истинного виновного...

Сава смотрел на отчима, смело вышедшего в круг. Сначала тот ему показался спокойным. И лапчатые расписные кисы, и цветастая ситцевая рубаха, и косы, повязанные сзади шерстяным

шнурком, и бронзовое от ветра лицо все, казалось, излучало достоинство, уверенность.

Он так же, как Красный Корень, подержал в зубах каленый уголь, выпил воды из берестяной чаши, поклявшись реке. Лишь перед медвежьей головой, к которой он подошёл, уже еле передвигая ноги, он весь как-то обмяк. Бронзовое лицо его побледнело.

Отрезав дрожащим в руках ножом кусок медвежьего носа, он, озираясь, стал еле слышно бормотать:

— Если я... мой язык сказал неправду, то пусть лесной собрат вырвет его при первой встрече.

Промолвив эту последнюю клятву, отчим вдруг закачался, ноги его подкосились, и он упал на колени. Он стал кланяться в разные стороны, причитая что-то непонятное. Видно, он был уверен, что все добрые духи теперь отвернутся от него, и несчастье теперь будет преследовать его на каждом шагу.

Он должен сгореть в огне, утонуть в воде или погибнуть от удара когтистой медвежьей лапы. И когда умрёт он, то все манси узнают, что он дал ложную клятву, и будут вспоминать о нем как о лжеце.

Видно, так думал Албин, отчим Савы, стоя на коленях перед медвежьей головой. Затрещал костёр. Полетели искры солнечными бликами.

А в голове Албина промелькнула мысль, что лучше было бы не врать, а честно сознаться, что ложно обвинил других. Люди постыдили бы его, да и забыли обо всем. Возможно, наказали бы, но легко наказали. Скорее всего, простили бы.

Люди сидели молча. Они догадывались, что Албин дал ложную клятву. Они ждали, что будет дальше. Албин приподнялся, обвёл глазами присутствующих. Глаза людей говорили, что они не верят ему. Сава с болью в сердце смотрел на отца. Он заметил, что на лбу у того выступил пот, а в глазах выразилось страдание. Албин посмотрел ещё раз на людей, обвёл всех страдальческими глазами и вдруг стал кланяться каждому чуть ли не до земли.

— Виноват я, виноват! — рыдающим голосом проговорил он. — Виноват я, что принёс ложную клятву. Виноват я перед огнём, водой и медведем, виноват перед богами, перед всеми вами до смерти виноват. Я угнал оленей старика Саса. Так мне приказал Железная Шапка. Он же князь...

Раздался ропот. Люди негодовали. Наконец чуть успокоились, стали совещаться, как наказать Албина. Но все придуманные наказания тут же отменялись большинством, люди считали их слишком строгими. Одни жалели несчастного, хотя он оказался лжецом. Другие говорили, что виновный достаточно наказан уже теми муками, которые он перенёс сейчас перед людьми.

Спорили долго. Ночь уже склонилась к утру. Пора было людям отдохнуть. Но заспорившие не замечали времени... Тогда Якса стукнул в бубен и предложил:

– Албин очистил себя перед людьми тем, что признался в своем низком поступке. Пусть теперь он очистится перед богами приношением жертвы.

– Э, нет! – воскликнул Красный Корень. – Пусть вернёт оленей пострадавшему.

– Старик – должник князю! – стал кричать Осьмар Васька. – Его стадо угнали за долги.

– Никаких князей теперь нет! И долгов тоже! – снова стал держать речь Красный Корень. Он дал понять, что уважает вековые традиции тайги. Говорил о власти, о новых законах жизни... О многом он говорил. И Сава запомнил вот что:

– Вы, вероятно, думаете, что у власти нет законов. Они есть. Хорошие законы. Эта власть даёт нам, таежным и тундровым людям, право самим для себя создавать законы, устраивать свою жизнь по своим добрым обычаям, творить свой суд.

Власть, заботясь о нас, издаёт такие законы, при которых мы сможем жить хорошо. Я вас познакомлю с этими законами, может быть, какой-то закон не совсем подойдёт вам, тогда вы скажете об этом. Власть его исправит. Она всегда пойдёт вам, народу, навстречу. В создании наших законов участвует весь народ – трудовые люди, такие же, как вы. То, что вы здесь предла-

гаете разумного, то власть наверху и сделает, что вы считаете нужным.

Красный Корень только кончил держать речь, как Журавль тронул струну – и снова будто высоко-высоко, под самыми облаками закурлыкала журавлиная стая.

Посреди чума ярче запылал смолистый костёр. И сначала тихо-тихо, а потом всё громче, громче поплыли звуки из-под тонких пальцев музыканта. На его простодушном, открытом лице играло счастливое детское выражение. Лишь живые чёрные глаза его лучились таинственным светом.

Тихие, вкрадчивые звуки постепенно становились уверенными, будто птица набирала высоту. Наконец, рассеянно скользя взглядом по лицам собравшихся, Журавль с вдохновением заиграл на всех струнах. Казалось, крылья ветра приносили дивные звуки на струны музыканта.

С любопытством смотрел Сава на Ювана Няркуся, на его кудрявые волосы, спадающие до плеч, на его многострунный журавль, выводивший под тонкими пальцами музыканта очаровательные мелодии... Простыми мансийскими словами Юван пел о медведе, о людях тайги, о борьбе добра со злом... Пел о ярком свете, исходящем от книг и знаний, о новых днях, когда свет солнца будет радовать людей одинаково, независимо от цвета лица и глаз, языка и наречий...

*В тихом сумраке, как тени,
Крались волки стороною
Шагом волчьим, вороватым,
По следам лосей тяжёлых,
Где-то в чаще отдалённой
Волки, окружив лосиху,
Чуть отставившую от стаи,
Ей кидались на загривок.
Сильный зверь их бил ногами,
Разрывая им утробы,
и они ползли на снегу,
Оставляя след кровавый.*

В марте – в месяц наста – солнце стало поднимать свои золотые крылья – уже выше обычного оно кружило над тайгой и тундрой. Днём снег мягчал, к вечеру синело небо, а ночью снег становился звонким и утром снова звенел серебром под ногами.

Порою с юга стала заветривать оттепель. Правда, нередко хмурилось небо, исчезали звёзды, ошестинивался север холодным оскалом метелиц и морозов. Но уже чувствовалось в воздухе дыхание долгой северной весны.

К этому времени стада подошли к предгорьям.

Вдали солнечный гребень Урала сиял ослепительным блеском, отливая серебром и лазурью. А над ним вздымалось мартовское небо, тоже ослепительное и яркое, как снег. Вокруг одетых в серебро вершин повисли лёгкими клочьями белые облака.

Над белыми горами, над белыми облаками, над белым лесом ходило солнце. У мартовского солнца есть своя причуда. С одной стороны оно так и палит тебе в лицо, а другая сторона лица у тебя в тени, замерзает. В тихую погоду, при ясном небе в полдень порой становится так жарко, что можно сбросить с себя малицу. Но достаточно облачка или тени дерева, которая загородит солнце, – и человека насквозь прохватит холодом. Кожа на лице в марте лупится, сходит несколько раз, а потом становится сухой, жёсткой, как пергамент, и бронзовеет...

В марте снег особенно глубокий. Сугробы как горы. Олени вязнут в снегу. Тяжело идти оленям. Наст режет ноги...

Стада остановились в предуральной тайге. Стойбище от стойбища находились недалеко – всего в двадцати-тридцати километрах, а иногда и того меньше.

Рядом с этими стойбищами в середине зимы появился новый чум. Красный флаг на нём горделиво колыхался в морозном воздухе. Летели навстречу приближающимся нартам яркие лозунги, развешанные на чуме.

Красный чум взбудоражил весь олений край ханты-мансийской земли...

Однажды в стойбище, где стоял чум Албина, отчима Савы, приехал купец по прозвищу Налимий Хвост. У людей культбазы был магазин Интегралсоюза. Интегралсоюз – это не человек и не

имя человека. А такая организация, она принимала пушнину и торговала необходимыми товарами. За деньги. В этом магазине всегда была постоянная цена. Поэтому, когда в стойбище появился Налимий Хвост, все удивились.

В растерянности смотрел Сава на купца. Про купцов он слышал лишь в сказках да в рассказах бабушки.

Купец Иван, человек тучный, коренастый, с рябым лицом и заплаканными от жира глазами, не торопясь отдавал приказания своим людям. А их у него было несколько человек. Люди купца тоже были одеты по-северному в шкуры. Рядом с каждым ружьё...

Глуповатое лицо Ивана, его жиденькая бородка были очень хорошо знакомы старым манси. И они добродушно приветствовали его, одаряя дружественным словом: «Пася!»

А купец, небрежно кивнув им в ответ, как в былые времена, заговорил:

– Постойте! С пустыми руками я не стану здороваться. Вот сейчас угощу ласковых хозяев.

Стойбище вдруг превратилось в дикий бивуак – купец Иван поставил посреди стойбища бочонок с «огненной водой».

Сначала он поднёс стакан старикам. При этом лез целоваться и говорил:

– Здравствуй, брат. Слава богу, что свиделись. Со стаканчика «огненной воды» старики повесе-

лели, приосанились. Начали подходить парни, женщины, девушки. Всех угостил Налимий Хвост, никого не обидел.

Между тем на нартах был уже разложен товар купца. Кругом краснели ситцевые платки, рубахи, платья, коробочки с медными серьгами, стеклянные бусы, пачки листового табаку, разрисованная красками деревянная и жестяная посуда, ножи, топоры...

Все бросились к товарам, явившимся как по волшебству.

– Бог на помощь, друг, кончай работу! – продолжая угощать, кричал купец Иван. – Пора отдохнуть, братцы, надо повеселиться, потешиться!.. Много зверья добыли? Хватит ли соболей-белок на весь мой товар?

Люди кинулись к своим чумам, тащили кто лисицу, кто белку, кто росомуху или рысь, а кто и самого соболя, а то и выдру и бобра...

Налимьеву Хвосту только этого и нужно было. Его самогонная водка вдесятеро окупалась этими подарками. Началась торговля. Все женщины, девушки были возбуждены, лица их горели. Они хотали, взвизгивали, отнимая друг у друга перстеньки, медные колечки, стеклянные бусы, платки и косынки. Они меняли между собой выбранные вещи, шумели, сустились.

Мужчины не удовольствовались угощением щедрого Ивана. Оно только возбудило в них желание выпить ещё и ещё по стаканчику. Они теперь

приставали к нему, предлагая лучшую шкурку, красивые камусные кисты, расшитые орнаментом.

Впрочем, Налимий Хвост ничем не гнушался. Брал не только мех, но и грубые оленье шкуры, мясо...

Не забыл спросить и налимов. Когда-то, странствуя по паулам в зимнее время, он любил лакомиться не только нежной оленьей печенкой, но и собирал свежих налимов, вывозя из паулов этой нежнейшей рыбы целые возы. Наверно, эта его страсть и дала повод какому-то острослову-манси дать купцу Ивану кличку «Налимий Хвост», или «Торгаш».

Месяц белой рыбой плыл по звёздному небу, освещая горы, вершины деревьев и серебряную поляну, где шла суতোлка.

И вот торгош Иван, окинув опытным глазом толпившихся вокруг него людей, начал соображать, сколько им нужно выпить ещё, чтобы окончательно потерять разум. Он потребовал чохом соответственное количество мехов. Отдал взамен бочонок самогонки и, бросив презрительный взгляд на хмельных манси, сел в нарты и покати на Север, в сторону ненецкой тундры, где его ожидал бескрайний простор, где ещё царил не только холод, но и настоящая дикость жизни.

Там, в глухом краю, торгош Иван чувствовал себя ещё хозяином.

На следующий день люди опомнились, начали соображать. Один за другим просыпались упив-

шиеся оленеводы, охотники. Многие, очнувшись, долго не могли понять, что с ними произошло и почему они, вместо того, чтобы спать в своих чумах, лежат на снегу. Все чувствовали себя разбитыми. Будто злой дух поколотил их и вынул душу. Многие ругали себя за вчерашнее поведение. Жаль было пропитых, отданных за бесценок шкурок, добытых с таким трудом.

Что же у них оставалось взамен? Стеклянные бусы, медные колечки, блестящие солдатские пуговицы для кос. Гнилое сукно на орнамент да горсть подмоченного пороха с грошовыми пистонами.

– Торгаш, а не купец! – воскликнул кто-то.

Как только в стойбище появились люди Красного чума, так сразу же они направились по следу торговца Ивана.

*Ночь и тьма сошли на землю,
В небесах зажглись звезды,
Совы, филины, как тени,
В темноте осенней ночи
Меж деревьев замелькали...
Лес шумел, на тихом ветре
Сонно ветками качая,
Ухал сыч и щелкал филин
На суку сосны высокой...*

А ночью отчим продал Саву. Вернее, пропил. Случилось это так.

Долго смотрел Сава на торговлю купца Ивана, на костры, на ликующих людей, опьяневших от

водки, от блеска безделушек. В небе уже зажглись звёзды, начинало играть северное сияние.

– Иди, Сава, спать! – позвала мама, появившаяся внезапно. Она тоже была чуть навеселе. Пошли в чум. Легли спать. Не успел Сава уснуть, как за чумом послышались крики людей. В тот же миг отлетела в сторону от удара ноги шкура у входа. И в чум ввалились двое. Тяжело ступая непослушными ногами, отчим кричал:

– Заходи, заходи, друг Иван! Ты хороший рума, хороший друг! Садись на хорошее место у огня. Почётным гостем будешь.

Налимий Хвост грузно опустился к огню. На брёвнышко сел.

– Почетному гостю – большой стол! Подавай, жена, угощение! – кричал пьяный отчим.

Мама белой куропаткой выпорхнула на улицу, и скоро на столе появилась строганина из печёнки, вареные оленье языки.

– Видишь, рума! Стол для тебя, самого почётного гостя, хороший. Да «огненной воды» нет у меня. Ты хозяин «огненной воды». Почему ты другу Албину не даешь больше «огненной воды»? Угости ещё немного!

– А что ты дашь взамен? Чем платить будешь?

– Дай, друг, – быстро пьянея в тепле, умолял отчим. – Я последнего соболя тебе отдал. Шкурок больше у меня нет. Бери чего хочешь. Жену бери.

Опозорен я на медвежьем игрище. Лишь «огненная вода» мне вернула веселье.

– Твоей жены мне не на-адо!.. – протянул Налимий Хвост. – Некуда мне её с собой везти.

– А если я тебе дам мальчика? – впившись мутными глазами в Саву, запинаясь, проговорил отчим.

– Мальчика? – обратив внимание на Саву, протянул торгош Иван. – А что он умеет делать?

– Научишь чему-нибудь. Будет за тобой бегать, как собака. Всё будет делать.

– В старое время я бы купил. А теперь... Убежит ведь он от меня. Да и власти не позволят, судить будут.

– Не убежит! А властям я покажу, как совать нос в чужие дела! Сам пойду с тобой. Пока мальчик не привыкнет к тебе! Собака и то приучается. Дай «огненной воды»!

Налимий Хвост поставил на стол бутылку. Зазвенели кружки. Выпили.

– Вот это ты говоришь дело, – похвалил отчима купец. – Нам теперь люди во как нужны! Скоро война начнется. Урал – нашу ледяную крепость – надо кому-то защищать! Если серьёзно говоришь, – дам я тебе «огненной воды» хоть бочонок. А ты отдавай мальчика. И сам собирайся в путь-дорогу. Мои люди помогут тебе сложить в нарты чум.

Отчим потянулся к Саве. Испуганная мать прикрыла сына своим телом.

Отчим силой вырвал из её рук Саву, отбросив в угол обессиленную в борьбе женщину.

– На, бери! – кричал он, подталкивая Саву к Налимьему Хвосту.

Сава рванулся. Хотел бежать. Но резкий удар по голове свалил его... А дальше всё было как во сне.

Он слышал плач мамы, крики отчима, требовавшего скорее собираться, складывать вещи, разбирать чум и грузить все на нарты...

... Наступало утро. Жена отказывалась ехать с Албином. Каждую минуту кто-нибудь из оленеводов, особенно Сас-Сипаль, мог увидеть, что происходит в семье. Да и слова торгаша Ивана: «Власти не позволят продать мальчика, судить будут» – теперь, когда он протрезвел, до того напугали Албина, что он оставил жену с двумя детьми у разобранного чума и уехал вслед Налимьему Хвосту.

Кругом были раскиданы старые оленьи шкуры, над головой – холодное небо, огонь в кострище едва вспыхивал, да на ветру и морозе разве он мог согреть потерявшую сознание женщину с двумя маленькими детьми.

Рано утром, как и предчувствовал Албин, люди Красного чума, узнав о воровской сделке, которую учинил Налимий Хвост, пустились его до-

гонять, чтобы отобрать у купца наворованное и наказать за устроенную попойку.

Совет, Красный Корень, Журавль и Учитель быстро запрягли несколько оленьих упряжек и помчались вдогон, по свежему следу. В тайге они наткнулись на разобранный чум. У потухающего костра в полузабытии сидела женщина, прикрывая малицей крошечных детей. Казалось, она совсем замёрзла.

Увидев Учителя, женщина сипло закричала:

– Увезли сына, сына продал муж Торгашу за водку, спасите Саву! – она так заплакала, что теперь, кроме слова «Сава», никто ничего не мог разобрать.

– Как это продал? – с возмущением спросил Совет. – Да за такие дела их обоих следует привлечь к суду!

Учитель помог женщине подняться. Её и детей усадили в нарты Журавля и повезли к Красному чуму. Женщина не переставая плакала. В Красном чуме на почётном месте восседал старик Якса. Доктор Ия показывала ему лекарства, объясняла, из чего они сделаны. Говорила о болезнях, при которых они помогают выздороветь. Особенно Яксу заинтересовало лекарство, что вылечило его самого.

Увидев доктора Ию, мама Савы заплакала ещё громче, простёрла руки к выходной двери чума и стала кричать:

– Помогите! Помогите!

– Замолчи, женщина, дай говорить мужчинам! – строго прервал её шаман Якса.

Наступила тишина. Заговорил Журавль:

– Торгаш Иван выторговал у Албина мальчика за водку, увёз Саву от матери.

– Албин уже второй раз, как бешеная собака, нарушает законы тайги, – начал Якса. – Он украл у соседа оленей, продал свободного манси. Албин заслужил суровой кары... Я сказал!

– Надо как можно скорее спасти мальчика, моего лучшего ученика, – попросил Учитель.

– Куда повёз Налимий Хвост Саву? – спросил Якса у матери.

– Они говорили о Медном городе.

– О Медном городе? – глаза Яксы превратились в щёлки. – Я знаю, где это!

Когда Сава пришёл в себя, было серое морозное утро.

Нарты быстро и легко скользили по утрамбованному ветром снегу, постукивая, скрипя полозьями, то бросаясь из стороны в сторону, то падая в рытвины. Эта быстрая, захватывающая дух езда на легконогих оленях, снежная пыль, что вьётся над нартой, сковали ресницы Савы, запорошили лицо, и он, проснувшись, долго не мог как следует раскрыть глаза, рассмотреть окружающее.

Наконец, когда совсем рассвело, он увидел горы. Они, словно белые стены, стояли совсем рядом. Вершины гор курились. Олени отпыхивали

целые столбы пара. Рога их заиндевели. И шкура тоже. Целое облако пара двигалось, колыхалось над ними. И казалось, горы играют... Горы... Урал... Для Савы Урал был знакомой с детства сказкой, которую знал, любил всей душой каждый манси. С Урала начинается олений край. На склонах волшебных гор, богатых ягелем, кочевали летом манси. Когда играет большое солнце, на горах прохладно, ущелья украшены орнаментом, остатками зимнего снега, а на самых вершинах ходит ветер, плавают облака. Оленям хорошо – оводы не кусаются, комары и гнус не липнут. А внизу, в зелёной долине, где ошетинился смешанный лес, переходящий на горизонте то в дремучий урман, то в ледяную землю – тундру, летом стоит жара, зудят мириады комаров, духота...

Спасаясь от бича Севера – комариного ада, – оленевод-манси устремляется в горы, как только пахнет весной, едва только на сумрачном небосклоне проглянет синее небо.

Горы, горы без конца и края. Одни громоздятся острыми пиками, другие выказывают из-за соседей плоские шляпы, третьи плывут вдаль, как большие рыбы в синем море. Синь прозрачная пеленает горы. Горы тонут в сини. Травы колыхнутся под лёгким ветерком, цветы смотрят яркими глазами, мхи стелются под ногами оленей. Счастье оленям бродить по этим склонам. Счастье человеку жить на этих вершинах...

Олень есть – есть мясо, одежда, дом, сытые дети... Олень есть – счастье есть. Вот почему манси любит оленя. Вот почему он летом из глухих урманов своей тайги стремится на вершины.

А в тайге, у берегов рек и озер остаются лишь те, у кого нет оленей, кто вынужден кормиться рыбой и мясом зверей, подкарауленных на трудной охотничьей тропе. Таких манси больше. Они живут в паулах, в небольших деревянных избушках с тёплым очагом – чувалом. Вместо оленей у них – лодки, лыжи, собаки... и лошади есть у таких манси, и коровы... И всё же и они жаждут встречи с сородичами-оленеводами, которые продают не только вкусное-превкусное оленьё мясо, но и шкуры, из которых вся одежда манси, разрисованная орнаментом неповторимой красоты и яркости. В кружеве узоров и линий, в сочетании замысловатых фигур, вышедших из-под рук мастериц, на одеждах опять и опять плывут рога оленей, и волнистые горы, и зубчатый лес.

Зимой горы трещат от мороза. Мороз злится в горах, буран ходит, северный ветер беснуется. Зимой лучше в тайге... Оленеводы-манси гонят свои стада ближе к паулам, сородичами встречаются, приносят жертвы богам, на священных плясках пляшут, резвятся на медвежьих игрищах, сказки рассказывают, песни поют, душу друг другу открывают, про сокровенное говорят, стараясь почувствовать себя людьми большой Земли.

Рядом был Урал – мансийский Олимп. Кругом играли на солнце горы. Но Сава ничему не радовался. Он был крепко привязан к нарте...

Отчим продал Саву купцу Ивану, прозванному «Торгаш».

Торгаш, как и договорились, преподнёс отчиму за это «огненной воды».

– Будешь делать всё, что прикажет тебе хозяин, – уходя из дома торгаша Ивана, сказал пьяный отчим.

Торгаш жил не в чуме под горой, как простые оленеводы, а в доме, который находился в городище.

В городище играло дымками множество чумов. Оно стояло на не очень высокой, но крутой горе. С одной стороны – узкая горная речка, с другой – озеро. И речные и озёрные берега отвесные, скалистые. Над ними нависала стена Уральского хребта. В сторону восхода солнца до самого горизонта раскинулась необозримая мансийская тайга. Верхушки елей как шлемы сказочных богатырей. Шлемами казались и острые гребни гор, тянувшиеся на север. Рядом втиснулись две ровные вершины, одна из которых напоминала бубен. На другой, лысой, стояли три прямоугольных камня. Издали они выглядели настоящими каменными богами. Дальше горы, горы... Саве они казались такими близкими, что ему хотелось помчаться туда со всех ног и сразу вскарабкаться на

самую высокую вершину, тающую в облаках. А внизу – речка. Она извивалась, бежала по приполярной тайге и терялась в синевато-белом предгорье.

С городища, приютившегося на ровной площадке, открывался чудный вид на озеро, белевшее между вершинами кедров и елей.

Отвесная скала зеленовато-белой крепостью возвышалась над рекой, над озером, над серыми скалами.

Городище состояло из трех домов, сложенных из толстых бревен, наполовину ушедших в камень.

Со стороны эти дома были совсем незаметны.

Трудно представить более простое, более естественное укрепление. В тревожное время городище служило убежищем для княжеской семьи, могло дать приют его родственникам с их добром. Двери домов тщательно обиты медными пластинами. Может, потому этот городок, пристроившийся среди скал, и называется Аргин-Ус – Медный городок. Говорят, в таких городках жили богатыри и князья в сказочно далёкое время.

В доме торгаша Ивана Сава колот дрова, топил печь. Печь была не открытой, как чувал. Она закрывалась дверцей, заслонкой. Сложили печь то ли из гладких камней, то ли из кирпича, и называлась она русской печью. На полу и на потолке белые, гладко струганные доски. Две просторные

комнаты с деревянными кроватями, крытые сени... Всё в доме было как в русских домах, которые Сава видел в культуре. Только этот дом наполовину был высечен в горе... Потому и днём здесь было сумрачно: сквозь два небольших стеклянных окошка свету проходило немного.

Сава мыл пол, носил воду. Хорошо, что вода была рядом. Она живой, булькающей струей била прямо из горы, нависшей над домом отвесной стеной. Манси называли речку живой водой, каменным ручьем, её журчание называли священной речью малой горы богов.

Всё делал Сава, никакой работы не боялся. Бабушка многому его научила. Она раскрыла ему тайны повадок хитрых лисиц и белок, приучила внука по звёздам отыскивать дорогу в тундре, ставить шалаш из хвойных веток, разжигать огонь на снегу...

Десятилетний мальчик рос выносливым, крепким. В его руках уже играла сила. Он мог натянуть упругую тетиву настоящего лука, гнать дикого оленя по снегу. Никто из мальчишек не умел так ловко кинуть на рога оленя тынзян, поймать животное, остановить, чтобы запрячь в упряжку, — дома, у бабушки, Сава выполнял мужскую работу.

Сверстники признавали Саву сильным и ловким. Но они его не боялись. Знали: Сава зря не обидит.

А в этом доме его обижали. Торгаш хвалился своей живой покупкой. И перед соседями и перед бывшим подпоручиком, который жил здесь же, в Медном городище, и перед посланником, как называли приехавшего вчера из-за гор русского человека, и перед Железной Шапкой, и Осьмар Васькой. Все они по десятку раз в день заходили в дом торговца Ивана, у него на столе всегда стояла бутылка с прозрачной «огненной водой».

Гости с любопытством осматривали мальчика, ощупывали, хохотали, как филины, когда Сава пугался какой-нибудь страшной их выходки.

Постепенно в душу Савы вкралась ненависть к этим людям. С ними было жутко. Когда его оставляли в покое, он забивался в угол, скучал о своем пауле, о бабушке, вспоминал маму и Учителя. Ночами мальчик видел сны: он сидит за партой, на белой, как песок, бумаге выводит буквы. Когда о нём забывали, он часами не вылезал из своего убежища, голодал, мучился от жажды и неподвижности, но упрямо сидел, ничем не напоминая этим извергам о себе. И даже когда за ним приходил сам Торгаш или Осьмар Васька, Сава сразу не выходил, они вытаскивали его из угла за руку или за ногу, а Сава отбивался, кусался и плакал. Раньше, дома, он не умел плакать. Даже когда падал с кедра, или ранил ножом руку, или его кусала собака, Сава всегда молчал. Помнил наказ старых манси.

— Когда собака притащит щенят, их надо вынести на мороз и бросить в снег, — учила бабушка Сава. — Тот щенок, который заскулит и поползёт к матери, — плохой, никчёмный. Слабая собака вырастет из него. А который молчит на снегу или — ещё лучше — в лес ползёт, — того береги пуще себя. Сильным будет пёс, как волк, добрым другом будет, как настоящий человек.

А здесь, в доме Налимьего Хвоста, Сава часто плакал. Не от боли, а от отчаяния и злости — злости на отчима и на всех своих мучителей. В такие мгновения он был похож на затравленного зверёныша, который решил дорого заплатить за свою жизнь. И это особенно нравилось его мучителям.

— Дикарь!

— Язычник!

— Раб! — сквозь дикий хохот хором галдели они.

— А говорят, новая власть сильна! Никакой силы у власти нету. Как покупали мы себе холопов, так и будем покупать! — восклицал Осьмар Васька, подобострастно поглядывая на Налимьего Хвоста. — Мне бы тоже надо купить такую вещицу!

— Раб! Холоп!

Сава глядел исподлобья. В душе его копилась ненависть. И если он вначале много работал, то теперь он только ждал удобного случая, чтобы убежать.

*Если волки на опушке,
Разложив хвосты по снегу,
В ряд сидят на задних лапах
И не двигаются с места,
Только щурятся на снег, –
Если зайцы только ночью
Выбегают на дорогу,
Чтоб запрятать у талины
В норку теплую в сугробе
Хвост и уши от лисицы, –
Быть тогда удаче в деле!
Так гласят приметы старцев.*

Приходилось Саве носить дрова, воду и в дом самого князя. Дом князя стоял отдельно от других на широкой площадке, окружённой рвом. Если взглянуть сверху, то его почти не видно. Он словно врос в землю.

Однажды в берестяном ведёрке Сава принёс воду в дом. В доме Железной Шапки было сумрачно. Сквозь крохотные слюдяные оконца проходило немного свету. Посреди жилища на земляном полу горел очаг. Очаг был выложен из камней, какие видел Сава на берегу лесной речки. В очаге играл огонь. Из огромного круглого котла, вросшего, казалось, в камень, шёл вкусный мясной пар.

У Савы защекотало ноздри, слюнки потекли. Хотя мальчику очень хотелось вкусного мяса, его

внимание приковал вид княжеского жилья. Только в сказках о Медном городе он слышал нечто похожее. Стены дома были не медные, из бревен, но, когда Сава дотронулся до них и постучал по ним пальцами, они загудели, будто литые.

Вдоль стен – нары, покрытые оленьими шкурами. В священном углу стояло кресло. Оно было устлано шкурой рыси. Видно, на нем восседал сам князь. На стенах висели удивительные вещи. Особенно красив был лук, висевший на священной стороне. Лук был сделан не только из дерева. О его костяных и роговых крыльях и тугой тетиве Сава слышал в сказаниях и былинах... В колчанах торчали стрелы. Они были самые разные: трёхгранные и ромбические, когтистые, тупые, остроконечные, гарпунные. Сава знал, что гарпунными стрелами охотились когда-то на бобра и выдру, бронзовыми когтистыми стреляли уток и гусей, а с тупыми охотились на мелких зверьков и птиц.

Сава и сам не раз ходил в лес на охоту с луком. И тупой стрелой бил куропаток и белок. Стрелой, называемой томар. Томар не вонзается в дерево, охотник его не теряет.

Висели на стене и остроги, которыми бьют рыбу, и деревянные крючки для ловли налима и щуки. Скребки для выделки кожи, множество ножей, сабель, ружей самой разной формы и размеров. Грудами лежали какие-то сосуды, горшки, чашки, ложки. На ложках, вырезанных то ли из

оленьего рога, то ли из кости мамонта, видны были скульптурные головки оленя, гуся, соболя, фигурка чирка, спящего на голове зайца. Сава знал, что этими вещами теперь не пользовались. Вещи эти старинные, священные...

На полочке стояла бронзовая фигурка человека, одетого в малицу с узорами. Над ней висели изображения человеческого лица и голова лося. Эти священные идолы-боги седой старины смотрели из всех углов и со стен дома. Но Сава теперь не боялся их, как некогда в капище, когда он увидел идолов в первый раз. О сказочном жилье Железной Шапки он слышал. Да к тому же страшнее этих идолов были для него Осьмар Васька и Торгаш. Не успел Сава об этом подумать, как оба они явились в дом.

Не замечая Саву, притаившегося в углу, Железная Шапка, поджав под себя ноги, сел на рысью шкуру. Рядом с ним на низкой скамеечке пристроился Осьмар Васька.

Он с удовольствием делал зарубки на палочке с узорами и вполголоса перечислял: винтовок — пятьдесят, пулемёт — один, ружей охотничьих — сто три, наганов — пять, шлемов медных — семь, кольчуг — четыре, щитов — восемь, сабель — двадцать.

— Мало оружия, — перебил его князь, — мало оружия! Но войне... всё равно быть!

– Копий – семнадцать, топоров... – продолжал подсчитывать Осьмар Васька, как в недавнее время, будучи старшиной, он подсчитывал шкурки соболей и лисиц, приносимых в ясак.

Железная Шапка задумался. Осьмар Васька закончил перечислять, он с удовольствием глядел на палочку с вновь выведенными зарубками.

– Сегодня Якса видел сон, – с тревогой в голосе начал Осьмар Васька, – будто ястреб дрался с орлом. Победил ястреб. Ты, князь, славный потомок Нёр-ойки, обладатель грамоты с двуглавым орлом – по знамению шамана – Орёл. А Ястреб – это красные.

– Красные не могут победить: власть их незаконная. Да и весь мир богатых против них... Сам русский начальник, подпоручик, говорил... А Якса одряхлел, совсем с ума спятил. Камлает против нас. Стоит ли его слушать?! – Железная Шапка встал. Поправил княжеское платье, взявшись за рукоять сабли, молча прошёлся по избе, потом продолжал: – Ещё раз надо послать гонцов, пусть скачут по всем паулам, отдельным чумам. И к ненцам, и к коми, и к хантам пусть едут. Кто недоволен красными – пусть становится под наше знамя. Надо раздать гонцам вместо бумаг с печатью трехгранные стрелы – таёжные люди поймут, что к чему. К нам приедут – у нас места хватит: горы высокие, земля бескрайняя. И оленей хватит.

А кто не с нами – их лишим не только оленей, но и жизни...

– У нас мало оружия! – вздохнул Осьмар Васька.

– Оружие будет! Подпоручик обещал... Быть войне! Я сказал!

О войне говорили вчера и подпоручик с русским человеком, посланником, появившимся на днях из-за Урала, долго, горячо спорили, сидя у костра, который они разожгли на улице. А Сава оказался недалеко и все слышал.

– Это же верная смерть! – говорил приезжий. – У нас мало сил. Не время для стычки. Всюду проникли красные.

Выслушав его и глубоко вздохнув, подпоручик, в свою очередь, сказал:

– Рано или поздно – будет война. Наша работа в медвежьих углах не пройдет даром! Да и надо воспользоваться несчастьями дикарей! Вишь, они как недовольны колхозами, школами. Думают, что оспа идёт от красных. Непростительно было бы упустить этот момент.

– О-ох! – вздохнул приехавший.

– Да ты не боишься ли смерти?

– Боюсь.

– Не бойся, друг, чем бы это ни кончилось, мы с тобой всё равно ускользнём. И всему миру расскажем о недовольстве дикарей Севера красной заразой!! – Потом, хлопнув приезжего по плечу и глядя в горы, подпоручик продолжал: – Полярный

Урал – неприступная ледяная крепость в ледяной пустыне. Да и мы с тобой считай что находимся в крепости. Это старое мансийское городище. В таких укрепленных городищах годами пряталась княжеская семья с воинами в стародавние времена, когда дикари вели войны с пришельцами. Дикари городище называют Медным, неприступным. Оно, действительно, неприступное. По этим отвесным скалам не взобраться даже скалолазам. Да и узкий проход в пещеры, по которому с таким трудом пробираемся мы сами, надёжно закрыт и замаскирован. К тому же дикари чтут свои языческие обычаи и преклоняются перед этой пещерой как перед святыней. Никто из них без жертвоприношения и благословения шамана не посмеет войти сюда. Да и мало кто из простых охотников и оленеводов знает о существовании этого убежища. Ведь мы находимся с тобой на горе малых богов. Посмотри, кругом высокие горы. Кажется, там-то и прятаться от врагов, строить убежище. А городище вроде неприметно, если взглянуть со стороны. Стоит особняком, спрятанное от глаз.

Самое удобное место для таёжных богов: созерцают сверху свои владения, благодатные места для охоты, для обитания духов леса и людей северного сияния – так думали, видно, эти идолопоклонники.

Сава уже не раз собирался бежать из городища, но убежать было трудно. Кругом отвесные

скалы. Он не знал, как поднимаются на эту гору люди. Его привели сюда с завязанными глазами.

Гора малых богов была не выше двухсот саженьей. Но со стороны реки и озера невозможно было подняться на её вершину, окаймленную кедрами и елями.

Теперь, в свободные минуты, Сава стал приглядываться, надеясь отыскать замаскированный выход из священного городища на горе малых богов...

С тоской смотрел мальчик на озеро, серебрившееся под горой. На белом просторе озера народу — тьма. Не раз Сава подсчитывал: не менее трехсот воинов. (Не больше воинов бывало и в войске древних богатырей.) Одни из них строили укрепления, сгребая снег в кучу и поливая его водой, — получалась ледяная неприступная стена; другие учились стрелять из боевых винтовок и старинных луков; третьи просто маршировали под командой подпоручика...

— Раз-два! Раз-два! — раздавался в морозном воздухе голос подпоручика в золотых погонах. Он был в полной военной форме. Чуть выцветшая шинель на талии затянута ремнём. На ремне — кобура с наганом, на боку — сабля...

Особенно выделялись на офицере лайковые белые перчатки, чёрный лакированный козырёк сдвинутой набекрень фуражки и бледно-голубые нагрудники с двумя рядами пуговиц. На рукавах

шинели выше локтя были нашиты странные знаки: череп, а под ним две перекрещенные кости. Всем людям знак был ясен: смерть!

Днем строили укрепления, ночью при свете костров маршировали, учились воевать. Соорудили на льду озера ледяную крепость, а на дорогах, ведущих к озеру, рубили засеки. На вершинах холмов запасали сухостой и смолу для сигнальных огней. Гонцы с трехгранными стрелами давно ушли во все стороны тайги и тундры, но; кроме нескольких подкулачников да бывших купчишек, никто больше не пришёл в войско Железной Шапки.

— Всё равно — быть войне! — повторял Железная Шапка, важно расхаживая по огромному княжескому дому, едва не задевая притаившегося за очагом Саву. — Берёзов возьмём, Москва сама сдастся. Какую весть принесли гонцы с трехгранными стрелами? — спросил он у Осьмар Васьки.

— Вести из тайги и тундры — дурные. Да вот и людей пришло немного.

Осьмар Васька стал подсчитывать, загибая пальцы, перечисляя имена бывших старшин, кулаков из ненецкого рода, коми-зырян да нескольких русских купчиков вроде купца Ивана.

— Возможно, Торгаш подпортил нам дело своей торговлей самогоном в стойбищах? — сказал, задумавшись о чём-то, Железная Шапка.

*Стройный лес, зелёный старец,
Я тебе туманной ночью
Песню новую слагаю:
По кудрям твоим зелёным
Скачут с пышными хвостами
Ланги-белки и куницы,
И в полуночи таёжной
Свет луны висит меж веток,
Как натянутые нити
Пряжи тонкой серебристой
Между небом и землёю!
Лес великий, полный тайны!..*

На другой день Сава решил во что бы то не стало бежать. А чтобы бежать, надо было найти вход в пещеру, о которой подпоручик говорил приезжему русскому. Сава лазал по отвесным скалам, цепляясь за малую шероховатость, до самой ночи заглядывал под камни.

Однажды на вечернем закате один из голых столбов, возвышавшихся над ровной площадкой, показался Саве медведем. Медведь будто сидел, охраняя небольшую щель в отвесной стене скалы. Белая голова, могучее туловище, большая раскрытая пасть. На фоне заката хозяин тайги казался грозным.

В тот вечер Сава не рискнул больше искать выхода. В темноте духи зла становятся злее. Так думал мальчик.

Дождавшись утра, Сава опять направился к каменному медведю. Но на этот раз он подошёл к нему с другой стороны. И что за чудеса?! Перед ним стоял богатырь в шлеме. Удивился Сава превращению медведя в каменного богатыря. Но не побежал от идола. Знал: утром больше добрых духов. Они не наказывают за любопытство. У Савы появилась уверенность, что рядом с этим каменным стражем должен быть вход в священную пещеру. Сава решил взглянуть и с третьей стороны. И стало мальчику не по себе: перед ним стояла каменная избушка на курьих ножках...

А когда он взглянул на скалу со вчерашнего места, перед ним опять стоял Медведь. Ещё раз обошёл Сава каменное чудовище. Оказывается, с разных сторон оно смотрелось по-разному. Кем оно только не казалось: и чудовищным злым Кулем с хищной мордой, и благородным богатырём в остроконечном шлеме, и медведем, священным предком манси, и избушкой на курьих ножках, каменным капищем богов...

В другой раз он стремглав бежал от этого каменного оборотня. Но страх перед собравшимися в медном городище заглушил страх перед злыми духами.

— В случае чего, и мальчишку прикончим. Принесём в жертву. Духи любят молодое тело... — нащёптывал вчера Осьмар Васька Торгашу.

Пересилив страх, Сава полез вверх, к отверстию, напоминавшему медвежью пасть. Снаружи

оно занесено было снегом. Но внутри его будто кто-то прибрал. На одном из гладких камней проступало изображение медвежьей лапы.

Сава было отшатнулся. Но голос Осьмар Васьки, раздавшийся неподалёку, где-то у княжеского дома, будто подстегнул его. Сава вскочил в каменную пасть. И когда схватился за краешек гладкого камня, раздался грохот. Камень с изображением медвежьей лапы оказался дверью в каменное капище.

Как и в обычном капище, здесь вдоль стен тоже стояли деревянные идолы, вырубленные из коротких брёвен. Груды сабель, охотничьих ножей, луки, стрелы валялись на каменном полу.

У самого потолка на лосиных рогах висела берестяная маска для медвежьих игрищ. А рядом с ней висел бубен и шаманский костюм. Саве будто слышался звон бубенцов, медных и серебряных бляшек... Однажды в этом костюме он видел шамана Яксу на большом камлании.

Потом его внимание привлекли чаши, которые стояли вдоль стены. От лучей света, проникавшего сюда, они тускло поблескивали то золотыми, то серебряными бликами. Груды золотых, серебряных, медных монет не привели Саву в восторг, но и не напугали. Он и раньше, в капище около своей деревни, видел сокровища. А серебряная чаша, которая стояла у самой двери с замёрзшей в ней водой, смешанной с землей и монетами, показалась ему совсем знакомой. Из

неё Якса давал ему выпить священной серебряной воды во время камлания.

Внимание Сава привлёк лишь небольшой сундучок из тёмного дерева, обитый медными пластинами.

Открыв сундучок, Сава увидел какую-то старинную бумагу с красной сургучной печатью.

К бумагам теперь у него было особое пристрастие. Он давно уже ничего не читал. И рука Сава потянулась к бумаге, хотелось прочесть её, чтоб испытать то сладостное ощущение, которое он испытывал в школе, когда читал книгу по имени «Букварь».

На поблёкшей бумаге было написано витиеватым почерком:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее удостоверение родовому князю Железной Шапке, из рода Нёр-ойки, – читал по складам Сава. – Иностранческая управа предоставляет Железной Шапке право собирать ясак, производить суд над налогоплательщиками и наказывать таковых в пределах закона...

1913 год

Рядом лежали ещё какие-то священные бумаги. Сава с некоторых пор стал относиться к этим священным бумагам проще, как к доступным ему вещам, нужным для того, чтобы узнавать, что было в давнее время, чтобы непонятное стало понятным... На второй бумаге было написано:

МАНДАТ

Выдан настоящий мандат райфинотделом райисполкома родовому князю Железной Шапке в том, что он уполномочивается сборщиком ясака в своем роде в предгорьях Урала.

1921 год

В местах глухих и отдаленных от больших городов бывшие князья и шаманы фактически долго оставались хозяевами тайги и тундры.

Заскрипел тревожно снег под чьими-то шагами. Выглянув из медвежьей пасти, Сава увидел, как по его следу злым духом идёт Железная Шапка. Вот тут-то Саву охватил настоящий ужас.

*Будьте милостивы к мертвым...
Вы снабдите их могилы
Для еды посудой разной,
Луком крепким для охоты,
Заготовьте стрел побольше,
Дайте шило им в дорогу,
Если можно – даже нарты,
Чтоб друг к другу ездить в гости,
Будьте милостивы к мертвым,
Смерть и вас на перепутьях
Караулит терпеливо.*

Ого-го!.. Ого-го!.. – пела тайга.

– И-у-а! И-у-а! – звенело, казалось, в небе и на земле. Земля скрипела под ногами оленей скрипом большого зимнего снега.

— Ого-го! И-у-а!.. — на заснеженной поляне показались олени. Впереди стада ехал оленевод на тройке запряженных оленей.

За ним на длинном аркане шел ездовой олень. По следу ездового тянулось все стадо. Олени шли спокойно, не торопясь, время от времени нюхая белый снег. Позади стада на широких лыжах, обшитых шкурами с лосиных ног, шли два пастуха.

— Ого-го! И-у-а! — покрикивали время от времени пастухи, подгоняя рогатых.

Вскоре все стадо оленей закружилось на поляне перед чумом. Поднялась снежная пыль, загудела земля от тысяч переступающих оленьих ног и от треска сталкивающихся рогов. Словно заворожённый смотрел Сава на колышущуюся массу быстроногих животных.

Пастухи перестали кричать, давая оленям немного успокоиться.

И тогда над табуном змеями взвились арканы, сплетённые из тонкой кожи. Аркан пастуха, как длинная и точная рука, выхватывал из массы кружащихся, мятущихся животных самого нужного. Белоснежный бык с ветвистыми рогами чуть ли не поднимал оленевода над землей. Оленевод, схватив его за рог, старался повернуть голову животного к себе. Олень силился бежать прочь. Пятился. Оленевод огромными прыжками мчался вслед за ним, до тех пор, пока олень не выбивался из сил и не останавливался.

Потом уже по первому мановению руки он безропотно шёл, делая всё, что прикажет хозяин...

Таким же образом поступал с людьми Железная Шапка. Он не пощадил даже шамана Яксу. Это Якса заступился за Саву, когда Железная Шапка обнаружил его в капище Каменного медведя и жестоко избил. Тогда князь набросился и на старика, требуя немедленного камлания отречения.

Он обвинял Яксу в отказе казнить Журавля и Красного Корня, которых недавно схватили люди Железной Шапки и держали теперь как заложников. Ругал колдуна за то, что тот будто бы сговорился с духами Революцы и несёт всем таёжным людям гибель. И потому он, Железная Шапка, потомок Нёр-ойки, требует от одряхлевшего, потерявшего разум старика передачи ему, Железной Шапке, титула шамана и говорящего духа.

У входа в пещеру горело священное кострище. Рядом с кострищем стоял стол с пожелтевшими медвежьими черепами. Глазницы черепов были повернуты к востоку, где, как казалось древним, жил бог охоты. По другую сторону костра торчали из снега рога оленей, сваленные в кучу. Их было много. Таёжные люди не забывали духов предков. Приносили им жертвы. На щетинистой щеке пещеры, на выступе торчали три стрелы, почерневшие от времени. Стрелы были трехгранные. Трехгранная стрела – стрела боевой тревоги.

Тревожно горел огонь. Отблески его играли в маленьких глазах Яксы, остановившихся, как замерзающее озеро.

По приказу Железной Шапки его насилу приволокли сегодня на камлание Караюйя – обряд отречения. Но Якса медлил, не торопился произносить под удары бубна священные, загадочные слова: «Кара-юй-я! Кара-юй-я! Заклинаю! Отрекаюсь!...»

Рядом с ним на снегу лежал чёрный бубен. На деревянной распоре бубна была изображена гагара, которая, как рассказывали мансийские мифы, доставала землю для манси из вечного моря Торума, Вселенной. На крепко натянутой коже бубна лежали колотушки из лапок гагары, а на обратной стороне бубна укреплено было железное изображение ящерицы. Ведь человек – так говорят мудрые – своими выходками часто напоминает ящерицу, которая, желая спастись, отрубает себе даже собственный хвост.

Застыв в ожидании, люди молча глядели на огонь.

– Где моё мудрое племя мухоморов? – растягивая слова, наконец заговорил Якса, нарушив всеобщее молчание.

Яксе подали семь мухоморов с пёстрыми шляпками на чёрных сморщенных ножках. В его остывших было глазах блеснули искры.

Якса неторопливо, глядя на небо, расщепил грибы на небольшие кусочки и стал проглатывать их, запивая водой из серебряной чаши.

Потом, уставившись на огонь оледенелыми глазами, он стал ждать результата волшебного действия. Но волшебство не являлось. Тогда шаман потребовал еще два раза по семь штук грибов из племени семиглазых опьянённых духов, которые видят малое – большим, а тёмное – ясным.

Съев двадцать один мухомор, трижды по семь, шаман скорчил лицо, зрачки его сузились, глаза стали судорожно моргать...

– Кай-о! Кай-о! Кай-о! – ударив в бубен, начал Якса. – Я вхожу на последнюю вершину. Входящий на последнюю вершину говорит главное слово. Слушайте мое главное слово! – потом, обратив свой взор на людей, он продолжал: – О, люди! Есть ли у вас уши, чтоб слышать, есть ли глаза, чтоб видеть! Слушайте, смотрите: это я стою перед вами, но стою не прежним Яксой. Сбросив одряхлевшее тело, наполнив себя новым духом, новыми словами, новым провидением, я стою в образе нового молодого шамана, которому я сегодня передаю свой вещий бубен...

Железная Шапка встал во весь рост. Потянулся к Яксе. Лицо его просияло. В глазах его появилась уверенность, что эти слова Яксы имеют прямое отношение к нему.

– Одряхло мое старое тело, одряхлел наш старый Север, – продолжал Якса, размахивая лапкой священной гагары. Потом запел:

Дух мансийский иссякает...

А земля так жаждет духа.

Я искал, страдал, боролся, –

Ошибался, прозревая...

В новом духе человека

Вижу я начало жизни.

Якса бил в бубен, кружился в пляске. И в камлании-прозрении рассказывал, как он, уже будучи в облике нового человека, ходит в верхнем мире, в поисках нового духа.

Якса изображал, как сначала он – новый человек – просто шёл по земле. Шёл как охотник, как рыбак, как простой землепроходец.

В пути ему встретился русский шаман. Он был без креста, и одежда на нём не сияла, как у попа. Имя этого русского шамана было – Революца.

При слове «Революца» Железная Шапка вздрогнул.

А Якса продолжал:

– Революца и говорит мне: «Хочешь, я сделаю тебя новым шаманом? Но прежде тебе надо побывать в верхнем мире и посмотреть своими глазами страну света, где все люди равны». И я пошел с русским шаманом.

Однажды над нашей головой раздался шум и треск. Я поднял глаза и вижу: падает звезда, — рассказывал он дальше историю.

— Что это валится? — спросил я.

— Сейчас узнаем! — отвечает русский шаман по имени Революца.

И правда, звезда скоро остановилась у того священного дерева, рядом с которым мы стояли. Оказывается, это был Нёр-ойка. Он летел на семикрылом золотом олене. Копыта оленя были повернуты назад, из-под них так и летел огонь...

Спустившись с неба, Нёр-ойка подошёл к нам и говорит:

— Я, Нёр-ойка, много веков простоял в небе, превратившись в звезду. Я весь высох. Ты, Революца, не вправе взять этого человека, который предназначен для меня. Я сам принимал участие в его зарождении, воспитывал его с малых лет в языческом таёжном духе, — говорил Нёр-ойка, кивая в мою сторону.

— А что дал людям твой дух, Великий шаман? — спросил Революца. — Исчезли болезни и голод? Счастлив ли твой народ?

Нёр-ойка задумался, опустил глаза на холодную землю, занесённую снегом...

— Но я ведь учил его жить по грамоте русского царя и по велению таёжных богов и духов.

— И царь, и боги, и духи не смогли победить холод, мрак, преступления, болезни и смерть...

– А что для этого надо делать? – спросил Нёр-ойка, испытующе глядя на Революцу.

– Надо трудиться! Надо строить и творить, а не стоять идолом, принимая молитвы и жертвоприношения! Вы все: и царь, и попы, и князья, и живые, и мёртвые – вы виноваты в бедах и несчастьях земли.

Долго спорил Революца с Нёр-ойкой. Нёр-ойка сопротивлялся, не хотел сдаваться. Но Революца, молодой и сильный, всё-таки победил.

Напоследок он сказал:

– Ну и оставайся идолом! Стой безучастно. Принимай молитвы. Но не мешай нам строить новую жизнь.

И мы помчались дальше. Мчались мимо звёзд, планет. Семь миров пролетели. Наконец достигли пределов чистой и светлой страны.

Страна светлого завтра похожа на нашу землю. Такой же снег зимой, а летом – зелень. Леса и реки, дороги, города... Только все люди высокой души. Своим великим трудом они обновили землю. Очистили её от жадности и преступления. И слёз не знают их глаза. И счастье рядом с ними ходит. Они все равные. Страна эта называется – Коммунизм.

– Слышите, люди, что он вещает? – закричал взбешённый Осьмар Васька. – Будто бы он побывал в этой стране, где свет... Да не их ли словами он камлает?! – продолжал он, указывая на связан-

ного Журавля и Красного Корня. — Я же говорил, что он якшается с духами Революцы.

— Погоди, Осьмар Васька! — закричал Железная Шапка. — Разве не веришь ты, что я летал вместе с Яксой в страну света? Люди, разве вы не верите?

Люди, опустив головы, молчали.

Тяжело вздохнув, Якса погладил старую собаку, которая дремала у костра, у его ног. Яксу всегда сопровождала пушистая, как россомаха, собака. Она была неразлучна с ним, как тень. Эту собаку приручил Якса много лет назад, ещё маленьким щенком, вырвал её из когтей орла. Видно, в благодарность за спасение она неотступно шла за Яксой, не раз и его спасала. Простым людям она казалась духом — помощником Яксы.

И вот теперь она лежала, протягивая лапы к огню, позёвывая и щурясь на золотые языки пламени, с утомленным видом много, честно поработавшего друга, имеющего право на отдых у костра. Она поглядывала слезоточивыми глазами на молодую лайку, которая вертелась у ног связанного Журавля.

— Собака не всегда может быть верным другом человека, — глядя бесцветными глазами, продолжал Якса. — А волк — может.

Погладив ещё раз по морде свою старую собаку, Якса встал во весь свой рост, снова посмотрел на небо, послушал и запел:

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Да, летал, летал я в небо
Вместе с юношей прекрасным,
Музыкантом новых песен.
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне.
Всё в прошедшем, всё в грядущем,
Всё проходит, умирает
И рождается в новом свете...

Последний раз ударив в бубен, он назвал имя Журавля, достойного продолжателя, чародея и колдуна слова. Все ахнули.

Однако новые удары бубна и волшебные звуки:

Кара-юй-я! Кара-юй-я!
Отрекаюсь! Заклинаю! —

заставили толпу идолопоклонников успокоиться и снова обратить свои взоры на камлание.

Больше всего был поражен происходящим, конечно, Железная Шапка. Он на мгновение было растерялся. Но тут же, сверкнув глазами, двинулся на Яксу. Старик остановил его, указывая на огонь:

— Ты, водящий дружбу с теми, кто продает и покупает детей твоего народа! Если ты шаман, — возьми огонь руками.

Это приказание привело Железную Шапку в себя. Он остановился, растерянно глядя на огонь. Потом, схватив горящую головешку, закричал не-

человеческим голосом и тут же упал, катаясь в грязном, затоптанном снегу как сумасшедший.

Якса подошёл к горящему костру и закамлал:

НЯЙТЫН патэгын-ке...

Если ты впадешь в магию –

Будь осторожен,

Будь осторожен!

Куль блудлив,

Куль строптив.

Враждебная сила, натиск Тьмы,

Враждебной Тьмой

Сметает Миры,

Сметает Миры.

НЯЙТ – один,

Обособленный МИР,

Владеющий непоколебимой убежденностью

В ПРАВОТЕ СВОЕЙ,

Как в Правоте Торума,

Может устоять,

Не впадая в Безумие.

Иначе Безумие.

ИНАЧЕ БЕЗУМИЕ!

И, взяв в руки горсть пылающих углей, торжественно продолжал:

– Вы видите, я держу в руках огонь. Тело моё дряхлое уже сидит в душе Журавля.

Как у любого Великого шамана, у меня есть мать-зверь. Она, воспитавшая меня на великом

колдовском дереве, уносившая меня в страну светлого завтра, сейчас прилетит опять.

Она имеет вид большой птицы с железным клювом и цепкими когтями и длинным хвостом длиной в три маховых сажени. Похожа эта птица на железную лодку. Когда летит она – гудит. Если она, моя мать-зверь, прилетит, вы сложите оружие, отпустите всех пленных... И слушайте дальше, что скажет Журавль...

Якса на мгновение замолчал. Потянулся к ведру, зачерпнув полную деревянную кружку, жадно выпил. Потом попросил, чтоб ему подали лук и стрелы.

Окинув всех огненным взглядом, не обойдя вниманием даже собаку, Якса вновь закамлал:

Время от времени
Появляется ТОТ,
КТО НЕСЕТ ВЕСТЬ СВЕТА, ТАИНСТВО ОГНЯ,
ЗАМЫСЕЛ СУЩНОСТИ ВЫСШЕГО
Кто же ТОТ?
Владыка,
Поддержка,
Творец Вселенной?
Осуществитель Единения Творения Творцом?
Кто же Он?
СЫН ПРИРОДЫ, КОСМОСА
ЗЕМНОЕ НАЧАЛО БОЖИЕ?
БОЖЕСТВО БЫТИЯ?
СУЩНОСТЬ БОЖЕСТВЕННАЯ ЧЕЛОВЕКА?

ТОТ,
КТО ЗАЩИТА И ПРИБЕЖИЩЕ?
ТОТ,
КТО ЖЕРТВА?
ОГОНЬ ЖЕРТВЕННЫЙ?
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
ВО ИМЯ НОВОГО ТВОРЕНИЯ?
ТОТ,
КТО ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ,
УСТРЕМЛЁННЫЙ К ТОРУМУ,
К СОВЕРШЕНСТВУ,
К ИСТИНЕ?
Кто б ты ни был,
Ты сын Торума,
Творение Природы,
ЕДИНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СУЩНОСТИ ВЫС-
ШЕГО,
ДОЛЖЕН БЫТЬ
СТРОИТЕЛЕМ БЫТИЯ,
ВО ИМЯ СОВЕРШЁННОЙ СВОБОДЫ ЖИВЫХ,
УСТРЕМЛЁННЫХ К СОВЕРШЕНСТВУ,
ГАРМОНИИ,
ТОРУМУ!...
ЧАС ИСПЫТАНИЙ
НАСТАЛ...
НУЖЕН
ТОТ...

– Принести его в жертву! – закричал Железная Шапка.

– Хорошая будет жертва, – поддержал кто-то из красных.

Лишь в этом красные и белые были едины.

– А за что? – усомнился кто-то.

– Пусть не КАМЛАЕТ НЕПОНЯТНОЕ!

В это время возник непонятный шум. Шум рос, надвигался то ли с земли, то ли с неба, превращаясь в грохот, в гром. В гремящем небе скоро показалось гремучее чудовище.

– САМОЛЁТ! – воскликнул кто-то.

*Эта песня о живущих,
Я не знаю ей начала,
Эта песня о прошедшем.
Не потерянном навеки,
Нет конца у этой песни.*

На западной стороне неба, безоблачной, как рыбий глаз, появилась небольшая тучка. С каждым мгновением тучка росла, росла и гудела.

– Что это? – воскликнули в ужасе несколько голосов.

– Наверно, мать-зверь шамана Яксы летит!

– Да, это крылатая лодка!

Большая птица с железным клювом и цепкими когтями и длинным хвостом кружилась уже над самым озером, где недавно воины Железной Шапки под командой подпоручика с золотыми плечами строили укрепления изо льда и снега.

Когда гудящая птица пошла вниз, прямо на эти ледяные крепости, стоявшие около них на посту воины Железной Шапки, побросав оружие, как зайцы, побежали в разные стороны.

Пришли в смятение и те, кто стоял вокруг священного огня, у священной пещеры и кто только что слушал камлание Яксы.

– О, Торум, небо! За что нам такая кара?! – прячась за деревья, кричали люди...

Наконец железная птица снизилась над сверкающим белизной озером. Пара огромных лыж стала бороздить снег, оставляя широкий след. Лыжи упруго покачивали на себе железное тело крылатой птицы.

Но Сава не испугался её.

Это была вовсе не какая-то сказочная железная птица, а обыкновенная крылатая лодка, которую он видел на рисунке в букваре. А звать её по-русски просто: самолёт. Значит, сам летает. А Сава ещё тогда, когда Учитель показал ему этот рисунок, назвал эту чудную железную птицу товылын-хап – крылатой лодкой.

И правда, если присмотреться внимательней, то она напоминает больше не птицу, а лодку.

Однако эта лодка не только крылатая, но и необыкновенно сильная. Мощный размах крыльев, полосатая грудь, стремительно выпирающая вперёд...

Из крылатой лодки вышли люди в мягких меховых комбинезонах. Они направились к огню, у которого осталось несколько человек да привязанные к дереву Журавль и Красный Корень.

Когда люди подошли ближе, Сава признал среди идущих знакомых – Учителя и Совета. Сердце Савы забилося радостной весенней птицей. О, это был большой праздник!..

На следующее утро Сава и сам сидел в крылатой лодке. Мотор ревел, как мощный осенний лось. Пропеллер будоражил воздух, сотрясая каждую частицу крылатой лодки.

Вот стартёр взмахнул флажком. Крылатая лодка рванулась вперёд и, легко проплыв по снежному полю озера, незаметно взмыла в воздух. Качнулось солнце в окне. Земля уходила, проваливалась куда-то вниз, мелькали деревья, люди, собаки. Небо как будто стало ближе...

Вчера был большой день не только для Савы. Много событий произошло.

Князя, Осьмар Ваську и ещё нескольких арестовали просто, без особых затруднений. А вот с офицером пришлось повозиться. Пытался бежать на оленях, отстреливался. Ранил в руку Совета. Но арестовали и его, сорвав золотые плечи... Всех заговорщиков будут судить. А Яксу посадили в самолёт. Он плохо себя чувствовал после тяжёлого камлания – ведь он хотел спасти Саву, Красного Корня и Журавля. И спас. Помог Учителю и Совету.

Вечером провели собрание. Говорили о колхозе, как о ЧУДЕ СПАСЕНИЯ. ВСЕ ЖАЖДУТ СПАСЕНИЯ. Правда, мало кто понимал, что это такое. То ли СВЕТЛОЕ ЗАВТРА, то ли просто КОММУНИЗМ... Слова звучали красиво, обнадеживающе. ПОПОВ НЕ БУДЕТ, КУПЦОВ НЕ БУДЕТ, ЦАРЯ НЕ БУДЕТ... С царём-то ладно. Далеко он. Мало кто из манси его видел. И мало кто жаловался на него. Напротив, ХЛЕБОЗАПАСНЫЕ МАГАЗИНЫ ОТКРЫЛ, ЗАПРЕТИЛ «СПАИВАТЬ МАЛЫЕ НАРОДЫ». А вот купчишки – те сволочи: нарушали ЗАКОН ЦАРЯ, ТОРГОВАЛИ ВОДКОЙ БОЧКАМИ, выманивали меха, рыбу за бесценок. Ясно одно: С ТОРГАШАМИ МАНСИ НЕ ПО ПУТИ, ЛУЧШЕ УЖ С КОММУНИСТАМИ. К тому же они обещают: ВСЁ БУДУТ ДАВАТЬ, И ДУМАТЬ САМИМ НЕ НАДО: ПАРТИЯ БУДЕТ ДУМАТЬ! Большинству это понравилось. «ПУСТЬ ДУМАЕТ ПАРТИЯ – А МЫ БУДЕМ ЖИТЬ-БЛАЖЕНСТВОВАТЬ. «Манси – народ блаженный!» – сказал кто-то.

Якса был против. Но его никто не стал слушать.

– Потерял Якса разум. Свихнулся. Сошёл с ума, – говорили одни.

– Большой умом! А с больного какой спрос! – судачили люди помягче.

Самолёт летел. Рядом с Савой сидел Учитель. Был ли он доволен всем происшедшим или нет — Сава не понял.

Впереди и позади Савы сидели юркие, весёлые люди, которых все называли звучным словом: КОММУНИСТЫ. Ещё одно имя было у этих людей: КРАСНЫЕ. Хотя ничего красного у них кроме флагов не было. Глаза их горели, будто жаркие угли. От них исходила энергия, сила. Сила ярая, колдовская. Но не шаманская, не божественная. Не злая, и не добрая. Загадочная какая-то... Даже Якса, кажется растерялся. И всё же он сказал: «Буран пришёл, буран ушёл... И КРАСНЫЕ УЙДУТ, а ТОРУМ ОСТАНЕТСЯ»

Но теперь никто не обращал внимание на Яксу: разве у больного может быть здоровый ум?!

Тем более он как заведённый повторял:

БЕЛЫЕ...

КРАСНЫЕ...

БЕЛЫЕ!

КРАСНЫЕ!

БЕЛЫХ НЕ БУДЕТ!

КРАСНЫХ НЕ БУДЕТ!

БУДУТ ЖЁЛТЫЕ!

НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ ЖЁЛТЫЕ!

ЖЁЛТЫЕ! ЖЁЛТЫЕ! ЖЁЛТЫЕ

— Что ты мелешь, старый! Мы, красные, победили! И на все времена! — снисходительно глядя на шамана, говорил красный командир с наганом

на боку. Так в снегах Севера рождалась КРАСНАЯ ЛЕГЕНДА. Вместе с этими легендарными людьми летел Сава.

— Самолёт — хорошо! — мечтательно сказал Учитель. Сава посмотрел в глаза Учителю и спросил неуверенно:

— А управлять этой крылатой лодкой трудно научиться?

— Ты хочешь этому научиться? — спросил Учитель, вдруг оживившись. — Как тебе сказать. И легко, и трудно. Было бы желание. Тогда всё можно одолеть. А учиться тебе надо. Много надо учиться и как следует.

— Я читать умею, — с достоинством ответил Сава. Сава верил твёрдо, что он выучится и водить самолёты и даже делать их. Но вдруг вспомнил, что он когда-то хотел быть охотником, потом учителем. Сава смутился.

— А что, — спросил он, — кем лучше быть — лётчиком или делать самолёты? — про учителя он постеснялся говорить...

— Всем хорошо быть, — ответил Учитель, — надо только много знать, выучку иметь. Вот ты говоришь, что уже умеешь читать и считать. Ну-ка, посмотрим, как ты дело знаешь. Умножь мне...

Учитель назвал две цифры. Сава раньше знал, как их складывать и сколько получится. Но тут, как назло, позабыл. Правда, последние дни были

наполнены столькими событиями: всё вылетело из головы.

– Ну? – спросил Учитель.

Лицо Савы залилось краской, будто он стоял на морозе. Стыдно стало.

– Вот видишь, ты забыл. Как же ты управлять самолётом будешь? Там всё считать надо и знать надо... А учиться будешь – всё будешь знать.

Саве хотелось поскорее учиться.

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ

Берёзовские лиственницы

Обласканы инеем выюги
И светом брусничной зари,
Они, вековые подруги,
Сюда как на праздник пришли.
У Сосьвы стоят величаво.
Распахнут для них горизонт.
Давно обрели свою славу,
К ним люди идут на поклон.
Их Меньшиков гладил рукою,
И Ваули взглядом ласкал.
А эту вот лиственень зимою
Однажды я сам целовал.
Стоят, словно воины, дружно,
В них – стойкость таежных людей.
Порой для души очень нужно
Касаться священных ветвей.

Вьюга

Вьюга с воем, стоном, свистом
Ворвалась к нам в декабре.
Кедрачи Ханты-Мансийска
Утонули в снежной мгле.
У холмов, на лыжных трассах
Гонки вихрей провела,
Где катались на салазках –
По два храма возвела.
Волчья стая от испуга

По логам в снега ушла.
До утра кружила вьюга —
Разудалая душа.

Спи, мой лес.
Сейчас ты, как ребёнок,
До зари задумчиво притих.
И ручей, ворующий котёнок,
Приютился у колен твоих.
Мы с тобою, лес,
Как братья стали.
Нам шагать с тобой —
рука в руке.
Без меня ты —
сохнешь от печали,
Без тебя я —
буду жить в тоске.

Спасённая бабочка

Как лист, она упала с ветки,
Упала в тень травы сухой.
Ей нужен луч живой рассвета,
Растает холодок ночной.
Я оказался на поляне
В мгновенья эти утром рано.
Она озябла ночью, видно:
Два крылышка слились в одно.
Я подошёл к ней тихо, скрытно,
Спасать — от рода мне дано.

Я это хрупкое явление
Отнёс на тёплый бугорок.
И бабочка пришла в движение –
Похожей стала на цветок.
На крыльях охристого цвета
Шесть белых пятнышек взошли.
Она – посланец чуткий лета,
Она – мираж его души.
Она – как звук травы – взлетела,
Кружилась, радовалась, пела.

Чудо

Белая июньская ночь дышала ароматом цветущей черёмухи. Всё в этом мире казалось сейчас прекрасным. Да и как иначе, ведь человек создан природой для наивысшего блага – для радости жить, для умения видеть и понимать красоту.

Такие восторженные чувства переполняли сейчас душу молодого охотника Николая Корикова. Он сидел у настёжь распахнутого окна с Алексеем Полуяновым, зятем, парнем лет двадцати пяти, гостем из Краснодара.

Горизонт, одетый в широкую оранжевую опояску, тихо мерцал. Словно где-то внизу затухал гигантский костёр. И жаркие искры его время от времени попадали на эту опояску, вспыхивали, гасли.

Над логом, над ручьём, бегущим между двумя кедровниками за деревней, плавали прозрачные, синевато-белые вуали тумана. На розовой глади

реки плескалась рыба. Ей тоже не спалось в белую ночь.

– В такую ночь, Алёха, камни плачут, – задумчиво сказал Корилов.

– Заплачешь... – приняв за шутку слова Николая, улыбнулся Полуянов. – Девчатам сейчас, небось, райские сны видятся... Стой, стой, – помолчав, спохватился гость, – правда, что ли, плачут... камни эти?

– Плачут. Горько им. Слепые они. Хотят видеть белую ночь, а не могут. Вот и плачут... Сходи в лог, есть там один камень. Так он теперь весь мокрый, в слезах.

– Чудно что-то, – недоверчиво покачал головой Полуянов.

– Чудно, – вздохнув, согласился Корилов. – Вон ту берёзу видишь? Во-он, что на бугре?

– Ну, вижу... Берёза как берёза.

– Нет, это не простая берёза. Особой белизны. Будто на парном молоке её растили, холили. Лебязья белизна, тёплая. – Корилов помолчал, посмотрел на свои часы, спросил: – Хочешь чудо посмотреть?

– Давай, корми чудесами, – рассмеялся гость.

– Тогда гляди на берёзу. Через десять минут она... Ну, сам увидишь.

Вершина берёзы вдруг озарилась малиновым светом. Ветки затрепетали. На них вспыхнули лучистые серебряные звёздочки – будто с неба упали.

Малиновое зарево, опускаясь сверху, быстро окутывало дерево. И сыпало, сыпало на ветки его звёздочки – эти брызги хрустальных лучей. Не прошло и минуты – берёза вся, до листика, была в праздничном, ликующем сиянии, свечении радужных огней.

– Как новогодняя ёлка, – прошептал Николай.

– Вот диковина! Вот чудо! – высунувшись по пояс из окна, говорил Полуянов. Его глаза, расширенные, большие, блестели. Бледно-малиновый ореол на макушке берёзы растаял. И кто-то неведомый стал гасить звёздочки. Цветная накидка зари стремительно опускалась с ветвей на землю. Через четыре секунды берёза снова была в своём природном, естественном наряде.

– Солнце встало, – сказал Николай.

– Бывает же такое... – Алексей отошёл от окна. Чувствовалось, что он взволнован. – Расскажу дома – не поверят. Ей-богу. Байки, мол.

– А ты сюда привези, – рассмеялся Николай.

– Придётся... Пойдём, вздремнём хоть часок, – предложил гость.

– Какой теперь сон? На реку схожу.

– Ну, смотри.

На том и разошлись.

Только

Идёт Только лесной тропкой. Голову повесил. Чубчик белёсый, будто трава, хваченная инеем, поник. А, бывало, тряхнёт им, улыбнётся карими,

словно спелый кедровый орех, глазами, и весело всем станет.

Вчера кто-то порезал ножом рыбацкий невод – всю стену исполосовал. Рыбаки решили: кроме Тольки некому так озоровать. Обидели парня. Не его это рук дело. Идёт он задумчивый. Я знал, куда он направился. Работал я в то время лесником. Каждый уголок окрестный знал и помнил, как морщины на лбу родной матери. Любимым моим местечком была поляна близ тихой и глубокой протоки Рябины. Росла на той поляне голубика, синяя, душистая. А вокруг сосны, рослые да беспокойные, все шепчут и шепчут. О чём? Мы с Толькой знали о чём. Да, знали. Если тяжело на сердце, беда какая, ветви зелёные поют и поют: не горюй, не горюй. Живи, живи, живи.

Часто приходилось Тольке бывать у этих сосен. Не любили его в деревне. А за что?! Жила на отшибе деревни бабка Дена. Дремучая старушка. Совой её звали. Как сова боится белого дня, так и бабка Дена пугалась всего нового. И когда в нашу таёжную деревушку пришли весёлые бородатые геологи нефть искать, хлопнула сердито дверью бабка:

– Того и гляди шабаш устроят, проходимцы.

Только быстро сдружился с геологами. По этому случаю между Толькой и Деной такая словесная перепалка случилась.

– Рыбак, оно известно, видит своего дружка издалека, – бросила старушка камень в огород Тольки.

– Геологи – друзья надёжные, – улыбнулся Толька.

– Оно и видно – гуси перелётные, как ты. Был конюхом, стал рыбаком. Теперь, видно, в геологи метишь...

– А что? Геологи сказывали мне, что они второе солнце под землёй ищут. Вот это солнце я тебе и подарю, бабушка.

Дена понимала – на чью избу парень вербу клонит. Были свои счёты с Толькой и у Серёги Ендакова. По жизнь не забыть, наверно, тот жаркий июньский день, ту первую встречу с Толькой на охотничьей тропе, случайным свидетелем которой оказался я.

Пробирался я звериными тропами к берегу Конды. Тайга кишела оводом. Голову кружил разнотравный и разнолистный ароматный настой. В такую пору звери тень и воду ищут. Заходит, к примеру, лось в реку или в озеро, ушами прядёт, фыркает. Хорошо, благостно ему: овода нет, прохладно на ветру. Часами стоит он так в воде.

Отдыхающий в воде лось – заманчивая приманка для браконьера. Тут нашему брату – лесникам и охотинспекторам – нужен глаз да глаз.

Раздвигая таловые прибрежные кусты, услышал я крики, ругань, стоны. «Наверно, рыбаки за-

теяли драку», – подумал я и прибавил шаг на голоса.

На открытом всем ветрам поляне я увидел Тольку. У его ног ужом извивался Сергей Ендаков. Толька, ловчась, норовил поддеть его кулаком. Я подскочил к Тольке, оттолкнул его.

– Лося убил, сволота, – сказал Толька. Руки его подрагивали. На лбу набухала, как туча перед дождём, багрово-синяя шишка.

Я подошёл к иве. В воде. Подёрнутой алой зоринкой, лежал лось. Рядом с ним валялось ружьё. Потухший глаз лося и чёрный глазок ствола в упор немигающе смотрели друг на друга. Подошёл Ендаков, заверещал:

– Не губите, ребята. Век буду молиться за вас.

– Ты всю жизнь молишься, – отрезал Толька. – Молишься, а паскудничаешь... Штраф плати, вот так.

Штраф Ендаков уплатил. Зато у Тольки появился недруг. Подвыпив, Ендаков говорил:

– Надо гнать его из деревни, мужики.

Мужики молчали. А из деревни Толька вскоре ушёл сам. Ушёл навсегда. Было так.

Из соседнего колхоза прислали нам на подмогу трактор – озимые пахать. Захотелось трактористу в субботний вечер девчат на своей грохотуле-машине покатать.

Идёт трактор деревенской улицей – дома подрагивают. Спустился по взвозу к берегу реки, потом – обратно.

Не снижая скорости, вывел водитель стальную громадину на проезжую дорогу – и к магазину. Там народ. Девчата в кабине визжат, хохочут, удовольствие им одно. Не видит тракторист за шутками и смехом, что его машина на ребёнка идёт. Играет малыш на дороге, тоже не видит ничего. Увлёкся бабками.

Два метра осталось грохочущей машине до трёхлетнего карапуза. Ахнул народ. Замер от неожиданности беды!.. Но что это?! На обочине ревмя ревьёт мальчонка. А под гусеницами лежит Толька. Успел он всё-таки выхватить малыша.

Хоронили мы Тольку всей деревней. На могиле впервые называли моего друга по имени-отчеству: Анатолий Семёнович, словно стало ему не семнадцать, а все сто лет. Много сердечных слов было сказано на могиле. А Роман Митрофанович, шалый конюх колхоза, подошёл ко мне, положил дружески руку на плечо, уронил взгляд в землю, сказал:

– Вот и пошевелить нас некому будет. А?..

Ещё больше удивился я, когда, возвращаясь с похорон, увидел на крыльце дома сгорбленную, притихшую Дену. На её лице, в канавках морщин, лежали сухие слезы.

– Что плачешь, бабка? – сказал я. – Ругаться не с кем будет?

– Ты на старуху не обижайся, – встрепелась Дена. – За старухой век. Мне есть куда оглянуться.

– Вот и пойми вас, – махнул я грустно рукой.

Этим же летом уехал я учиться в лесотехнический техникум. Вернулся в родную деревню только на четвертый год, на работу в соседний леспромхоз. Защемило сердце, когда увидел я за поворотом дороги кладбище, знакомую зелёную оградку. Толька! Друг мой!..

На окраине деревни встретился мне мальчуган с букетиком цветов.

– Петя, – окликнул я его, – не узнаёшь дядю Васю?

– Дядя Вася! – обрадовался мальчик, заулыбался, подбежал ко мне. – Mamka говорила, что вы с дядей Толей дружили.

– Дружили.

– А ещё мамка говорила, чтобы я дядю Толю не забывал. Это я ему нарвал цветов.

Помолчав, мальчик устремил на меня свои серьёзные глазенки.

– Я тоже рыбаком буду, как дядя Толя.

Я с нежностью погладил мальчика по голове. В конце улицы показалась бабка Дена. Увидев старушку, мальчик юркнул за мою спину.

– Здравствуйте, бабушка, – поздоровался я.

– Здорово, орёл, – стрельнула по мне бабка цепким взглядом и тотчас перевела его за мою спину.

– Пря-ячешься, озорник... Я вот тебя...

Мальчик крепко ухватился за мою руку.

– В огород вчера лазил ко мне. Огурец стащил самый что ни на есть рослый да спелый. На семена думала оставить его, – опершись на посох, жаловалась Дена. – Ходила вот к его матери... Весь в Анатолия растёт, пострелёнок...

Жизнь шла своим чередом.

**АНИСИМКОВА
МАРГАРИТА КУЗЬМИНИЧНА**

Танья-богатырь

Давно замечали пастухи-оленоводы болота, которые и в жгучие морозы не промерзали, дымом курились.

– Дурной дух из земли идёт! Олень морду воротит в сторону, – сокрушались пастухи.

А олени сердито били крепкими копытами богатые мхом кочки, фыркали широкими ноздрями и бежали прочь из этих мест – вкусный чистый мох искать, который летом пахнет грибами да сочными ягодами, морошкой и клюквой.

– Побежал олень! Видно, земное тепло близко! – говорили оленоводы. Собирали, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озёрах видеть, как плавали на волнах большие чёрные жирные пятна.

– И сюда земное тепло из земли вылезло, – говорили они.

А охотники – те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую – подожгут её. Вспыхнет пламя, озарит округу и начнёт слать тепло.

Хоть с опаской, а все тянулись к теплу: руки, ноги погреть у костра, чаю попить.

Сидят у огня, про всякие небылицы лесные рассказывают; ну, конечно, и про земное тепло не умолчали, про Танью-богатыря вспомнили, что

давно это было... Когда ещё могучая Ась в берега не входила, когда вместо озёр, болот море-океан на просторе гуляло, когда на месте великанов пихтачей тонёхонькие тальники на ветру свистом свистели, напали на племя Алыча князья богатые с войском сильным. Много дней подряд стрелы свистели в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыча, да не хватало сил. Одолели их враги. Крепким сном уснули его воины.

Сколько стонал от ран Алыч-воин, никто про то не знает, только разве птица-халей.

Но не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угоды богатые врагам. Видит Алыч – халей летает, машет с утра до ночи крыльями, будто ищет кого.

А вокруг тишина стоит: вся округа смолкла, вымерла. Вдруг в испуге как прокричит халей:

– Лах! Лах! Лах!

Вздвогнул Алыч, хотел приподнять голову, а в глазах круги тёмные вертятся, а халей всё кричит, будто зовёт воина. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по другую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле, будто прильнул, и зовёт шёпотом:

– Халей! Халей!

Услышал острокрылый халей, крылья сложив, камнем свалился.

– Лети, халей, к Танье. Поначалу по могучей реке лети, ни в одну протоку не свёртывай. А как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черёмушную, тут и ищи его. Танью сюда пошли. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть. – И закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел халей, прижался к реке, крыльями воду режет. Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черёмушную – и давай кричать:

– Лах! Лах! Танья-богатырь! Лах-лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке играет, плавниками о воду бьёт; слышит, как ветер с тальником разговор ведёт. А Танью не видит. Дальше полетел халей, леса дремучие пошли, а он снова кричит:

– Лах-лах! Танья-богатырь! Лах-лах, где ты?

Снова к реке могучей вылетел. Веселее по ней лететь халею. Вдруг грохот в стороне раздался. Вздвогнул халей, одно, потом другое перо с усталых крыльев на воду пали.

Видит халей – богатырь по колено в воде стоит. На нём рубаха красная, замысловатыми узорами расшитая, на голове тугие две косы, нитками разноцветными переплетённые, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками; нож большой охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук огромный, через плечо перекинутый. Стоит бога-

тырь, руками-вёслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного. Догадался халей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не донесли крылья птицу, в полёте измученную, пал халей поодаль на гриву песчаную, слышит плеск воды, да головы поднять, крылья расправить сил нет.

– Танья-богатырь! Танья-богатырь! – шепчет халей. Подошёл богатырь, поднял халея, расправил крылья да спрятал себе за пазуху.

Скоро тепло Таньи оживило халея.

– Зачем дорогу большую летел? Зачем Танью звал? – спросил богатырь.

– Воин Алыч послал Танью искать, а найду – сказать: пусть вперёд ветра летит Танья, не то всю землю враги топтать будут.

Выпрямился Танья-богатырь. Плечи расправил да говорит халею:

– Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошёл к реке Танья, по колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока его нярки¹⁶ из воды не показались. Повернул круто Танья да к лесу направился. Схватил сосну под самый комель да на берег с корнем легохонько вышвырнул. Подошёл к кедру, потянул да сам по колено в землю увяз, а кедр только ветками помахивает.

¹⁶ Нярки – нарядная, сшитая из оленьей шкуры обувь.

Снова вернулся Танья к реке, снова по колено в воду встал и пил, пока река наполовину меньше не стала. Полетели тогда к берегам кедры, пихтачи и лиственницы, а халей со страху спрятался в тальниках прибрежных да за Таньей поглядывал.

— Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать! — громом прокричал Танья и пал на колени лицом к солнышку, поклон низкий земле отца-матери послал, горсть земли поцеловал да в лузан¹⁷ спрятал, перекинул лук и крикнул халею: — Не отстань от меня, птица!

И замерял Танья землю шагами-вёрстами. На широких лугах трава к земле гнулась, молчаливая тайга расступилась, ветер крылья свои отдал Танье.

Раз один да ещё один солнце пряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы-халея. Остановился Танья. Видит: халей низко у земли летит. Прислушался Танья. Слышит стон кругом. «Неужто земля человеком стонет?» — подумал богатырь.

А стон всё громче да громче, прямо за сердце ловит Танью.

Выбежал богатырь на берег да замер на миг. На берегах воины будто уснули, только чёрной тучей над ними вороны кружат, орут. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие калданки плавают. Притаился Танья, ночи скорой

¹⁷ Лузан — сшитая из войлока одежда.

дождался да Алыча-воина искать стал. Долго ходил по берегу, через убитых братьев перешагивал. Да снова услышал халея стон. Побежал Танья на крик, тут и Алыча нашёл.

Взглянул Алыч в чистые глаза Таньи, вздохнул полной грудью, и слеза тёплая по щеке покати-лась. Взял богатырь её в ладонь да к реке могучей отправился. Опустил в реку слезу воина, почернела река, расходилась, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов калданки все. А Танья тем временем достал из лузана землю родную да всю на берег высыпал. Застонали, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой пошли. Прогремел Танья громким голосом, затряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взлетели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца и края войску вражьему.

– Ничего, Танья-богатырь. Веди нас, – проговорил Алыч-воин. – На родной земле и заяц силён.

И пошёл Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Танью летели, а он словно от комариного роя отмахивался. Развернёт плечи Танья, только кости хрустят, и летят тогда враги в разные стороны. Кто в реку летел, кого через лес перекидывал, кого к небу богатырь подбрасывал.

Сколько шёл тот бой, разве Торум знает, не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало.

Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мёртвым сном, теперь беспробудным сном. Не осталось у Таньи живительной земли целованной, земли от отца-матери.

Только Алыча-воина в этот раз стрела не задела, не ранила. Видит Алыч: Танья к реке тяжело идёт, пошатывается, да и повалился вдруг от усталости или от многих ран, не понял Алыч. Побежал к Танье и видит, как у него из глаз свет выкатывается, а из ран всех кровь густая горячая хлынула. Подбежал Алыч к реке, притащил воды в пригоршне, только губы Танье помазал, а кровь так и свищет, так и хлещет.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря, хватить – не может. Силой бог не наградил Алыча. Давай бегать Алыч к берегу да к Танье, как горностай, туда-сюда. Одну рану водой зальёт, десять других открываются. А Танья-богатырь распластал руки в разные стороны, обнял землю и захрапел.

Видит Алыч – нет толку от старания его. Сел Алыч около Таньи, задумался. «Птица мест родных не забывает, а человек и подавно, – думает воин. – Надо Танью тащить к земле отца-матери».

Нарубил Алыч ваги¹⁸ из молодых сосен, уложил на них Танью и поволок. По лесам волок и лугам, около озёр и болот. А из ран Таньи кровь ручейками горячими в землю пряталась.

¹⁸ Вага – жердь, подпорка.

Долго вёз Танью Алыч, долго плутал по тайге. Обернётся, поглядит и заплачет воин: Танья-богатырь всё меньше и меньше становится. Да, видать, привёз Алыч Танью на родную землю. Открыл Танья глаза, вздохнул глубоко да и потерялся весь, только глубокая яма на этом месте осталась да блеском чёрным вода на озёрах, болотах покрылась вокруг.

— Посиди, отдохни, я след Таньи посмотрю, — сказал халей Алычу и улетел.

Долго летел халей. Прилетел, сел на вагах, где Танья лежал, закрутил головой из стороны в сторону, снова взлетел и прокричал на лету:

— Плачь не плачь — нет Таньи. Нюхай не нюхай — всё кругом Таньей пахнет. Когда солнце светить не будет — тогда люди Танью забудут. — И улетел халей, жалобно крича.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Танье-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

— Река сохнет — название остаётся. Богатырь погибает — имя в народе живёт, — говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли люди земное тепло и что горячую кровь богатыря Таньи нефтью звать стали.

Оленья шкура

Затосковал старый Суеват, когда в сосновом бору схоронил свою старуху. Ночи стали длинными казаться, дни тёмными. Опустились плечи, отяжелели ноги, а в голове будто метельные бури зашумели. Перестал Суеват слышать лай собак, токование глухарей, свист уток, мычание оленей. Тоска подкралась да и извела человека.

Попросил он сыновей принести из лабаза старую оленью шкуру, подстелить под него.

День лежал на ней Суеват, два лежал, три лежал, а потом и говорит сыновьям:

– Не уходите на охоту далеко от чума. Как начнёт солнце за тёмный пихтовник прятаться, – торопитесь. Скоро я умирать буду.

Не хотели сыновья такие слова от отца слышать, да только знали: попусту отец слов не теряет, на ветер их не пускает.

Прошло ещё несколько дней. Вытянулся Суеват на оленьей шкуре, положил сухие длинные руки под голову, уставил в звёздное небо глаза и долго смотрел, прощаясь со звёздами и облаками. А когда холодная слеза покатилась по частым бороzdкам у глаз да спряталась в редкой бороdёнке, окликнул сыновей.

Присели они у изголовья Суевата, слушают, что он скажет.

Приподнялся Суеват на локтях, посмотрел каждому в глаза. Видит – лица у всех побелели, губы

пересохли, а свет в глазах старших сыновей недобрый, так в них и пляшут огоньки нетерпения и жадности. Только у меньшего – Куземки – на ресницах слёзы дрожат.

Застонал Суеват, лёг на шкуру, закрыл глаза и говорит:

– Как умру я, увезите меня в сосновый бор, поближе к матери. Везите меня сидя на оленях, чтобы сам Торум видел, что поехал я к нему, как оленщик.

– Отвезём, отвезём! – в голос ответили старшие.

– Как изловите на пастбище оленей, поровну всех разделите. Не обижайте друг друга.

– Разделим, разделим! – согласились сыновья.

– Как станете шкуры делить, то вот эту старую, что подо мной лежит, младшему, Куземке, отдайте.

– Отдадим, отдадим! – сказали сыновья.

Закрыв глаза Суеват да так после и не открывал их, больше не посмотрел ни на кого, умер.

В это время вбежали в чум жёны старших братьев и давай кричать на своих мужей:

– Чего вы перед ним на коленях сидите? Куда он денется? Чего по сторонам смотрите? Делите скорее оленей, мы уже стадо пригнали!

Вскочили старшие братья, выбежали из чума вслед за своими жёнами.

Стадо у Суевата было большое, олени сытые, большерогие. Быки с бородами длинными. Бегают олени по округе встревоженные, шарахаются из стороны в сторону, купаются в глубоком снегу, мычат, из сил выбиваются, убегая от разъярённых собак, которые лаем и визгом своим пугают их, стогняют к речной долине.

— Ловите быков! Ловите коренников! — кричат жёны. — Чего вы с этого дырявого чума глаз не спускаете? Остался там Куземка, он и похоронит отца. Не больно трудная эта работа.

Не посмели старшие братья послушаться своих жён. Стали ловить оленей да делить тут же между собой, а про Куземку совсем забыли.

Слышит Куземка — тихо вокруг стало. Прикрыл он оленьей шкурой отца, вышел из чума. Видит: стоит в стороне упряжка из трёх оленей, а на снегу остались только следы от отцовского стада да оленьих нарт. Подогнал Куземка упряжку к чуму. Одел отца в савик, в котором он на охоту да в дальние стада ездил, пояс застегнул со всеми амулетами, положил на нарту оленью шкуру, посадил отца на правую сторону, дал в руки ему хорей, а сам на левую сел, с какой всякий каюр садится. Погнал оленей неторопко. Понесли они нарты в сосновый бор. Там и схоронил Куземка отца. Только положил на его могилу охотничий лук, как буран поднялся. Заметелило вокруг, зашумели деревья, заскрипели сухими стволами су-

хары, затрещали, застреляли перемёрзшие сучья. Почуяли олени пургу, сразу в снег легли. Подбежал к ним Куземка, хотел между ними лечь погреться и видит: поднялась с нарты старая оленья шкура, покружила у него над головой и расстелилась на снегу перед ногами Куземки. Только успел Куземка встать на неё, она обняла ему плечи, прикрыла ноги. Вроде и дырявая была шкура, а как подлетела – ворс поднялся, густым стал, мягким. И такое тепло от неё пошло, будто материнские руки Куземку погладили. Так и не заметил Куземка пурги, не тряс его озноб, не щипал за щёки и нос мороз, не летел снег за шиворот. Обогрела его старая оленья шкура.

Приехал он к чуму, отряхнул шкуру, положил её в угол.

Пусто, сиротливо стало Куземке одному в чуме да и обидно, что не пожалели его братья, не взяли с собой, одного оставили, завещанного отцом пая не дали. Только подумал он так, а шкура в углу пошевелилась, приподнялась, подлетела к Куземке, расстелилась у его ног. А на самой середине её лук оказался со стрелами, охотничий нож в резных ножнах да тынзян. Посмотрел Куземка, отодвинул тихонько от себя подарки, руки за спину спрятал, а шкура перевернулась и положила всё это у его ног, а сама снова в угол улетела.

Не стал Куземка долго раздумывать, взял подарки, сел на упряжку, поехал на охоту. А в охоте

он был удачлив. Может, оттого, что уголья отцовские были богаты, может, сноровка у Куземки была и стрелы сразу нагоняли зверя, может, дырявая оленья шкура помогала ему, только скоро о Куземке заговорили в округе. Купцы в его сторону стали почаще заглядывать.

Прослышали это жёны старших братьев, рассердились, ночи спать перестали, на шкурах с боку на бок ворочаются, всё думают, как же мужей своих к Куземке послать, отцовский чум раскидать, выгнать Куземку с родного места.

В один из дней встала старшая жена и говорит:

– Сон я видела, будто Куземка сжечь отцовские уголья надумал. Пламя хочет пустить по борам и кедровникам!

– А я видела во сне, – с плачем сказала вторая, – будто Куземка весь ягель истоптал, чужие стада в отцовские пастбища пустил.

– Так мы же сами угнали оленей из родных мест. Сами Куземке только одну упряжку оставили, – ответили жёнам братья.

– Поезжайте к Куземке! Поезжайте! Узнайте, откуда он столько зверя берёт.

Нечего делать братьям – поехали. Едут, смотрят по сторонам, видят много вокруг следов соболей, беличьих, горностаевых. Подальше поехали – стали попадаться следы росомых и рысей. Заехали в бор, а там гул поднялся от взлёта боровой птицы. Небо закрыли птицы своими крыльями.

Молчат братья, едут дальше. Отцовский чум показался.

Прислушался Куземка к бегу упряжек. По звону сразу узнал отцовские колокольчики. Выбежал из чума, обрадовался встрече с братьями, угощать стал.

Сидят братья, молчат, а потом старший и говорит:

— Мы приехали в отцовских местах поохотиться. Обрадовался Куземка, что не один будет ходить по лесу, заулыбался и говорит:

— Хороши отцовские уголья. Зверя всем хватит. Зря вы отсюда уехали. Хватило бы здесь всем места.

Молчат братья. Нечего им ответить Куземке.

Как только пришло новое утро, старший брат и говорит:

— Я с дороги отдохну ещё, а вы идите на охоту вдвоём. Я вам еду приготовлю, чум натоплю.

Ушли Куземка со средним братом на охоту. Остался старший брат в чуме, перевернул все шкуры, пересмотрел все пустые берестяные туески. Пока дрова рубил, котёл скоблил, полдня прошло. Стал мясо варить. Сварил мясо, поставил его в сторону, сидит, ждёт братьев с охоты.

Вдруг в дальнем углу шум раздался. Видит: повалились в углу шкуры — и вышла из-под земли старая чёрная баба. Волосы длинные, как салом намазанные блестят, руки худые чёрные, платье

длинное, до пят. Села перед старшим братом на корточки, смотрит на него, потом как дыхнёт на огонь. Чувал¹⁹ как ожил – затрещали дрова, искры в небо столбом поднялись. Испугался старший брат, слова вымолвить не может, ноги под себя спрятал, сидит ни жив ни мёртв.

– Ага, это ты! – закричала чёрная баба. – Воротился. Про отцовские угоды вспомнил.

А старший брат сидит, молчит.

– А я за Куземкой пришла. Тебя мне не надо. Жадный ты! – сказала чёрная баба, забежала по чуму, обнюхала все шкуры, схватила котелок с мясом, съела всё, фыркнула старшему брату в лицо и обратно в землю полезла.

Пришли Куземка со средним братом с охоты с хорошей добычей, а в чуме холодно, чувал еле теплится, еда не сварена, а старший брат на шкурах лежит, морщится, стонет, больным притворяется.

Нечего делать: разжёт Куземка огонь, сварил мяса, поели все, ободрали с убитых зверей шкурки, сушить повесили, спать легли.

Утром старший и говорит:

– Пусть сегодня в чуме средний брат останется, еду нам сварит.

Остался средний брат. Тоже, как старший, общарил все углы, все берестяные туески. Только сварил мясо, а из земли снова чёрная баба вылезла.

¹⁹ Чувал – очаг.

Побегала по чуму, съела в котле всё мясо, потрясла за шиворот среднего брата, крикнула ему в лицо хриплым голосом:

– За Куземкой я пришла. Тебя мне не надо! – и обратно в землю ушла.

Пришли с охоты Куземка со старшим братом, а есть опять нечего. Катается по шкурам средний брат, за живот хватается.

– Ладно, идите одни на охоту, – сказал Куземка братьям на новое утро. – Я останусь в чуме, еду вам сварю.

Ушли братья. Быстро сварил Куземка еду, освежевал белок, сидит у огня, стрелы делает. Вдруг в углу треск раздался, повалились шкуры – и вылезла из-под земли чёрная баба. Глаза уставила на Куземку, руки худые к нему протянула.

Испугался Куземка, а виду не подал, говорит:

– Чего глазищи уставила? Или есть хочешь? Ешь, я братьям ещё сварю.

Замотала чёрная баба головой, закружилась вокруг Куземки и давай его за ворот рубахи хватать.

– Ты чего это балуешь? – спросил её Куземка. Зафыркала чёрная баба, от её дыхания в чумале искры затрещали, дрова вспыхнули.

– Пойдём со мной, Куземка! – присев перед огнём на корточки, сказала чёрная баба. – Тебе одному хочу земное тепло показать. Сердце у тебя

доброе и жадности никакой нет. Давно я такого человека искала.

— На что мне твоё земное тепло? Мне и этого хватит.

— Ох, ох! — простонала чёрная баба. — Ничего ты не знаешь. Тепло, которое я тебе покажу, может всю твою стылую землю отогреть.

— Не надо мне твоего тепла, чёрная баба! Уходи подобру! Уходи, пока мои уши не устали тебя слушать.

Но не успел Куземка обернуться, как чёрная баба подскочила к нему, схватила его за волосы и потащила в яму. Не оплошал Куземка, перебросил бабу через себя, перекрутил ей руки и ноги ремнями и толкнул в угол на шкуры.

В это время возвращались с охоты старшие братья. Подходят к чуму, дрожат, а как увидели в углу чёрную бабу, забормотали всякие заклинания, спрятали головы под шкуры.

— Вот отчего у вас животы болели да еда не варилась! — сказал Куземка братьям. — Не бойтесь её, идите есть. Ничего вам не сделает чёрная баба. Крепко держат её ремни сыромятные.

Наутро и говорит Куземка братьям:

— Давайте посмотрим, откуда к нам чёрная баба пришла.

Испугались не на шутку старшие братья, замахали руками, попятились назад, хотели выскочить из чума, сесть на упряжки и уехать домой.

– Не надо, Куземка! – просят братья. А Куземка своё:

– Несите сюда ремни длинные! Спустимся, посмотрим, про какое земное тепло говорит чёрная баба.

– Боимся мы! Домой поедем! – чуть не плачет старший брат.

– Полезай ты первым! – сказал Куземка, будто и не слышал его слов.

Нечего делать. Подошёл старший брат к яме и говорит:

– Как только я закричу, тяните меня наверх.

Полез он в яму. Сколько ни храбрился, а как только голова скрылась под землёй, закричал не своим голосом. Вытащили его скорее наверх, а он трясётся от страха, слова сказать не может.

Нехотя полез в яму средний брат. Тоже закричал, не успев с головой под землёй скрыться.

Пришла очередь Куземке лезть. Перед тем как сесть в ременную петлю, постелил он на неё оленью шкуру и говорит:

– Если я закричу, не тащите меня наверх, а ещё скорее вниз спускайте.

– Ладно, ладно! – согласились братья.

Только Куземка сел на ремни, только скрылся под землёй с головой, братья тут же перерезали ремни, потом подбежали к чёрной бабе, перерезали ремни у неё на руках и ногах, а сами скорее

выбежали из чума, сели на оленье упряжки и погнали оленей во весь мах.

Полетел вниз Куземка. Подхватила его дырявая оленья шкура и понесла по подземелью. Видит Куземка – за ним чёрная баба летит. Подол юбки – как хвост большой птицы колыхается, широкие рукава как крылья, длинные волосы – как перья. Увидела Куземку, захохотала. Как гром под землёй её смех загремел. А внизу видит Куземка реки широкие да пахучие, камни какой-то неземной красоты. Вдруг пронеслась его шкура возле огненного пламени. Осветило зарево всё подземелье, зажмурился Куземка, прижался к шкуре, зашептал:

– Неси меня, шкура, в родные края. Неси меня к нашему солнышку, к нашим широким рекам, к зелёным лесам! Неси меня к моему отцовскому чуму.

Услышала его слова шкура, повернула обратно. Летит. Вдруг промелькнула возле шкуры чёрная баба, да потерялась, а на том месте светлое пятнышко оказалось. Всё ближе и ближе к шкуре подлетает. Видит Куземка – возле него девушка кружится. Малица на ней нарядная, разными узорами расшита, шапка соболя, косы длинные, до пят достают.

– Миснэ это, что ли? – вскрикнул Куземка. – Как ты попала сюда? Или не нравятся тебе наши леса?

А оленья шкура летит мимо, не останавливается. Приподнялся на шкуре Куземка, посмотрел на

красивую девушку и увидел глаза чёрные, искры огненные в них так и прыгают!

– Уходи! – закричал во весь голос Куземка. – Ты не наша Миснэ! У нашей Миснэ, лесной красавицы, глаза, как озёра, голубые да добрые! У нашей Миснэ косы золотистые, белым инеем искрятся! Не подлетай ко мне, чужая девка!

Достал Куземка из-под рубахи лук со стрелами да и выстрелил в девушку. Попала стрела в неё, и раздался под землёй гром. Покачнулись чёрные реки, и взвилась над Куземкой не нарядная девушка, а опять чёрная баба.

– Не улетай, Куземка! – кричит баба, схватить его хочет, а оленья шкура не пускает её.

– Не нужно мне твоё земное тепло! Не нужно! – кричит ей Куземка. – Домой я хочу! Беречь буду оленей и зверей в лесу, лес и реки.

Подняла оленья шкура Куземку ещё выше да скоро и в свой чум доставила.

Обрадовался Куземка. Свернул скорее старую оленью шкуру и унёс её в лабаз до поры до времени. Да так и стал спокойно в родных местах жить. Долго жил не тужил, уже совсем и про шкуру и про земное тепло забывать стал, а тут все про него заговорили. Говорят, где-то оно из-под земли к людям вышло.

Доставал ли свою шкуру Куземка? Летал ли посмотреть земное тепло? Не знаю. Может быть, и летал, потому как утерпеть, наверное, не смог.

**ДИНИСЛАМОВА
СВЕТЛАНА СЕЛИВЁРСТОВНА**

Моё детство было, словно сказка...

Моё детство было, словно сказка:

Добрая, волшебная пора,

Были радость, и любовь, и ласка,

Жизнь тогда ко мне была добра.

Там была волшебница святая,

Мамою звала святую я,

А она, мне косы заплетая,

Говорила: «Доченька моя».

Руки мамы, тёплые, как солнце,

Гладили меня по волосам...

Мама, мама – свет в моём оконце,

Нет конца теперь моим слезам.

Буду помнить радостную сказку,

Добрую, волшебную пору,

Мама нежность, и любовь, и ласку,

Мама, я тебя боготворю!

Я тобою горжусь, родная!

Я тобою горжусь, родная,

Моя дочка, мой лепесток,

Эту песню тебе напевая,

Подарю тебе первый цветок.

Подарю тебе небо и солнце,

Ночью – звёзды, а утром – зарю,

Ручеек голубой за окномцем...

Я весь мир тебе подарю.

Подарю тебе тучку, дождевики,
Пенье птиц в сосновом бору,
А зимой белоснежной – снежинки,
Белый свет я тебе подарю.

КОШМАНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Сказ о Сурень-Нэ

Давно это было. Очень давно. На берегу тёплого ласкового моря жила ослепительной красоты женщина. Не то королева, не то принцесса. И называли её кто Сурень Нэ – Золотой богиней, кто Сорни Най – Огненной женщиной. Многие знатные короли и вельможи сватали её, а ей полюбилось Красно Солнышко. И чтобы осуществить свою мечту, тайно от всех покинула она тёплую родину и пошла вслед Солнцу Красному. Долго шла. Не один год. Не один век. Сколько – лишь она одна знает. И так до каменного пояса земли дошла. А Красно Солнышко за те горы ушло и там скрылось. И пошла Сурень Нэ дальше, где перед ней равнина бескрайняя открылась. Да только та равнина не твёрдой землёй оказалась, а топкой юэнг-янгой. Бесстрашно ступала Сурень Нэ по топям и трясинам. Но трудно было идти по зыбучим местам. И стала Сурень Нэ срывать и бросать впереди себя куски одежды. Но и одежда кончилась, и силы её оставили.

А тут и Красно Солнышко на закат пошло. Бросив печальный взгляд на своего горячо любимого Красно Солнышко, упала Сурень Нэ на кондинские топи и янги и превратилась в эку – старуху. Раскинула руки и ноги от усталости, да так и слилась с нашей Кондинской Землёй на вечные времена, став её богатством.

Там, где упала Сурень Нэ, вместо волос кедрач могучий зеленеет, нос-гора спокойно дышит. Есть и глаза – озёра бездонные. А посреди огромного озера, что носит название Эка-Кахер-тур («озеро старухинового живота»), два островка – груди женские возвышаются. Под руками-ногами святые логга и заливы, полные невероятных чудес, образовались. По берегам птицы прилётные гнездятся, по лесам звери водятся.

Спит Сурень Нэ на Кондинской земле и по сей день. Спит и надеется, что вспомнит о ней Красно Солнышко и своими живительными лучами разбудит её, и вновь она станет молодой и прекрасной Сурень Нэ – Золотой богиней.

Яльвиль

У одного старика-охотника было три сына. Не смог отец сам на охоту ходить, стал собирать старшего. Поделился с ним своими охотничьими секретами, рассказал, где в лесу находится избушка. И отправился старший сын на охоту. Пришёл в избушку уже к вечеру, стал чувал разводить да пищу себе готовить. Только сготовил – собаки залаяли, шум поднялся. Заходит в избушку богатырь Яльвиль.

– Пришёл, сынок?

– Пришёл.

– Кушать сготовил?

– Готово.

– Корми меня, есть очень хочется.

Скормил охотник всё, что сготовил, всё, что из дома принёс. Яльвиль ещё просит.

– Всё, больше у меня ничего нет.

– Раз больше у тебя ничего нет, значит, я тебя съем.

Схватил охотника, порвал на куски и съел.

Дома ждут-пождут старшего сына, дожждаться не могут. Пошёл на охоту средний сын. И с ним такая же история случилась. И этого дожждаться из леса не могут. «Твоя очередь», – говорит отец младшему сыну Лялька.

И отправился Лялька в лес, по дороге зайца убил. Нашел охотничью избушку отца. Темнеть стало. Разжёг чувал. Только поставил чайник кипятить, собаки залаяли. Заходит в избушку Яльвиль.

– Пришёл, сынок?

Лялька сразу же догадался, что братья с этим лесным чудом встречались и от его рук погибли.

– Пришёл, – отвечает.

– Я есть хочу, чем кормить будешь?

– Да вот по дороге зайца убил.

– Давай корми меня.

– А ты разевай пошире рот, я тебе зайца подавать буду.

Раскрыл Яльвиль рот. Схватил Лялька лук и выстрелил Яльвилю прямо в глотку. Выскочил тот из избушки, только его и видел Лялька. Убежал. «Он и погубил моих братьев, – думает Лялька. – Пойду-ка я его искать завтра». Наутро пошёл по

следу Яльвиля и пришёл к его дому. Дом богатый, большой. Туда-сюда посмотрел. «Зайти – не зайти?» – думает. Зайти страшно и судьбу братьев узнать надо. Решил зайти.

– Пришёл, сынок? – опять спрашивает Яльвиль.

– Пришёл узнать, где мои братья.

– Нету твоих братьев. Ты за себя постоял, а они нет.

– За них я тебя и накормил, – говорит Лялька.

– Раз пришёл, будешь жить у меня. Женишься на моей дочери. Но сначала сходишь в наш лес и посмотришь там слопцы. Может, что и попало.

Пошёл Лялька в тот лес, на который указал Яльвиль. Смотрит – домишко стоит. Не большой – не маленький. Вокруг дома собака со щенками бегают. Зашёл в дом. А там старуха сидит. Увидела она Ляльку да как начала ругаться:

– Кто ты такой? Зачем и откуда пришёл? Если наш хозяин узнает, он тебя съест! Чужих в нашем лесу не бывает. Уходи, пока цел!

– Не ворчи, старая. Меня хозяин послал. Привет тебе передал и меня накормить велел.

– Ничего я тебе не дам. Уходи пока ноги носят.

– Тогда дай мне щенка.

– Бери любого и уходи, – ворчит старуха.

Вышел Лялька не солоно хлебавши, взял щенка, засунул его за пазуху и пошёл дальше. Шёл, шёл, ко второму такому же домику пришёл. Опять

возле дома собака со щенятами бегают. В дом зашёл. А там старик сидит. Как увидел Ляльку, ругаться начал:

— Кто ты? Зачем пришёл? Уходи скорее, пока хозяин не появился да не узнал!

— Не ворчи, дед. Дай лучше щенка.

— Бери и уходи.

Пошёл дальше Лялька. Увидел и третий домик. И там щенка взял. Сlopцы осмотрел, назад пошёл. Пока к дому Яльвиля шёл, щенки в собак превратились.

Выросли.

— Ты, хозяин, без нас ничего не делай. Не ешь, не пей. Спать не ложись. Мы тебя от беды защитим, — говорят они человеческим голосом.

Входит он в дом Яльвиля. Пригласили к столу. Лялька незаметно открыл дверь. Ворвались его собаки в дом — и к столу. Схватили со стола хлеб, разорвали его на части и на улицу убежали. Вечером ему мягкую перину приготовили. Вышел Лялька на двор, а собаки уже сидят, его ждут. Вместе с ним зашли в дом, схватили перину и на части разорвали. Из перины той не мягкие перышки посыпались, а иголки колючие. На другой день Яльвиль опять посылает Ляльку слопцы смотреть.

— Иди, сынок, проверь слопцы. Да только собака с собой не бери.

— Как без собак в лесу? Собаки со мной пойдут.

– Я тебе говорю, что собак с собой не бери. Собаки дома останутся. Спорили, спорили, но от правил-таки Яльвиль Ляльку в лес без собак. Ушёл Лялька, а Яльвиль собак в сарай запер и уши им смолой залил.

Оглохли собаки. Ничего слышать не могут. Подошёл Лялька к первому слопцу, поднял его, а из-под него змея зашипела. И во втором, и в третьем слопце тоже змеи оказались.

– Что-то тут не так, – думает. И вдруг слышит, что к нему кто-то тяжёлыми шагами приближается. Аж земля прогибается. Смотрит, а это Яльвиль идёт. Побежал от него Лялька. Бежал, бежал, увидел толстое да высокое дерево, влез на него, сидит на верхушке и дрожит от страха.

– Успел, сынок, – говорит Яльвиль. Упал он на один бок – топор появился, упал на второй бок – торой топор появился. И давай рубить дерево, на котором Лялька сидит. Летят мимо вороны, Лялька их и просит:

– Вороны, вороны, летите к моим собакам и скажите им, что плохо мне. Пусть на выручку идут.

– Ты нас поил-кормил, когда нам трудно было? – и полетели дальше по своим делам.

Летят мимо сороки, и к ним обратился Лялька:

– Сороки, сороки, пошлите мне моих собак.

– А ты нас поил-кормил, когда нам трудно было? – и полетели по своим сорочьим делам.

Летит мимо стайка воробьев, кричит им Лялька:

— Воробьи, воробышки, слетайте и пришлите мне моих собак.

— А ты нас поил-кормил?

— Будете возле моего дома жить. Поиться, кормиться...

Полетели воробьи к собакам. Стали им говорить. А они ничего не слышат. Догадались воробьи, в чём дело, прочистили им уши, сказали о беде хозяина и повели к тому месту, откуда их Лялька послал.

Налетели на Яльвиля собаки, начали кусать да на части рвать. Тут и Лялька помог. Убили они Яльвиля и привязали к тому дереву, на котором Лялька сидел.

— Пусть стоит и вместе с деревом сохнет!

Отдохнул, Лялька и домой пошёл. К себе на родину. Собак с собой взял, и воробьи за ним полетели.

С тех пор воробьи и собаки возле дома человека живут, а лес освободился от злого и страшного Яльвиля.

СЛИНКИН АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ

Общий котёл

В давние-давние времена люди, звери и птицы жили весело и дружно. Дети, детёныши и птенцы не боялись даже грозы, не знали таких слов, как «обида», «обман», потому что их вообще не было. Как они появились – другая история, грустная. А эта – про время, когда никому не приходило в голову тосковать, быть недовольным из-за какого-то пустяка. Если кто-нибудь вдруг оставался в одиночестве, то земля на это немножко обижалась, и пыли на дорогах поднимала больше обычного. Бывало это редко, особенно после того, как на нашу Землю случайно высадились мудрые и весёлые инопланетяне. Посадка была аварийная, из-за того, что кончилось топливо. С обитателями Земли пришельцы сразу подружились, ведь делить-то им было нечего. Назвали пришельцев Стрекотунами, потому что разговаривали они как будто стрекотали. Кстати, земные кузнечики сразу язык пришельцев переняли. Росточком Стрекотуны были с шестилетнего ребёнка, носили густые, ярко-оранжевые волосы до пят. А из одежды только венчики на голове и пояски. Подружились они с землянами настолько, что когда пришла помощь с их далёкой оранжевой планеты, некоторые не захотели улетать. Они до сих пор живут у нас, теперь это обыкновенные домовые. А те, которые улетели, оставили новым друзьям подарки на па-

мать. С помощью хитрой аппаратуры базового корабля они немножко поправили генетику всем желающим модникам, и волосы у тех стали такие же, как у Стрекотунов – ярко-оранжевые. Антилопы и тигры украсились поголовно! Да и среди людей везде можно встретить потомков тех, кто воспользовался подарком. Их иногда дразнят «рыжими». А ещё Стрекотуны подарили людям ааагромадную посудину из сверхпрочного металла, часть корпуса от летающей тарелки. Она лежала в яблонево́й роще и была полна спелых яблок, которые плавали в дождевой воде. Стрекотуны научили людей разводить под посудиной огонь, и проводы инопланетян отмечали вкусным яблочным компотом. С тех пор повелось при всяких важных событиях всем вместе собираться у той посуды́ны. Каждый приносил что мог – кто корзину груш, кто гроздь винограда, а чья-то маленькая ладошка – горсточку лесной земляники. Распоряжалась у котла одна красивая и справедливая девушка. Звали её сначала Та которая угощает. Или просто Та, ведь полное имя называть было трудновато. Она говорила «На!» малышам, и говорила «Ша!!» не знающим меры мамонтам. Те и вымерли-то потом из-за своей жадности. А девушку скоро стали звать просто На-Та-Ша. И каждый с тех пор знает слова «Общий Котёл».

Были, конечно, у дружного народа на Земле не только праздники. Но с любой бедой справлялись

вместе и сразу. А однажды, когда случилась сильная засуха, всех выручил Общий Котёл. Высох большой ручей, который бежал с далёких гор. Люди, звери и птицы спасались от жары в прохладных пещерах и глубоких оврагах. Вода оставалась только в Общем Котле, самые сильные отдавали свою небольшую долю малышам. Деревья засохли и не могли принести плоды. Лишь кустарник «змеиная радость», который рос даже на голых камнях, был усыпан ярко-фиолетовыми сочными ягодами. Все, кроме змей, обходили это место стороной, потому что знали – если съесть хоть одну ягоду, уснёшь. И пробудиться от этого сна невозможно. Ядовитые кусты росли у подножия большого утёса. Однажды в его тени собрались тигры. Большие рыжие кошки распластались на земле и дремали. Один тигр, зевая, приоткрыл глаза и вдруг замер. Не отрывая взгляда, подкрался к кустарнику, понюхал ягодную гроздь, лизнул шершавым языком, и... получил удар по носу от другого тигра. Зарычал и кинулся на обидчика. Тот в недолгой драке утащил балбеса от ягод и сбежал обратно, чтобы вытоптать всю «змеиную радость».

Вечером в ущелье, как обычно, горел костёр. Люди, звери и птицы вместе коротали ночь. Все потеснились, пропуская поближе к огню пришедших тигров. Двое из них были с поцарапанными мордами, шерсть на боках была грязная и кое-где

выдрана целыми клочками. Они сели рядышком и вполголоса рычали друг другу:

– Ррры... Ррру... Рррря...

Рррразговаривали... Тиграм принесли последнюю горсть вишен из Общего Котла, по одной каждому. А через полчаса поднялся ветерок, луну закрыло облачко, с неба упали дождевые капли. И скоро пошёл такой ливень, что Общий Котел чуть не уплыл! Благо, сразу наполнился до краев, и потому остался на месте. Дождь сразу смыл следы и клочки шерсти у того кустарника. А люди выучили новое слово – Дррруг.

**КАРНАУХОВА
СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА**

Зима

Неслышно осень отступила,
Зима хозяйкою пришла.
И холода уж тащат с тыла
Снега, снега, снега...
Морозец утром красит щёки
И вором лезет в рукава.
Земля не пьёт из недра соки
Зима, зима, зима...

Опять зима

Висит кисея белоснежная
На ветках замёрших берёз
Зима ворвалась словно ведьма,
И ветер кусает до слёз
Пурга замела все дороги
И волком скулит у окна
И зябнут от холода руки и ноги
Опять к нам вернулась зима.
И день всё короче, короче,
И солнца не видно почти
Живёшь и работаешь будто бы ночью
И хочется выть от тоски.

КОПЬЕВА АЛЛА ФЁДОРОВНА

Запах весны

Клубится парок голубой
От солнцем нагретых подворий.
О том, что запахло весной,
Сорока трещит на заборе.
А чем она пахнет, скажи?
Капелью, звенящей до ночи?
Ручьём, что так шумно бежит?
Смолою разбуженных почек?
Надеждою пахнет она,
Мечтою манящей, далекой...
«Весна! На подворье – весна!» –
Трещит на заборе сорока.

Содержание

Устное народное творчество	
Сказка о медведе и бурундуке	3
Деревня охотника.....	5
Эква-Пыгрись пускает стрелы.....	6
Сиротка	13
Ворона с бусами в ушах	22
Конькова Анна Митрофановна	
Сантыр и Лэен	31
Сорнин Канясь – золотой князь.....	39
Глухарь величиной с оленя.....	43
Шесталов Юван Николаевич	
«Нужны мне крылья да ещё дорога...»	50
Нянька	50
Сказка о ребёночке-бобрёночке	51
Героическая песня дяди Сергея.....	58
Красная легенда на белом снегу.....	66
Тарханов Андрей Семёнович	
Берёзовские лиственницы	249
Вьюга.....	249
Спасённая бабочка	250
Чудо	251
Только.....	253
Анисимкова Маргарита Кузьминична	
Танья-богатырь.....	260
Оленья шкура	268

Динисламова Светлана Селивёровна	
Моё детство было, словно сказка.....	280
Я тобою горжусь, родная!	280
Кошманова Ольга Александровна	
Сказ о Сурень-Нэ	282
Яльвиль	283
Слинкин Александр Фёдорович	
Общий котёл	289
Карнаухова Светлана Владимировна	
Зима	293
Опять зима	293
Копьева Алла Фёдоровна	
Запах весны.....	294

Учебное издание

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 5 класса
общеобразовательных учреждений

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 24.09.2015.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 18,56. Тираж 200 экз. Заказ № 36.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru